ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Старшинов Александр Сергеевич

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА» В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРИОДА ЮСИН (1972–1979)

Специальность 5.6.2. – Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Ким Наталья Николаевна

Москва, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 5

Общая характеристика работы 5

Обзор источников 16

Историография 21

ГЛАВА 1. МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРЫ И «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУР В НЕЗАПАДНОМ КОНТЕКСТЕ..... 31

1.1. Класс, молодежные сообщества и их границы: к критике концепта субкультуры..... 32

1.2. «Теория поколений» Карла Мангейма в контексте изучения молодежных культур 44

1.3. Южнокорейские реалии периода модернизации и вопрос о классе..... 50

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ»..... 55

2.1. Молодежь, модерность, индустриализация: вступительные комментарии.. 55

2.2. Урбанизация и экономический рост 62

2.3. Расширение сферы образования..... 66

2.4. Распространение масс-медиа..... 71

2.5. Идея «массового общества» и популярная культура 78

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАК ЧОНХИ (1961–1979)..... 86

3.1. Военный переворот 1961 г. и завершение создания модерного государства в Республике Корея 88

3.2. Пак Чонхи и дискурс модернизации: рациональность, эффективность, западоцентризм 95

3.3. Перипетии «управляемой вестернизации»: между политикой государства и желанием масс 105
3.3.1. Гендерная политика: пересборка семейных отношений 106
3.3.2. Рациональность «простой одежды» и зарождение массовой моды 110
3.3.3. Сфера образования: создание граждан нации и несистемные эффекты..... 112
3.4. Популярная культура, традиция и логика избирательности 117
ГЛАВА 4. «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА»/ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, 1968–1979..... 127
4.1. «Молодежная культура»: рождение идеи/рождение феномена (1968–1972) 132
4.1.1. «Молодежная культура»: рождение феномена..... 132
4.1.2. «Молодежная культура»: рождение идеи 142
4.2. Революция в сфере популярной культуры и дебаты о «молодежной культуре» (1973–1975)..... 149
4.2.1. Пик развития «молодежной культуры» в контексте популярной культуры 149
4.2.2. Хан Вансан, дебаты о «молодежной культуре» и маргинализация концепта молодежной культуры 159
4.3. Распад и кризис «молодежной культуры» в контексте моральной паники (1976–1979)..... 169
4.4. Южнокорейская молодежь 1970-х гг., ее ценности и практики: социальное значение «молодежной культуры» 178
ГЛАВА 5. «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА» И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА МОЛОДЕЖЬ, В ПЕРИОД ЮСИН (1972–1979)..... 189
5.1. «Всеобщая гармония», «очищение общества» и «упаднические тенденции»: доминирующая идеология периода Юсин 192

5.2. Массовые организации периода Юсин и государственная политика в отношении «молодежной культуры» 199
5.3. Образы молодежи в период Юсин и политическое значение «молодежной культуры» 215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 225
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .. 230

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы

Период правления Пак Чонхи (1961–1979 гг.) является переломной эпохой в истории Республики Корея, когда бедное и полуаграрное государство, опустошенное Корейской войной (1950–1953 гг.), прошло через полномасштабную модернизацию и добилось значительного экономического роста. Вместе с тем в силу авторитарного характера режима Пак Чонхи его президентство сопровождалось массовыми нарушениями гражданских прав и свобод и репрессиями в отношении политической оппозиции. Исследователи традиционно делят время его правления на два периода: первый – относительно менее авторитарный период до введения конституции Юсин в 1972 г., иногда называемый «мягким авторитаризмом» (1963–1971 гг.)[1], сохранявшим черты либеральной демократии; второй – после ее принятия, «бюрократический авторитаризм», ориентированный на массовую мобилизацию общества[2] (1972–1979 гг.), фактически режим единоличной власти Пак Чонхи.

Проводимая правительством Пак Чонхи политика модернизации (известная как «модернизация Родины», *чогук кындэхва*) оказала огромное влияние на все сферы жизни южнокорейского общества. Такая политика, однако, была полна противоречий, так как осуществлялась в крайне сжатых формах, а «динамическое сосуществование несоизмеримых друг с другом исторических и социальных элементов приводило к построению весьма сложной и постоянно меняющейся социальной системы»[3], из-за чего правление Пак Чонхи стало периодом, оказавшим определяющее влияние на

---

[1] *Im H*. The Origins of the Yushin Regime: Machiavelli Unveiled. In: *The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2013. P. 233–261.

[2] *Im H*. The Rise of Bureaucratic Authoritarianism in South Korea. In: *World Politics*. 1987. Vol. 39. №. 2. P. 231–257; *Kahng B* The Yushin Constitution and the Establishment of Bureaucratic Authoritarianism in the Republic of Korea. In: *Korea Observer*. 1992. Vol. 23. №. 2. P. 177–195.

[3] *Chang K*. The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization. In: *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. №. 3. P. 446.

возникновение состояния «сжатой модерности» (англ. *compressed modernity*) в Республике Корея.

Период Юсин стал кульминацией процессов модернизации: государство сосредоточилось на развитии сельской местности (в рамках «Движения за новую деревню») и тяжелой и химической промышленности. Параллельно с этим именно в 1970-е гг. происходила массовая политизация и индоктринация южнокорейского общества, и это время, будучи пиком модернизационной политики, тем самым стало и наивысшей точкой идеологической мобилизации страны. Тем не менее, как отмечает Чхон Чжонхван, один из главных парадоксов правления Пак Чонхи заключается в том, что несмотря на милитаризацию общества и политические репрессии, «культурные возможности масс, а также автономия и плюрализм культуры неуклонно развивались»[4]. Этот контекст оказал сильное влияние как на южнокорейское демократическое движение, так и на рабочее движение, которое было «почти уничтожено в ходе Корейской войны и милитаризации южнокорейской политики»[5], но возродилось в качестве важного политического актора к 1980-м гг.

Именно в этих условиях возник новый тип культуры, так называемая «молодежная культура» (*чхоннён мунхва,* кор. 청년 문화)[6] –

---

[4] 천정환. 박정희 군사독재시대의 '교양'과 자유교양운동: 교양의 재구성, 대중성의 재구성 [*Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи и «Движение за образование в духе свободы»: реорганизация категорий «просвещения» и «популярности»] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 427 쪽.

[5] *Shin J.* Changing Patterns of South Korean Social Movements, 1960s-2010s: Testimony, Firebombs, Lawsuit and Candlelight. In: *Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post High Growth*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. P. 244.

[6] Использование термина «молодежная культура» сопряжено с рядом методологических трудностей. В Республике Корея само обозначение *чхоннён мунхва* появилось в конце 1960-х гг. (см. гл. 4, п. 1.2 настоящей диссертации) и первоначально применялось к феномену, являющемуся предметом нашего исследования, а также использовалось самими представителями этой культуры (к примеру, см. «*Декларацию "молодежной культуры"*» Чхве Инхо). Это привело к тому, что в южнокорейской историографии в настоящее время это выражение, с одной стороны, обозначает *исторический феномен* 1970-х гг., с другой – используется как *социологическая категория* в более широком смысле, что порождает определенную терминологическую неоднозначность. Хотя некоторые исследователи, в частности Сон Ынъён, подчеркивают, что применительно к феномену 1970-х гг. термин «молодежная культура» следует рассматривать «не как имя нарицательное, а как имя собственное» (송은영. 대중문화 현상으로서의 최인호 소설: 1970 년대 청년문화/문학의 스타일과

вестернизированная городская субкультура молодых людей [7], принадлежавших к поколению бэби-бумеров, родившихся после Корейской войны и иногда называемых «поколением *хангыля*». Представители этого поколения имели принципиально иной исторический опыт: они не застали периода японского колониального господства и Второй мировой войны, а также не были непосредственными свидетелями Корейской войны. Напротив, их взросление пришлось на эпоху стремительного восстановления страны и интенсивной модернизации, и именно это поколение в полной мере испытало на себе процесс становления состояния «сжатой модерности».

В условиях системы Юсин «молодежная культура» столкнулась с сильным давлением как со стороны старшего поколения, которое воспринимало новые формы молодежного самовыражения как отклонение от традиционных норм, так и государства, которое требовало от молодежи строгого соответствия государственной идеологии. Сам Пак Чонхи неоднократно подчеркивал особую роль молодежи в развитии страны в своих официальных выступлениях. Государство ожидало от молодежи активного участия в проекте «модернизации Родины» и добивалось усвоения ею официальных ценностей, используя систему образования, массовые движения

소비풍속 [*Сон Ынъён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры: стиль «молодежной культуры»/«молодежной литературы» 1970-х гг. и связанные с ними потребительские практики] // 상허학보. 2005. 제 15 호. 429 쪽), в таком случае, на наш взгляд, упускается тот факт, что осмысление феномена «молодежной культуры» 1970-х гг. впоследствии стало концептуальной основой для понимания и социологического анализа молодежных культур в Республике Корея в целом. В то же время другие исследователи, например Ким Чханнам в статье для «*Энциклопедии корейской национальной культуры*», хотя и формально определяют молодежную культуру как «культуру, выражающую уникальную идентичность молодого поколения», но фактически сосредотачивают свое внимание только на феномене 1970-х гг. (김창남. 청년문화 [*Ким Чханнам*. Молодежная культура] // 한국민족문화대백과사전. [Электронный ресурс]. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0056306 (дата обращения: 16.05.2025)). Во избежание терминологической путаницы в настоящей диссертации термин «молодежная культура» (в кавычках) используется для обозначения конкретного исторического феномена 1970-х гг., тогда как написание без кавычек будет относиться к молодежной культуре как социологическому понятию в общем смысле.

[7] Хотя не существует единого определения понятия «молодежь», в настоящей диссертации под этим термином подразумеваются молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. Этот возрастной диапазон, совпадающий с принятым ООН определением, часто применялся в статистических данных, приводимых в южнокорейских «*Белых книгах по вопросам молодежи*». Например, см.: 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи] / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 서울青少年會館出版部, 1976. 14; 16; 19; 21–22 쪽.

и пропаганду как средство интеграции этой социальной группы в модернизационный проект. Комплекс этих мер можно обозначить как *молодежную политику*, то есть политику, направленную на молодежь как отдельную социальную группу.

В настоящей диссертации проводится всесторонний анализ феномена «молодежной культуры» в контексте его взаимодействия с государственной политикой, включая модернизационные процессы, осуществляемые под эгидой государства, и государственную молодежную политику.

Актуальность темы данного исследования определяется тремя факторами. Во-первых, изучение «молодежной культуры» в контексте государственной политики в отношении молодежи позволит лучше понять сущность периода Юсин в целом, что поможет дать более полную и объективную оценку времени правления Пак Чонхи. Во-вторых, исследование взаимосвязей и противоречий между государственной политикой и «молодежной культурой» поможет глубже осмыслить процессы модернизации и вестернизации, происходящие в незападных странах. В-третьих, на фоне растущего интереса к современной южнокорейской популярной культуре (*кей-поп*) со стороны научного сообщества, анализ ее истоков и ранних форм будет способствовать более полному пониманию специфики современного культурного ландшафта Республики Корея.

Объектом исследования являются молодежные культуры и субкультуры, возникающие и развивающиеся в городской среде в условиях интенсивной урбанизации и модернизации современного общества.

Предметом исследования является южнокорейская «молодежная культура», рассматриваемая в контексте государственной политики правительства Пак Чонхи периода Юсин (1972–1979 гг.).

Целью диссертации является определение особенностей развития южнокорейской «молодежной культуры» под влиянием государственной политики периода Юсин (1972–1979 гг.).

Достижение данной цели предполагает выполнение нескольких **исследовательских задач**:

- Выявить и проанализировать причины возникновения «молодежной культуры», основные этапы ее развития и причины упадка во второй половине 1970 х гг.
- Выявить и проанализировать особенности государственной политики модернизации, определить степень ее влияния на «молодежную культуру».
- Выделить основные направления государственной политики в отношении молодежи в период Юсин, ее конкретные подходы и методы.
- Определить характер отношений между «молодежной культурой» 1970-х гг. и государственным проектом модернизации.

Хронологическими рамками исследования является период Юсин (1972–1979). Тем не менее, поскольку «молодежная культура» представляет собой феномен, который постепенно развивался с конца 1960-х гг., представляется невозможным определить точную дату ее возникновения. В связи с этим при анализе факторов, оказывавших влияние на различные аспекты «молодежной культуры», рассматриваются и события более раннего периода, в частности 1960-х гг.

Методологической основой диссертации является совокупность методов, традиционно применяемых в исторической науке: *описательно-аналитический*, *историко-системный*, *проблемно-хронологический*, а также метод *тематического анализа*.

Работа следует принципу историзма и рассматривает динамику между «молодежной культурой» и политикой государства в общем контексте социально-экономических и политических изменений в 1970-е гг. При написании глав диссертации был использован описательно-аналитический метод. Использование историко-системного подхода позволило не только

рассмотреть историю Республики Корея 1970-х гг. как составную часть всемирной истории, но и установить более тесную взаимосвязь различных факторов и элементов единой исторической реальности. Проблемно-хронологический метод позволил осуществить разбор исторического материала по тематическим блокам (проблемам), при этом сохранив хронологическую последовательность. Благодаря этому методу главный фокус диссертации сосредоточен на выявлении ключевых точек взаимодействия между государственной политикой и «молодежной культурой». Рассматривая особенности «молодежной культуры» в историческом контексте 1970-х гг., диссертация также широко использует подходы из других социальных наук, в частности культурологии и социологии. При анализе части первичных источников была использована разновидность контент-анализа, тематический анализ, чтобы показать то, как в них отражались социальные и политические реалий периода Юсин (которые в данном исследовании выступают «темами» в терминологии Алана Браймана[8]).

Работы, составляющие **теоретико-методологическую основу** данной диссертации, можно разделить на несколько категорий. В первую категорию входят работы, посвященные особенностям становления современного общества и государства, в частности книга Мишеля Фуко «*Надзирать и наказывать*»[9] и «*Национальное государство и насилие*»[10] Энтони Гидденса. Несмотря на разницу в подходах, оба автора признают модерность в качестве этапа, когда происходят глубокие общественные трансформации, связанные с установлением новых институтов и методов власти, «встроенных» в сферу повседневности. В нашей диссертации эта группа работ используется для выделения особенностей современной модели управления обществом, окончательный переход к которой происходит в период правления Пак Чонхи.

[8] *Bryman A*. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 297–298; 578–581.
[9] *Фуко М*. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2022. 416 с.
[10] *Giddens A*. The Nation-State and Violence. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 399 p.

Во второй блок работ входят *социологические исследования поколений*. На методологическую основу данной диссертации оказала влияние теория поколений Карла Мангейма[11], рассматривающая поколения как социальные группы, возникающие на основе общности уникального социального и исторического опыта. В диссертации мы также использует некоторые положения из исследований Шмуэля Эйзенштадта[12], выделяющего влияние общей социальной структуры и модернизации на становление поколений. Эта группа исследований лежит в основе выделения особенностей поколения, ставшего главной движущей силой южнокорейской «молодежной культуры» 1970-х гг. – послевоенных бэби-бумеров.

В третью группу входят *исследования субкультур*, проведенные в рамках подхода культурных исследований, которые рассматривают политические аспекты взаимодействия молодежных субкультур с доминирующей культурой. Сюда прежде всего входит коллективная монография «*Сопротивление посредством ритуалов*»[13], а также другие работы представителей школы культурных исследований и людей, близких к ней – Стюарта Холла[14], Дика Хебдиджа[15], Стэнли Коэна[16], которые, опираясь на теоретический базис неомарксизма (через рецепцию идей Антонио Грамши и Луи Альтюссера), фокусируются на том, как молодежные субкультуры символически сопротивляются доминирующему политическому порядку.

---

[11] *Мангейм К.* Проблема поколений // *Новое литературное обозрение*, 1998. № 2 (30). С. 7–47.

[12] *Eisenstadt S.* From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Chicago: Free Press of Glencoe. 1956. 260 p; *Eisenstadt S.* Archetypal Patterns of Youth. In: *Daedalus*. 1962. Vol. 91. №. 1. P. 28–46; *Eisenstadt S.* Modernization and Changing Conceptions of Youth and Generations. In: *Prospects*. 1995. Vol. 25. P. 341–352.

[13] Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain. London: Routledge, 2006. 401 p.

[14] *Hall S.* Notes on Deconstructing “the Popular”. In: *People’s History and Socialist Theory*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 227–239; *Hall S.* Popular Culture and the State. In: *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1986. P. 22–49.

[15] *Hebdige D.* Subculture: The Meaning of Style. London; New York: Routledge, 1979. 208 p. См. перевод части глав этой книги в: *Хебдидж, Д.* Субкультура: значение стиля // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2009. № 10. С. 131–175.

[16] *Коэн С.* Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.

Научная новизна диссертации определяется следующим:

- В диссертации комплексно рассматриваются социально-политические и культурные процессы периода Юсин в их совокупности.
- Диссертация проводит развернутый исторический анализ государственной молодежной политики и политики в сфере культуры в период Юсин.
- Исследование рассматривает «молодежную культуру» в контексте государственной политики, обращая внимание не столько на ее культурные характеристики, сколько на социальное и политическое значение.
- Работа впервые вводит в научный оборот широкую базу источников, связанных как с государственной политикой, так и с «молодежной культурой».
- Диссертация подходит к осмыслению феномена «молодежной культуры» с новых методологических позиций в российском кореееведении.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что она способствует углублению понимания процессов модернизации в Республике Корея, а ее результаты представляют ценность для дальнейших исследований в области истории повседневности, социальной и культурной истории. Положения и выводы диссертации, а также обширный эмпирический материал, собранный в процессе исследования, могут быть использованы в учебных целях на кафедрах истории Востока, а также в специализированных центрах, связанных с корейскими исследованиями. Материал работы может послужить основой при создании учебных пособий, индивидуальных и коллективных монографий, посвященных истории и культуре Кореи.

Диссертационное исследование обладает и **практической значимостью**: проведенный нами анализ поможет внести вклад в понимание

паттернов взаимодействия между молодежью и государством и тем самым стать основой для выработки более сбалансированной государственной молодежной политики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Возникновение и развитие южнокорейской «молодежной культуры» было результатом проводимой государством политики модернизации и последовавшим за ней экономическим ростом. На формирование этого феномена наибольшее влияние оказали такие факторы, как интенсивная урбанизация, расширение доступа к школьному и университетскому образованию, активное распространение средств массовой информации и, как следствие этого, окончательное оформление сферы популярной культуры.
2. На возникновение и развитие «молодежной культуры» оказали влияние и идеологические аспекты проекта модернизации, в частности пиетет перед западными «развитыми странами» (*сончжингук*). Власти пытались проводить политику «ограниченной вестернизации», избирательно внедряя западные ценности и культуру ради экономической эффективности, однако в условиях сохранения капиталистической модели культурной политики контроль над культурными заимствованиями оказался неполным, и западные образы стали интерпретироваться молодежью в собственных целях.
3. Эволюцию южнокорейской «молодежной культуры» можно разделить на три этапа:
    1) 1968–1972 гг.: субкультурный этап, когда элементы «молодежной культуры» были в основном распространены среди студентов и сохранялась прямая связка с потреблением западной культуры. В конце этого этапа начинается коммерциализация «молодежной культуры» и ее интеграция в сферу популярной культуры.

2) 1973–1975 гг.: этап интеграции «молодежной культуры» в популярную культуру, когда она становится предметом интереса со стороны значительной части городской молодежи. Происходит расширение практик и стиля, связанных с «молодежной культурой», выходят связанные с ней популярные литературные произведения и музыкальные альбомы, появляется «молодежный кинематограф». На этом этапе «молодежная культура» оказывается «локализованной» и укорененной в специфических южнокорейских реалиях.
3) 1976–1979 гг.: третий этап, когда под давлением государства происходит кризис «молодежной культуры». На этом этапе «молодежная культура» становится объектом моральной паники и начинает ассоциироваться с девиантным поведением и преступлениями, хотя часть ее элементов получает дальнейшее распространение.

4. «Молодежная культура» отражала ценностные различия между поколениями в Республике Корея и была символическим выражением поколенческого конфликта. Исторический опыт поколения бэби-бумеров отличался от опыта родительского поколения, что привело к различиям в ценностных ориентациях, которые проявлялись в стремлении к более горизонтальному взаимодействию в повседневной жизни, ослаблении ценностей сыновней почтительности и стремлении к автономии среди молодежи.
5. Идеология «всеобщей гармонии» (*чхонхва*) была центральным элементом государственной политики периода Юсин, направленной на мобилизацию общества и подавление внутренних противоречий. Основываясь на традиционных корейских ценностях, специфически интерпретированных правительством Пак Чонхи, она служила инструментом легитимации власти и средством нейтрализации культурных явлений, выходивших за рамки официального дискурса.

«Всеобщая гармония» представляла собой коллективистскую, иерархически организованную систему ценностей, призванную обеспечивать социальную стабильность.

6. «Молодежная культура» вступала в противоречие с официальной идеологией и системой ценностей режима Юсин. Ее практики хотя и не были напрямую политизированными, но открывали пространство для символического сопротивления и культурной автономии молодого поколения, а образы «молодежной культуры» противоречили образам молодежи, формируемым государством в период Юсин.
7. В широком смысле возникновение и развитие «молодежной культуры» является свидетельством двойственной природы процессов модернизации в Республике Корея. Государство сыграло определяющую роль в этих процессах, но оно же стремилось культурно навязать свое специфическое видение современности. Однако на низовом уровне также формировались альтернативные практики освоения и интерпретации современности, проявлением чего и была «молодежная культура». Тем самым процесс модернизации в Республике Корея являлся пространством конфликта между разными социальными группами и государством.

Апробация работы

Основные положения и выводы диссертации изложены в трех научных статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, две из них были также переведены на английский язык. Часть результатов исследования были представлены в ходе работы над коллективным научно-исследовательской проектом «*Национальная идеология и инструменты воспитания патриотизма в Корее (XX–XXI вв.)*» (номер гранта: 24-28-00788). Некоторые положения исследования нашли применение при чтении спецкурса «*Политические процессы в Республике Корея свозь призму национального*

кинематографа» в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Отдельные результаты исследования прошли апробацию в период 2021–2025 гг. в форме докладов на восьми научно-практических конференциях, круглых столах и иных научных мероприятиях.

Работа состоит из пяти глав, введения, заключения и библиографии.

Обзор источников

Источники для темы нашей диссертации можно разделить на семь групп. Первой группой источников являются *нормативные акты* периода Юсин: законы, президентские указы, документы, связанные с конкретными министерствами. Официальные документы того времени являются важными источниками, через которые можно проследить как общий вектор государственной политики в сфере регулирования общественной и культурной жизни, так и конкретное отношение властей к феномену «молодежной культуры».

Во вторую группу источников включаются *материалы, доклады и отчеты национальных правительственных организаций*. Главными источниками такого типа являются «*Белые книги по вопросам молодежи*»[17], которые начинают систематически публиковаться со второй половины 1970-х гг. Эти издания содержат обширные статистические данные касательно молодежи, сведения о реализации конкретных проектов и программ, направленных на работу с ней, и идеологические аспекты молодежной политики государства. Они представляют собой концентрированное выражение взглядов государства на молодое поколение, отражая как цели, так и практические результаты молодежной политики. Несмотря на их очевидную

[17] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. 404 쪽; 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи] / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1978. 375 쪽; 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи] / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1979. 437 쪽; 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи] / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1980. 461 쪽.

значимость, этот вид источников до настоящего времени оставался в стороне от внимания большинства исследователей, и впервые вводится в научный оборот в нашей диссертации. Кроме того, к данной категории источников также следует отнести материалы, подготовленные другими государственными органами Республики Корея, в частности государственной Компанией по продвижению кинематографа Республики Корея, которая издавала официальные ежегодники, посвященные состоянию южнокорейской киноотрасли[18]. Эти издания представляют собой ценный источник сведений о государственной кинополитике, данных о прокате и составе зрительской аудитории.

Третья группа источников представляет собой *учебные материалы периода Юсин*, такие как учебники «*Путь защиты свободы*»[19], «*Единый учебник по системе Юсин*»[20] и более углубленные пособия под названием «*Идеи системы Юсин*»[21] и «*Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин*»[22]. Эти материалы были разработаны и внедрены в рамках образовательной реформы, осуществленной после принятия Конституции Юсин в 1972 г. Эта реформа ознаменовала собой резкое усиление идеологической составляющей школьного образования, что выразилось в изменении содержания учебных программ. Поэтому данные источники представляют особую ценность для изучения официальной идеологии, продвигаемой государством, а также тех ключевых политических и моральных установок, которые предполагалось внедрить в сознание молодежи через систему образования.

---

[18] 1977 年度版 韓國映画年鑑 [Ежегодник южнокорейского кино за 1977 г.]. 서울: 映画振興公社, 1978. 403 쪽; 1979 年度版 韓國映画年鑑 [Ежегодник южнокорейского кино за 1979 г.]. 서울: 映画振興公社, 1980. 389 쪽.

[19] 자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 236 쪽

[20] 10 월 유신 스터디 북 <중고교 전학년용> [Единый учебник по системе Юсин для средней и старшей школы]. 서울: 민중서관, 1972. 93 쪽.

[21] 維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 185 쪽.

[22] 維新政治의 指導理念 [Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин]. 서울: 光明出版社, 1976. 202 쪽.

Четвертой группой источников являются *официальные заявления и произведения* политических деятелей, в первую очередь президента Республики Корея Пак Чонхи. В эту категорию входят его программные речи и тексты пресс-конференций, а также написанные им книги, выпущенные при его жизни, в которых он излагал свои взгляды на модернизацию и историческое развитие Кореи. Особое внимание уделяется двум ключевым работам: «*Пути нашей нации*»[23] 1962 г. и «*Пути возрождения нации*»[24] 1979 г., анализ которых позволяет проследить эволюцию его политических взглядов, а также реконструировать идеологические основы модернизационного проекта в период его правления. К данной категории источников также относятся публичные выступления его дочери, Пак Кынхе, тексты которых были изданы в 1979 г. под названием «*Путь нового духа*»[25]. Во второй половине 1970-х гг. она становится одной из ключевых фигур южнокорейской политики, осуществляя деятельность по пропаганде традиционных корейский ценностей в рамках «Движения за новый дух», и рассмотрение содержания ее выступлений будет важно для понимания специфики идеологического ландшафта второй половины 1970-х гг.

Пятой группой источников является *периодическая печать*: статьи, опубликованные в ведущих газетах («*Чосон ильбо*», «*Чунан ильбо*», «*Кёнхян синмун*», «*Тона ильбо*» и др.) и еженедельных и ежемесячных журналах («*Воскресный Сеул*», «*Син тона*», «*Поколение*») того времени. В свою очередь, сами статьи следует разделить на несколько категорий: во-первых, репортажи/новостные сводки, которые являются источником фактологической информации о происходивших событиях. Во-вторых, колонки отдельных известных журналистов того времени, в частности статьи

[23] 박정희. 우리 민족의 나갈 길 [*Пак Чонхи*. Путь нашей нации]. 서울: 기파랑, 2017. 204 쪽.
[24] 박정희. 민족중흥의 길 [*Пак Чонхи*. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 228 쪽.
[25] 박근혜. 새마음의 길 [*Пак Кынхе*. Путь новой души]. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 182 쪽.

Ким Бёнъика[26], журналиста культурного отдела «*Тона ильбо*» с 1965 по 1975 г., который одним из первых обратил внимание на «молодежную культуру» в Республике Корея и посвятил ей большое количество репортажей. В-третьих, отдельной категорией являются газетные статьи, написанные непосредственными представителями «молодежной культуры» («*Декларация "молодежной культуры"*» Чхве Инхо[27], «*Певице в джинсах тоже есть что сказать*» Ян Хиын[28], «*Рассказ о моем брате*» Ли Чжанхо[29], «*То, что нельзя делать, и то, что делать можно*» Чо Хэиля[30] и пр.). В-четвертых, отдельный интерес представляют публиковавшиеся в периодических изданиях стенограммы публичных дебатов, где участвовали как представители «молодежной культуры», так и ведущие интеллектуалы того времени[31].

Шестой группой источников являются *аудиовизуальные источники* 1970-х гг. В эту категорию входят так называемые «молодежные фильмы» (*чхоннён ёнхва*, кор. 청년영화), которые были сняты новой волной южнокорейских режиссеров (например, Ким Хосоном и Ли Чжанхо), стремившихся отразить актуальные общественные феномены в своих фильмах и репрезентировать «молодежную культуру» и ее ценностные ориентиры, а также популярная музыка того времени (например, музыкальные произведения за авторством Ким Минги и Сон Чхансика). В эту группу источников входит и официальное искусство периода Юсин –

---

[26] 金炳翼.「青年文化」의 胎動 [*Ким Бёнъик*. Рождение «молодежной культуры»] // 동아일보. 19.02.1970. 5 면; 金炳翼. 오늘날의 「젊은偶像」들 [*Ким Бёнъик*. Сегодняшние «молодые идолы»] // 동아일보. 29.03.1974. 5 면.

[27] 崔仁浩. 青年文化 선언 [*Чхве Инхо*. Декларация «молодежной культуры»] // 한국일보. 24.04.1974. 5 면.

[28] 楊姬銀. "청바지 歌手"도 할말 있다 [*Ян Хиын*. «Певице в джинсах» тоже есть что сказать] // 조선일보. 29.09.1974. 4 면.

[29] 李長鎬. 내동생 이야기 [*Ли Чжанхо*. История моего младшего брата] // 조선일보. 21.07.1974. 5 면.

[30] 趙海一. 할수없는 것과 할수있는 것 [*Чо Хэиль*. То, что делать нельзя, и то, что делать можно] // 조선일보. 19.05.1974. 4 면.

[31] 鄭美朝, 楊姬銀, 朴容九, 韓東世, 黃正泰. 대중가요의 저속성 [*Чон Мичжо, Ян Хиын, Пак Ёнгу, Хан Донсе, Хван Чжонтхэ*. Вульгарность популярных песен] // 세대. 1973. 제 3 호. 194–203 쪽; 盧在鳳, 李御寧, 崔仁浩, 韓完相, 玄永學, 吳甲煥. 심포지움 '韓國의 青年文化' – 토론 流行이냐 反抗이냐 [*Но Чжэбон, Ли Орён, Чхве Инхо, Хан Вансан, Хён Ёнхак, О Гапхван*. Симпозиум по южнокорейской «молодежной культуре»: мода или бунт?] // 新東亞. 1974. 제 7 호. 130–149 쪽.

пропагандистский кинематограф, как в форме документальных «культурных фильмов» [32] и «новостных фильмов» [33], так и в форме созданных при государственной поддержке игровых фильмов (*кукчхэк ёнхва,* кор. 국책 영화) – к примеру, «*Марш жен*» Им Гвонтхэка – а также официальная «здоровая музыка» (*кончжон ымак,* кор. 건전 음악).

Наконец, седьмой группой первичных источников являются *источники личного происхождения*: интервью, мемуары и воспоминания ключевых акторов «молодежной культуры». К примеру, автобиографии Син Чжунхёна[34], Ли Чжанхо[35], Хан Дэсу[36], Юн Хёнчжу[37] и Ян Хиын[38]; интервью с Чхве Инхо[39], Ли Чжанхи [40], Ким Минги [41] др. При изучении такого рода источников необходимо учитывать их субъективность, которая определяется не только ограничениями личного опыта, но и временным фактором, так как большая

---

[32] «Культурные фильмы» (*мунхва ёнхва*, кор. 문화 영화) – документальные (либо, в некоторых случаях, полудокументальные) фильмы, которые являлись одним из инструментов осуществления культурной политики в сфере образования и просвещения. Закон о кинематографе от 1973 г. определял их как «фильмы, произведенные на основе документальных съемок и созданные с целью образовательного и культурного воздействия или изображения социальных обычаев в различных областях, таких как общество, экономика и культура». 영화법 [Закон о кинематографе от 1973 г.] // 법제처. 16.02.1973. URL: https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5215&ancYd=19730216&ancNo=02536&efYd=19730216&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).

[33] «Новостные фильмы» (*нюсы ёнхва*, кор. 뉴스 영화) – короткие документальные фильмы, снимаемые для освещения текущих событий, то есть *кинохроника*. Закон о кинематографе от 1973 г. определял их как «фильмы, созданные для быстрого и точного освещения текущих событий в различных областях, таких как политика, экономика, общество и культура». Там же.

[34] 신중현. 내 기타는 잠들지 않는다 [*Син Чжунхён*. Моя гитара никогда не спит]. 서울: 해토, 2006. 237 쪽.

[35] 이장호. 바보처럼 나그네처럼 [*Ли Чжанхо*. Будто дурак, будто странник]. 서울: 산하, 1987. 352 쪽.

[36] 한대수. 나는 행복의 나라로 갈테야 나의 삶, 사랑, 음악 이야기 [*Хан Дэсу*. Я отправлюсь в страну счастья: история моей жизни, любви и музыки.]. 서울: 아침이슬, 2005. 278 쪽.

[37] 윤형주. 나의 노래, 우리들의 이야기 [*Юн Хёнчжу*. Моя песня, наша история]. 서울: 삼인, 2023. 311 쪽.

[38] 양희은. 이루어 질 수 없는 사랑 [*Ян Хиын*. Недостижимая любовь]. 서울: 우석, 1993. 246 쪽

[39] 황호택. 최인호 당대 유명작가들을 평하다 [*Хван Хотхэк*. Писатель Чхве Инхо оценивает популярных писателей-современников (интервью с Чхве Инхо)] // 新東亞. 2002. 제 4 호. [Электронный ресурс]. URL: https://shindonga.donga.com/3/all/13/101620/11 (дата обращения: 16.05.2025).

[40] 신현준, 이용우, 김형찬. 지구인(地球人), 지역인 시기의 창의성에 대한 기억: 이장희 [*Син Хёнчжун, Ли Ёну, Ким Хёнчхан*. Память о креативности в эпоху глобального и локального самосознания: интервью с Ли Чжанхи] // 한국 팝의 고고학 1960 [*Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг.*] / 신현준, 최지선. 서울: 을유문화사, 2022. 455–464 쪽.

[41] 강헌. 길은 다시 다른 봉우리로…… [*Кан Хон*. Дорога снова ведет к другой горной вершине… (интервью с Ким Минги)] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 508–523 쪽.

часть этих материалов была написана по прошествии нескольких десятков лет с момента активного участия в «молодежной культуре». Тем не менее, данные материалы могут быть как важными источниками фактологической информации, так и отражать динамику развития «молодежной культуры», преломляемую в личном опыте ее деятелей.

Историография

Говоря о **степени разработанности темы и историографии**, следует отметить, что тема «молодежной культуры» 1970-х гг., равно как и молодежной политики государства того периода, является малоизученной и практически не рассматривалась в отечественном корееведении. Тем не менее, ряд трудов российских кореведов раскрывает отдельные аспекты общественного развития Республики Корея, важные для нашей диссертации.

Среди обобщающих трудов, посвященных историческому развитию Кореи, особого внимания заслуживает исследование С.О. Курбанова «*История Кореи: с древности до начала XXI века*»[42], а также коллективная монография «*Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории*»[43]. Эти работы последовательно раскрывают ключевые тенденции социально-политического и экономического развития двух корейских государств в различные исторические периоды, включая особенности их эволюции во второй половине XX в. Общие особенности корейской культуры, в том числе включая такие аспекты популярной культуры, как кинематограф, нашли отражение в учебном пособии И.А. Толстокулакова «*Очерк истории корейской культуры*»[44].

Фундаментальная работа К.В. Асмолова «*Корейская политическая культура*»[45] посвящена особенностям корейской политической культуры в

[42] *Курбанов С.О*. История Кореи: с древности до начала XXI века. 4-е изд., испр. ред. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. 742 с.

[43] *Торкунов А.В. и др*. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.

[44] *Толстокулаков И.А*. Очерки истории корейской культуры. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2002. 240 с.

[45] *Асмолов К.В*. Корейская политическая культура: традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с.

странах Корейского полуострова и включает в себя разделы об идеологии режима Пак Чонхи и влияния традиции на ее становление. Политическая история авторитарного периода нашла отражение в исследованиях И.А. Толстокулакова [46] и В.М. Мазурова [47] . Вопросы идеологической эволюции Республики Корея в годы авторитарного правления также обстоятельно рассмотрены в трудах Е.М. Ермолаевой [48], часть из которых подробно останавливаются на идеологических особенностях эпохи Пак Чонхи. Следует отдельно упомянуть и монографии А.А. Прошина и А.А. Тимонина[49] и М.Н. Пака [50], которые с марксистских позиций критически подходят к осмыслению идеологии того времени. Ряд аспектов политической философии и идеологических трансформаций в период Юсин были раскрыты в статьях Д.А. Самсонова[51] и А.А. Курмызова[52].

---

[46] *Толстокулаков И.А*. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2003. 444 с; *Толстокулаков И.А*. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 365 с.

[47] *Мазуров В.М*. Южная Корея и США (1950–1970 гг.). Москва: Наука, 1971. 268 с; *Мазуров В.М*. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литература, 1996. 197 с.

[48] *Ермолаева Е.М*. Роль идеологии в политических режимах Ли Сынмана и Пак Чонхи (Республика Корея в 1948–1979 гг.) // *Россия и АТР*. 2009. № 1(63). С. 150–157; *Ермолаева Е.М*. Истоки южнокорейского национализма. Власть и идеология в Республике Корея // *Известия Восточного института*. 2016. № 3(31). С. 55–66; *Ермолаева Е.М*. Государственная идеология Республики Корея: от истоков к современности // *КНДР и РК-70 лет: Коллективная монография*. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 252–262; *Ермолаева Е.М*. Протестная идеология авторитарного периода в Республике Корея // *Актуальные проблемы востоковедения: Сборник научных трудов по итогам работы VIII Международной научно-практической конференции по востоковедению, Хабаровск, 10 декабря 2018 года. Выпуск 8* / под ред. *И.Н. Гущиной*. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 67–81; *Ермолаева Е.М*. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2021. 212 с.

[49] *Прошин А.А., Тимонин А.А*. Неоколониализм США и Южная Корея. М.: Наука, 1985. 189 с.

[50] *Пак М.Н*. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков. М.: Наука, 1987. 148 с.

[51] *Самсонов Д.А*. Основные идеологические установки системы «Юсин» (1972–1979) (по материалам исследований корейских авторов) // *Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар 2001*. СПб.: Фонд Восточных культур, 2002. С. 125–136; *Самсонов Д.А*. Государственное устройство Республики Корея по конституции «Юсин» (1971–1979) // *Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. С. 160–174.

[52] *Курмызов А.А*. Движение за новую деревню (Сэмаыль ундон): социально-экономический и идеологический аспекты // *Вестник российского корееведения*. 2011. №3. С. 97–106; *Курмызов А.А*. К вопросу об идейных истоках общественно-политических взглядов Пак Чон Хи (1961–1979) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 116–127; *Курмызов А.А*. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2023. № 4. С. 374–392.

Социально-экономические аспекты модернизации Республики Корея в период правления Пак Чонхи рассматривались в трудах А.А. Бучкина[53] и Б.В. Синицина [54] , а сама концептуализация проблемы развития и капиталистической модернизации Республики Корея была подробно затронута в статьях О.В. Давыдова[55] и А.С. Прозоровского[56]. Исследования В.И. Ильина [57] и Д.В. Иванова [58] раскрывают социально-экономические влияние процессов модернизации на повседневную жизнь южнокорейцев, уделяя особое внимание возникновению таких феноменов, как общество потребления и трансформация традиционных социальных связей. Значимость сферы образования для государств Корейского полуострова и особенности ее модернизации подробно раскрыты в монографии за авторством Х.С. Пак и И.А. Толстокулакова [59], там же дан краткий исторический очерк развития сферы образования в Республике Корея. Необходимо отметить и труды Н.Н. Ким [60] , не только затрагивающие гендерную проблематику в южнокорейской истории, но и посвященные развитию рабочего движения в Республике Корея.

---

[53] *Бучкин А.А*. Социальная эволюция современной Южной Кореи: капиталистическая модернизация и средние городские слои. М.: Наука, 1987. 219 с.

[54] *Синицын Б.В*. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М.: Наука, 1967. 172 с; *Синицын Б.В*. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (60–80-е годы) // *Республика Корея. Опыт модернизации* / отв. ред. *В.М. Мазуров*. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 74–106.

[55] *Давыдов О.В*. «Капиталистическая модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи // *Проблемы Дальнего Востока*. 1988. № 1. С. 93–106.

[56] *Прозоровский А.С*. Модернизаторский авторитаризм в Индонезии и Южной Корее // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 7. С. 83–92; *Прозоровский А.С*. «Догоняющее» развитие и модернизаторский алгоритм в Южной Корее // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 72–83.

[57] *Ильин В.И*. Модернизация повседневности в Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 4. С. 90–106.

[58] *Иванов Д.В*. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 4. С. 63–89.

[59] *Пак Х.С., Толстокулаков И.А*. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 254 с.

[60] *Ким Н.Н., Хохлова Е.А*. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 106–122; *Ким Н.Н*. Эволюция женского общественного движения в Республике Корея // *КНДР и РК-70 лет: Коллективная монография*. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 263–276; *Ким Н.Н*. Гендер, класс и этничность: перипетии истории женского рабочего движения в Корее // *Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: От традиционного общества к современному*. Москва: Наука, 2019. С. 118–160.

Англоязычные работы, содержащие информацию по теме «молодежной культуры», крайне малочисленны и, за редким исключением, либо являются краткими пересказами и переводами работ, написанных на корейском языке[61], либо общеисторическими книгами, в которых феномен «молодежной культуры» и государственная политика в отношении молодежи упоминаются предельно кратко[62]. Несколько монографий на английском языке, тем не менее, затрагивают политику государства и социально-экономические изменения в период авторитарной модернизации, а потому могут быть полезны для выполнения исследовательских задач данной диссертации.

В монографии «*“Образовательная лихорадка”: общество, политика и стремление к обучению в Южной Корее*»[63] Майкл Сет детально рассматривает трансформацию системы образования в Республике Корея в контексте послевоенной модернизации, уделяя особое внимание взаимодействию между устремлениями населения и проводимой государством образовательной политикой. Две монографии Ку Хэгына, посвященные рабочему («*Корейские рабочие: культура и политика формирования класса*») [64] и среднему («*Привилегированность и тревожность: корейский средний класс в эпоху глобализации*»)[65] классам, подробно раскрывают процесс становления классов в современной Республике Корея, затрагивая и особенности их противоречивого взаимодействия с доминирующей идеологией в период правления Пак Чонхи.

---

[61] *Lee Y*. You Call That Music: Korean Popular Music Through the Generations / trans. by *Y.-M. Yu Cho, B.J. Park & J. Yoon*. London: Routledge, 2022. 142 p.

[62] Например, см.: *Yoo T*. The Koreas: The Birth of Two Nations Divided. Oakland: University of California Press, 2020. P. 94–101.

[63] *Seth M*. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. 320 p.

[64] *Koo H*. Korean Workers: The Culture and Politics of Class Formation. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. 240 p.

[65] *Koo H*. Privilege and Anxiety: The Korean Middle Class in the Global Era. Ithaka: Cornell University Press, 2022. 162 p.

Следует отдельно выделить монографию Мун Сынсук[66], которая, на наш взгляд, является одной из ключевых работ, необходимых для понимания периода правления Пак Чонхи в целом и периода Юсин в частности. Автор рассматривает период военного управления через призму двух основных концептов: «милитаризированной модерности» (англ. *militarized modernity*) и «гендерно-дифференцированного набора гражданских прав и обязанностей» (англ. *gendered citizenship*), тем самым раскрывая основные особенности гендерного измерения идеологии военного режима. И хотя Мун Сынсук не выделяет молодежь как ключевого адресата такой политики, с нашей точки зрения, именно молодое поколение фактически становилось ее главной «целевой группой». Использование такого подхода к осмыслению государственной политики периода Юсин способно более точно характеризовать отношения между государством и «молодежной культурой».

Работы на корейском языке гораздо более многочисленны и составляют основной массив вторичных источников для нашей диссертации. Количество статей, непосредственно посвященных «молодежной культуре», однако, не так велико, а существующие материалы в основном затрагивали лишь ее отдельные аспекты. Кроме того, значительная часть исследований в этой категории преимущественно воспринимают «молодежную культуру» не как *социокультурное* явление, а лишь как *художественное* движение в музыке, кинематографе и литературе.

Среди отдельных работ о «молодежной культуре» следует отметить статью Ли Херим «*Исторический процесс формирования "молодежной культуры" 1970-х гг. на примере паттернов потребления популярной музыки*»[67], в которой прослеживается исторический контекст формирования «молодежной культуры». Несмотря на то, что основной акцент исследования

---

[66] *Moon S.* Militarized Modernity and Gendered Citizenship in South Korea. Durham; London: Duke University Press, 2005. 268 pp.

[67] 이혜림. 1970 년대 청년문화구성체의 역사적 형성과정 – 대중음악의 소비양상을 중심으로 [*Ли Херим*. Исторический процесс формирования «молодежной культуры» 1970-х гг. на примере паттернов потребления популярной музыки] // 사회연구. 2005. 제 6 권. 제 2 호. 7–40 쪽.

лежит на музыке, в нем кратко обозначаются общие аспекты «молодежной культуры» и выделяются социально-экономические факторы, оказавшие влияние на становление этого феномена, что делает эту работу исключением из отмеченной выше тенденции. Среди исследований фолк-музыки 1970-х гг. необходимо также упомянуть работы Ким Чханнама[68], который, однако, склонен критически оценивать популяризацию этого направления, утверждая, что наибольший вклад в развитие аутентичной музыки, связанной с «молодежной культурой», внес лишь Ким Минги. В категории исследований, посвященных искусству, связанному с феноменом «молодежной культуры», следует отметить статью Кан Ёнхи[69], где анализируются отдельные особенности «молодежных мелодрам» 1970-х гг., и Сон Ынъён[70] о «молодежной литературе», где феномен южнокорейской молодежной субкультуры впервые рассматривается в плоскости потребительских практик.

Среди работ о восприятии «молодежной культуры» обществом и государством необходимо упомянуть статью Чу Чханъюна «*Политика поколенческого дискурса "молодежной культуры" 1970-х гг.*»[71], где исследуются различные типы дискурса, сопровождавшие обсуждение этого феномена, с особым акцентом на дебатах 1974 г. Отдельного внимания заслуживает и работа Ли Саннока «*Дискурс "очищения общества" режима Пак Чонхи и "молодежная культура"*», которая затрагивает отдельные аспекты взаимодействия «молодежной культуры» с доминирующей идеологией[72].

---

[68] 김창남. 김민기, 그리고 새로운 청년문화의 구상 [*Ким Чханнам*. Ким Минги и формирование новой молодежной культуры] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 9–26 쪽; 김창남. 1970 년대 한국 청년문화의 문화적 정체성: 통기타음악을 중심으로 [*Ким Чханнам*. Культурная идентичность «молодежной культуры» 1970-х гг. на примере акустической гитарной музыки] // 대중음악. 2008. 제 2 호. 144–165 쪽.

[69] 강영희. 10 월유신, 청년문화, 사회성 멜로드라마 [*Кан Ёнхи*. Система Юсин, «молодежная культура» и жанр «социальной мелодрамы»] // 여성과 사회. 1992. 제 3 호. 223–248 쪽.

[70] *Сон Ынъён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры... С. 419–445.

[71] 주창윤. 1970 년대 청년문화 세대담론의 정치학 [*Чу Чханъюн*. Политика поколенческого дискурса «молодежной культуры» 1970-х гг.] // 언론과 사회. 2006. 제 14 권. 제 3 호. 73–105 쪽.

[72] 이상록. 박정희 체제의 '사회정화' 담론과 청년문화 [*Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи и «молодежная культура»] // 근대의 경계에서 독재를 읽다: 대중독재와 박정희 체제 [*Прочтение*

Важное значение для диссертационного исследования имеют работы и коллективные монографии, посвященные 1970-м гг. как отдельному периоду в развитии Республики Корея. Они затрагивают широкий спектр политической, социальной и культурной истории того времени и зачастую кратко упоминают и «молодежную культуру». Хотя большинство таких изданий лапидарно излагают проблематику «молодежной культуры», некоторые из них не лишены интересных наблюдений и выводов. Среди таких работ внимания заслуживает трехтомная «*Прогулка по истории Республики Корея 1970-х гг.*»[73] Кан Чжунмана, где в хронологическом порядке изложены ключевые события того времени, и монография Хан Хонгу «*Юсин: эпоха одного человека*»[74], где автор, отказавшись от строгого хронологического повествования, концентрируется на тематических блоках истории 1970-х гг. Следует выделить и сборник статей «*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*»[75], где коллектив авторов пытается критически осмыслить политическую, социальную и культурную историю периода Юсин. В книге две главы (за авторством Ким Вона[76] и Ким Сонхвана[77]) посвящены «молодежной культуре», в них кратко излагается проблематика этого явления.

Отдельную категорию работ составляют исследования повседневности периода правления Пак Чонхи. Механизмы воздействия государства на повседневную жизнь в условиях модернизации исследуются в коллективной

диктатуры на полях модерности: массовые диктатуры и режим Пак Чонхи] / 장문석, 이상록 엮음. 서울: 그린비, 2006. 335–376 쪽.

[73] 강준만. 한국 현대사 산책 1970 년대 1–3 [*Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 1–3]. 서울: 인물과사상사, 2002. 929 쪽.

[74] 한홍구. 유신 오직 한 사람을 위한 시대 [*Хан Хонгу*. Юсин: эпоха одного человека]. 서울: 한겨레출판, 2014. 422 쪽.

[75] 1970, 박정희 모더니즘 [1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 412 쪽.

[76] 김원. ‘유신의 금기’를 넘어선 청년문화 [*Ким Вон*. «Молодежная культура», преодолевшая «юсиновские запреты»] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 270–281 쪽.

[77] 김성환. 청년문화를 제압한 ‘대마초 파동’ [*Ким Сонхван*. «Марихуановый скандал», подавивший «молодежную культуру»] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 282–296 쪽.

монографии «*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*»[78], а аспекты повседневной культуры разных социальных групп и степень вмешательства государства в сферу их повседневных практик рассматриваются в «*Истории повседневности Республики Корея в современный период, 1970-е гг.: "Движение за новую деревню" и мини-юбки*»[79].

Идеологические особенности режима Пак Чонхи, специфика взаимодействия общества и государства в период Юсин, а также дискурсы власти и интеллектуалов анализируются в работах Хван Бёнчжу[80] и Ким Вона[81]. Особого внимания заслуживают статьи Ли Саннока[82], Сон Ынъён[83] и Ким Доккхо[84], посвященные феномену потребления в контексте авторитарной

---

[78] 국가와 일상: 박정희세대 [Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 510 쪽.

[79] 한국현대 생활문화사 1970 년대: 새마을운동과 미니스커트 [История повседневной культуры Республики Корея в новейший период, 1970-е гг.: «Движение за новую деревню» и мини-юбки] / 김경일 등저. 서울: 창비, 2016. 316 쪽.

[80] 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [*Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 [*Массовая диктатура: между принуждением и согласием*] / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 475–516 쪽; 황병주. 박정희 체제의 지배담론: 근대화 담론을 중심으로 [*Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи: на примере дискурса модернизации]. 한양대학교 대학원, 2008. 330 쪽.

[81] 김원. '한국적인 것'의 전유를 둘러싼 경쟁: 민족중흥, 내재적 발전 그리고 대중문화의 흔적 [*Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»: дискурс национального возрождения, теория «внутреннего развития» и следы массовой культуры] // 사회와역사. 2012. 제 93 호. 185–235 쪽.

[82] 이상록. 1970 년대 소비억제정책과 소비문화의 일상정치학 [*Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления и повседневная политика потребительской культуры в 1970-е гг.] // 역사문제연구. 2013. 제 17 집. 제 1 호. 137–182 쪽.

[83] 송은영. 1960~70 년대 한국의 대중사회화와 대중문화의 정치적 의미 [*Сон Ынъён*. Превращение общества Республики Корея в массовое общество и политическое значение южнокорейской популярной культуры в 1960–70-е гг.] // 상허학보. 2011. 제 32 호. 187–226 쪽; 송은영. 1960~1970 년대 한국 대중사회논쟁의 전개 과정과 특성 – 1971 년 대중사회 논쟁을 중심으로 [*Сон Ынъён*. Ход и особенности южнокорейских дискуссий о массовом обществе в 1960–70-е гг. на примере дебатов 1971 г. о применимости категории «массового общества» к Республике Корея] // 사이間. 2013. 제 14 호. 149–177 쪽; 송은영. 1970 년대 여가문화와 대중소비의 정치 [*Сон Ынъён*. Политика культуры досуга и массового потребления в 1970-е гг.] // 현대문학의 연구. 2013. 제 50 호. 39–72 쪽.

[84] 김덕호. 한국에서의 일상생활과 소비의 미국화 문제 [*Ким Доккхо*. Проблема американизации повседневности и потребления в Республике Корея] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [*«Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 122–158 쪽; 김덕호. 가전제품, 소비혁명, 그리고 한국의 대량소비사회 형성 [*Ким Доккхо*. Бытовая техника, революция в сфере потребления и формирование общества массового потребления в Республике Корея] // 역사비평. 2021. 제 137 호. 269–300 쪽.

модернизации, а также идеологическим установкам, формировавшим отношение государства и общества к этому феномену.

Поскольку сквозной темой нашей диссертации является взаимодействие южнокорейской «молодежной культуры» с популярной культурой, особый интерес представляют работы о южнокорейской популярной культуре эпохи Пак Чонхи в целом. Стоит отметить серию книг «*Археология южнокорейской популярной музыки*»[85] за авторством Чхве Чжисона и Син Хёнчжуна, а также отдельные работы[86] последнего, труды уже упомянутого Чу Чханъюна[87] и Вон Ёнчжина[88], а также монографии Ли Ёнми[89], Ким Чханнама[90] и Ким Сонхвана[91], каждая из которых затрагивают отдельные аспекты развития южнокорейской массовой культуры в 1970-х гг., упоминая и «молодежную культуру».

---

[85] 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1960 [*Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 488 쪽; 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1970 [*Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 596 쪽.

[86] 신현준. 이장희와 1970 년대: 실종된 1970 년대, 퇴폐 혹은 불온? [*Син Хёнчжун*. Ли Чжанхи и 1970-е гг.: были ли «исчезнувшие 1970-е» временем упадка или временем бунта?] // 당대비평. 2004. 제 28 호. 49–68 쪽; 신현준, 뷔리야 사왕초트. 음악적 공공 공간과 '순수/퇴폐'의 문화정치(학): 1970 년대 냉전기 한국과 태국에서 청년문화의 출현과 종언 [*Син Хёнчжун, Вирия Саванчот*. Публичное пространство музыки и культурная политика «чистоты/упадка»: появление и упадок молодежных культур в Южной Корее и Таиланде в период Холодной войны 1970-х гг.] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 225–249 쪽.

[87] 주창윤. 1975 년 전후 한국 당대문화의 지형과 형성과정 [*Чу Чханъюн*. Структура и процесс формирования современной южнокорейской культуры до и после 1975 г.] // 한국언론학회. 2007. 제 51 호. 5–31 쪽.

[88] 원용진. 한국 대중문화, 미국과 함께 혹은 따로 [*Вон Ёнчжин*. Популярная культура Республики Корея: вместе/порознь с США] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [*«Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 160–217 쪽.

[89] 이영미. 한국 대중가요사 [*Ли Ёнми*. История корейской популярной музыки]. 서울: 시공사, 1998. 324 쪽.

[90] 김창남. 한국 대중문화사 [*Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры]. 서울: 한울아카데미, 2021. 432 쪽.

[91] 김성환. 1970 년대 대중문학의 욕망과 대중서사의 변주 [*Ким Сонхван*. Чаяния массовой литературы и вариации популярного нарратива в 1970-е гг.]. 서울: 소명출판, 2019. 533 쪽.

Наконец, важный блок исследований посвящен культурной политике в период Юсин. В этой категории следует отметить исследования Мун Окпэ[92] о музыкальной политике, статьи Пак Юхи[93] о цензуре в кинематографе и монографию Ким Хэнсон «*Культурная политика режима Пак Чонхи и управление культурой в 1970-е гг.*»[94], где подробно описывается политика в сфере традиционной и популярной культуры в указанный период.

Исходя из вышесказанного, в современной историографии практически отсутствуют отдельные работы, которые бы не только рассматривали *полный* исторический путь, который проделала «молодежная культура», но и ее развитие в контексте государственной политики.

---

[92] 문옥배. 한국 금지곡의 사회사 [*Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен]. 서울: 예솔, 2004. 260 쪽; 문옥배. 해방 이후 정부의 음악통제 연구 [*Мун Окпэ*. Исследование государственного контроля за сферой музыки после Освобождения] // 음악논단. 2008. 제 22 호. 25–64 쪽.

[93] 박유희. 박정희 정권기 영화 검열과 감성 재현의 역학 [*Пак Юхи*. Динамика киноцензуры и эмоциональной репрезентации в период правления Пак Чонхи] // 역사비평. 2012. 제 46 호. 42–90 쪽; 박유희. '검열'이라는 포르노그래피－<춘몽>에서 <애마부인>까지 '외설' 검열과 재현의 역학 [*Пак Юхи*. «Порнография» как категория цензуры: динамика цензуры и репрезентации «непристойного» от «*Пустого сна*» до «*Мадам Эма*»] // 한국영화역사 속 검열제도 [*Система цензуры в истории корейского кинематографа*]. 서울: 한국영상자료원, 2016. 153–209 쪽.

[94] 김행선. 1970 년대 박정희 정권의 문화정책과 문화통제 [*Ким Хэнсон*. Культурная политика режима Пак Чонхи и управление культурой в 1970-е гг.]. 서울: 선인, 2012. 245 쪽.

ГЛАВА 1. МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРЫ И «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУР В НЕЗАПАДНОМ КОНТЕКСТЕ

Изучая незападные молодежные культуры, исследователь сталкивается с несколькими методологическими проблемами, которые можно свести к различиям в социальных процессах западных и незападных обществ. Более того, проводя *историческое* исследование таких культур, мы сталкиваемся с недостатком прежде всего количественной информации о них. В отличие от стран Запада, где полноценное социологическое изучение молодежных культур началось в период сразу после Второй мировой войны (более того, оно основывалось на уже разработанной методологической базе количественных и качественных социальных исследований, которая во многом была оформлена уже в Чикагской школе социологии в США[95]), в большей части стран Востока исследования молодежных культур не были развиты вплоть до самого конца XX в.

Республика Корея в этом плане представляет из себя своего рода исключение: несмотря на то, что тренд на изучение молодежных культур так же относится к 1990-м гг., в 1970-е гг., на фоне возникновения первой массовой молодежной культуры (предмета исследования диссертации), ведущие интеллектуалы и социологи того времени предприняли ряд попыток осмыслить этот феномен. Несмотря на то, что их работы обладали определенной научной ценностью, представляется, что эти попытки были значимы скорее как элемент общественной дискуссии по вопросам будущего страны и рефлексии по поводу процессов модернизации. В этом смысле показательно, что значительная часть авторов пытались не столько описать и изучить феномен молодежной культуры, сколько предложить его критику и

[95] *Bulmer M*. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 1–12

выдвинуть предложения по исправлению молодежи. Более того, абсолютное большинство таких исследований не опирались на количественные данные, а представляли собой абстрактные рассуждения о сущности и роли молодежи нового времени (подробнее см. 4 главу настоящей диссертации).

Одной из методологических основ нашей диссертации как *культурно-политического* исследования является подход школы культурных исследований, оформившейся в середине 1970-х гг. в Великобритании, пусть и с рядом важных оговорок. Прежде всего, мы не разделяем политическую ангажированность программы культурных исследований, которая напрямую заявляет о конкретно-политическом значении научного знания – и именно по этой причине особую важность для нее имели исследования современной культуры *рабочего класса*. Вместе с этим цель диссертации связана с особенностями понимания культуры, присущему этому направлению: сфера культуры имеет «макрополитическое измерение» и является площадкой, где происходит борьба за установление гегемонии [96]. Соответственно, целью нашего исследования так же является «экспликация политического, понятого как система властных отношений и конфликта в сфере деполитизированной повседневной культуры» [97]. В то же время субкультурный подход, сформировавшийся в рамках британских культурных исследований, не используется в нашей диссертации в чистом виде, поскольку его центральным элементом является классовый анализ, который, с нашей точки зрения, является менее релевантным для рассматриваемого нами контекста.

1.1. Класс, молодежные сообщества и их границы: к критике концепта субкультуры

Одним из наиболее важных плодов сотрудничества членов Бирмингемского центра современных культурных исследований (ЦСКИ) и

[96] *Куренной В*. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2012. №1 (85). С. 19.
[97] Там же.

ряда внешних исследователей стала самобытная теория субкультур, основные положения которой представлены в коллективной монографии «*Сопротивление посредством ритуалов*», впервые вышедшей в 1975 г. Книга состоит из нескольких частей: теоретической, этнографической, которая включает в себя короткие кейс-стади отдельных субкультур, и методологической, где описываются методы сбора материалов в ЦСКИ. Теоретический раздел монографии разбит на две части: наиболее общие тезисы субкультурного подхода описаны в первой главе под названием «*Субкультуры, культуры и класс*» за коллективным авторством Джона Кларка, Стюарта Холла, Тони Джефферсона и Брайана Робертса; более узкие понятия теории субкультур (стиль, поколение, маргинальность и т. д.) описаны с 13-ой по 17-ю главу.

Несмотря на методологическую и теоретическую самостоятельность данной книги, следует отметить, что субкультурный подход авторов испытал значительное влияние работы Фила Коэна «*Субкультурный конфликт и сообщество рабочего класса*», впервые опубликованной в 1972 г. Хотя участие Коэна в деятельности ЦСКИ, как отмечает Виталий Куренной, носило скорее эпизодический характер[98], его статья заслуживает особого внимания, поскольку представленные в ней идеи оказали значительное влияние на подход культурных исследований. Коэн рассматривает развитие субкультур как форму «ответа» на конкретные социально-экономические изменения, происходившие в Лондоне в 1950-е гг.: процессы реконструкции восточных районов города и последующее переселение туда рабочих семей привели к разрушению традиционного для этого класса социального пространства (пабы, небольшие магазины и т. д.), а также к ослаблению традиционных форм расширенной семьи, которые он обозначает как «матрилокальный тип проживания» (англ. *matrilocal residence*)[99]. Несмотря на распад привычной для

[98] Там же. С. 60.

[99] *Cohen P*. Subcultural Conflict and Working-Class Community. In: *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972–79*. London: Hutchinson, 1980. P. 71–72.

рабочего класса семейной структуры традиционные модели социализации сохранялись, что провоцировало конфликты как внутри семьи, так и между молодежью и обществом, ориентированным на доминирующую идеологию. Это способствовало формированию новых субкультур, чья функция, по Коэну, заключалась в «выражении и разрешении противоречий, остающихся скрытыми или нерешенными в родительской культуре, пусть даже и „магическим“ образом» [100], который можно обозначить как *магическое разрешение*. Подход работ центра сохраняет такую логику, однако меняет исследовательский фокус с вопросов локальности и сообщества на *макроуровневый* классовый анализ, в рамках которого молодежные субкультуры рассматривались как «яркие индикаторы продолжающейся классовой борьбы в британском обществе»[101].

Культурные исследования молодежных культур построены на нескольких основных идеях. Прежде всего, они изучают специфически понятые *субкультуры*, считая концепт молодежной культуры аналитически не очень полезным [102]. Понятие субкультуры в понимании большинства исследований Центра имеет *конкретное* значение: субкультуры являются «под-культурами» *классовыми*, то есть основанными на принадлежности к определенному классу (понимаемого в марксистском смысле), «общая» культура которого (культура рабочего класса) в отношении к ним играет роль «родительской культуры», другими словами, культуры *основной*. *Молодежные* субкультуры добавляют в такую схему элементы возраста и принадлежности к поколению, хотя и исследователи уделяют им относительно мало внимания. Исторически развитие субкультур было прежде всего связано с развитием сфер отдыха и досуга, которые, несмотря на давление государства, являлись «территорией относительной свободы», а свободное время,

[100] Ibid. P. 74.

[101] *Bennett A. & Kahn-Harris K*. Introduction. In: *After Subculture. Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. London: Palgrave, Macmillan. P. 4–5.

[102] *Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B*. Subcultures, Cultures and Class. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 8–9.

доступное рабочей молодежи, становилось той областью, где субкультуры – и их функционал – были наиболее заметны[103].

Главной функцией субкультур является следующее:

> «Посредством одежды, разных форм деятельности, досуга и образа жизни они могут выражать альтернативную культурную реакцию (или «решение») в отношении проблем, продиктованных их материальным и социальным классовым положением и опытом»[104].

Скрытой (и, следовательно, могущей быть недоступной для восприятия самими членами субкультуры) функцией молодежной субкультуры является «магическое разрешение» противоречий, присущих как родительской культуре, так и более общей культуры доминирующей, однако такое «разрешение» всегда является иллюзорным. Хотя оно и может позволить молодежи «отвоевать» у доминирующей системы культурное пространство, это «в значительной степени символическое решение [в конце концов] обречено на неудачу», так как оно не способно хоть как-то помочь в решении *реальных* экономических проблем (безработица, рутинизация труда, бесперспективность доступных работ, плохое качество образования и т. д.) [105]. Тем не менее, субкультуры важны, поскольку они, как впоследствии напишет Дик Хебдидж, являются «символическим нарушением общественного порядка» и служат тем полем, где происходит «борьба внутри самого процесса наделения значением (англ. *signification*)» [106], который пытается взять под контроль доминирующая идеология.

Для субкультурных исследований центральную важность имеет понятие *доминирующей культуры*, взятое из работ Антонио Грамши. Представители культурных исследований писали о двух классах: доминирующем (куда входит средний класс, который они склонны культурно и идеологически

---

[103] *Clarke J.* Style. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 147.
[104] *Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B*. Op. cit. P. 8
[105] Ibid. P. 35.
[106] *Hebdige D*. Op. cit. P. 17–18.

отождествлять с буржуазией[107]) и подчиненный (рабочий класс), и они «всегда будут обладать разными культурами»[108]. Культура определенного класса становится частью *доминирующей идеологии* только тогда, когда «одна культура получает господство над другой и когда подчиненная культура ощущает себя в условиях, предписываемых доминирующей культурой»[109].

Если, по мысли авторов, культура среднего класса была доминирующей в послевоенной Великобритании, то доминирующей *идеологией*, направленной на рабочий класс через СМИ, популярную культуру, рекламу, политические речи и т. д., являлась идея «изобилия», «благополучия» (англ. *affluence*), которая должна была «скрыть разрыв между реальным неравенством и обещанной утопией всеобщего равенства и постоянно растущего потребления»[110]. Такая идеология была в большей степени направлена на будущее («миф, который обещает дать рабочему классу “долю” в будущем, которое еще не наступило»[111]), но такой социальный миф лишь «реконструировал “реальные отношения” послевоенного британского общества в “воображаемые”»[112].

Другим фундаментальным понятием монографии является *субкультурный стиль*, которому посвящена отдельная глава «*Стиль*» за авторством Джона Кларка[113]. Стиль является сутью каждой субкультуры, именно он делает возможным «магическое разрешение», а также выполняет функцию самоидентификации участников субкультуры и функцию отделения одной субкультуры от другой. По мнению исследователя, стиль всегда

---

[107] «Субкультуры необходимо анализировать с точки зрения их отношения к доминирующей культуре, то есть к общей структуре культурной власти в обществе. Внутри рабочей культуры можно выделить «приемлемые», «грубые», делинквентные и криминальные субкультуры. Однако, несмотря на различия между ними, все они происходят из «родительской» рабочей культуры и, следовательно, *представляют собой подчиненные субкультуры по отношению к господствующей культуре среднего класса или буржуазии*» (выделение наше. — А.С.). *Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B*. Op. cit. P. 7.

[108] Ibid. P. 6.

[109] Ibidem.

[110] Ibid. P. 28.

[111] Ibidem.

[112] Ibidem.

[113] *Clarke J.* Op. cit. P. 147–161.

создается из уже имеющихся товаров или объектов и представляет из себя «избирательное заимствование (англ. *appropriation*) символических объектов из “поля возможностей” (англ. *field of possibles*)» [114]. Кларк активно использует понятие бриколажа, взятое им у Леви-Строса, то есть «переупорядочивания и реконтекстуализации объектов для передачи новых значений внутри общей системы значений (англ. *total system of significances*), которая уже включает ранее закрепленные и устоявшиеся смыслы, связанные с используемыми объектами». Полем, «базовой формой дискурса»[115], в рамках которого такой субкультурный бриколаж служит средством передачи новых сообщений, является *мода*.

Использование определенных предметов для создания стиля не является случайным – оно полагается на *гомологии* между коллективным опытом группы и доступными для «*бриколирования*» предметами, которые обладают потенциальным значением, которые группа хочет передать[116]. Созданный в рамках субкультуры стиль не является статичным – он развивается как реакция на *альтернативные стили*, то есть на другие субкультуры (Кларк приводит в пример противостояние модов и рокеров в 1960-х гг.), так и на внешнее воздействие со стороны, например масс-медиа. Изначально медиа используют субкультурные стили для того, чтобы «маркировать группы и связывать их с определенными типами поведения», чаще всего девиантным, что приводит к моральной панике относительно субкультур (концепт, заимствованный у Стэнли Коэна[117]) и их стигматизации:

> «Субкультурные стили стали главным способом, с помощью которого массовые медиа характеризуют или визуализируют

[114] Ibid. P. 149.
[115] Ibidem.
[116] Понятие «гомологий» было наиболее полным образом раскрыто в работе Пола Виллиса «*Профанная культура*». *Willis P*. Profane Culture. London: Routledge & Kegan Paul, 1978. 212 p.
[117] Под «моральной паникой» Коэн понимает процесс, при котором определенное явление, событие, индивид или социальная группа начинают восприниматься как угроза существующим ценностям и интересам общества. Несмотря на возможную обоснованность таких тревог, характерной чертой подобной реакции становится тенденция к преувеличению масштабов, серьезности, распространенности и неизбежности такой угрозы. *Коэн С*. Указ. соч. С. 59–116.

> “молодежь”. Судьи, полиция и социальные работники используют стереотипы, основанные на внешности и одежде [молодежи], чтобы маркировать группы и связывать их с определенными типами поведения. Таким образом, элементы одежды, стиля и внешнего вида играют ключевую роль в стигматизации групп, а также в управлении и усилении общественной реакции [на эти явления]»[118].

Тем не менее, вместе со стигматизацией субкультурного стиля, происходят и другие процессы: его распространение (англ. *diffusion*) и обезоруживание (англ. *defusion*). Хотя эти процессы описаны Кларком чрезвычайно кратко, он отмечает, что использование медиа субкультурного стиля приводит к его коммерческой эксплуатации или к использованию в качестве «зрелища». Это может сделать субкультуру более доступной для членов других социальных групп, однако такое символическое «использование» субкультур лишает их первоначального протестного наполнения. Таким образом, для представителей субкультурного подхода исчезновение субкультуры связано именно с коммодификацией субкультурного стиля, с его вхождением в доминирующую популярную культуру[119].

Несмотря на внешнюю теоретическую целостность, субкультурный подход обладает рядом проблем, заметных уже при рассмотрении отдельных

---

[118] *Clarke J.* Op. cit. P. 154.

[119] В диссертации мы синонимично используем понятия «популярная культура» (англ. *popular culture*) и «массовая культура» (англ. *mass culture*). Некоторые исследователи пытаются четко разграничить эти термины – к примеру, Ким Чханнам пишет о том, что термин *mass culture* первоначально обозначал культуру, *формируемую* СМИ в условиях массового общества, и имел уничижительный оттенок, подразумевая пассивность общественных масс. Со временем ему на смену пришло более нейтральное понятие *popular culture*, акцентирующее внимание не на производстве, а на *потреблении* культурных продуктов (김창남. 대중문화의 이해 [*Ким Чханнам*. Понимание популярной культуры]. 서울: 한울아카데미, 2022. 42 쪽). Соглашаясь с Е.Н. Шапинской, которая отмечает что сами эти термины зачастую «не имеют четкого семантического разграничения», мы используем их для обозначения исторического феномена культуры, сформировавшейся в эпоху капиталистической индустриализации и развивавшейся с распространением СМИ, которые обеспечивали широкое тиражирование культурных текстов. В этом смысле массовая (или популярная) культура понимается нами как форма культуры, предназначенная для потребления широкой аудиторией, и противопоставляется культуре элитарной. *Шапинская Е.Н.* Очерки популярной культуры. М.: Академический проект, 2008. С. 13–14.

глав коллективной монографии. Например, глава «Девушки и субкультуры» за авторством Анжелы МакРобби и Дженни Гарбер раскрывает место молодых девушек в преимущественно «мужских» субкультурах, где ведущие позиции традиционно занимают юноши. Рассматривая феномен «культур спальной комнаты», включающих в себя прослушивание пластинок, коллекционирование журналов, использование косметики и т. д., то есть феномены, отходящие от концепции «субкультурной группы», авторы демонстрирует, что субкультурные образования могут варьироваться по степени связанности и выраженности, а также могут быть связаны с полем более конвенциональной популярной культуры [120]. Они могут иметь как «сильные», демонстративные формы организации, так и «слабые», менее заметные[121], но при этом не менее значимые для их участников.

Глава «Классовое сознание и сознание поколения» Грэма Мёрдока и Робина Маккрона представляет собой более открытую критику методологического подхода субкультурных исследований. Критикуя слишком жесткую связь между определенными субкультурными стилями и классовым положением молодежи, они выделяют феномен «классовых перебежчиков» – представителей рабочего класса, которые, вопреки ожиданиям, находят стиль жизни «среднеклассовой» субкультуры хиппи более привлекательным. В итоге авторы подчеркивают необходимость объяснения не только самого существования субкультурных стилей, но и того, почему подростки,

[120] *McRobbie A. & Garber J*. Girls and Subcultures. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 177–188.

[121] Отметим, что проблема определения границ субкультур и их «артикулированности» была отчасти унаследована школой культурных исследований от американской социологии. Еще начиная с 1940-х гг. американские социологи поднимали эти вопросы, связанные с природой субкультур, и дискуссии касательно них продолжались и на протяжении 1970-е гг. Так в своей критике понятия субкультуры в статье 1974 г. Майкл Кларк отмечает, что этот социологический концепт обладает рядом проблем, среди которых он выделяет не только разные способы возникновения, сохранения и изменения субкультур, но и проблему «включенности» членов субкультур в саму субкультуру и динамику ее границ. Подробнее см.: *Clarke M*. On the Concept of Sub-Culture. In: *British Journal of Sociology*. 1974. №. 25. P. 428–441.

принадлежащие к одному классу, могут испытывать интерес к стилям, сформированным классами другими[122].

С точки зрения авторов главы, решение этой проблемы заключается в том, что исследованиям субкультур нужно попытаться выйти за рамки «относительно грубых показателей классового положения»[123], таких как профессии родителей или статус в образовательной системе и т. д. Здесь, однако, проявляется одна из ключевых методологических трудностей субкультурных исследований: само понятие класса и его эмпирические индикаторы остаются неразъясненными, что указывалось уже одним из первых критиков подхода субкультурных исследований, Розалин Ковард. Одним из пунктов критики исследовательницы была недостаточная историческая перспектива культурных исследований, которая проявлялась в некритическом использовании базового категориального аппарата марксистского подхода, например категории «традиционного» рабочего класса и идеи *прямого* соответствия между образом жизни, ценностями и позицией в структуре общества[124], восходящей к историческим работам Ричарда Хоггарта, Реймонда Вильямса и Эдварда Томпсона[125]. Кроме того, упрощенное представление о социальной структуре, основанное на жестком противопоставлении капитала и труда, по ее мнению, не учитывало значительные социальные трансформации, произошедшие в британском обществе в XX в.[126]

---

[122] *Murdock G. & McCron R*. Consciousness of Class and Consciousness of Generation. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 162–176.

[123] Ibid. P. 174.

[124] *Coward R*. Class, “Culture” and the Social Formation. In: *Screen*. 1977. Vol. 18. №. 1. P. 82. Также см. комментарии Кеннета Робертса относительно границ и сфер, в которых проявляются подобные «ценностные разрывы» между социальными классами: согласно его предположению, если в политических предпочтениях или условиях труда различие между «синими» и «белыми» воротничками является очевидным, то наиболее резкие *культурные* различия прослеживаются «под» низшим, неквалифицированным рабочим классом и «над» высокообразованной управленческой и профессиональной элитой. *Roberts K*. Youth and Leisure. Boston, MA: Allen & Unwin, 1983. P. 128.

[125] О влиянии этих авторов на исследовательскую программу культурных исследований см. статью за авторством самого Стюарта Холла: *Hall S*. Cultural Studies and the Centre. In: *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972–79*. London: Hutchinson, 1980. P. 16–20.

[126] *Coward R*. Op. cit. P. 82.

Как справедливо впоследствии заметит Дэвид Магглтон, как жесткая связка между классом и субкультурой, так и «чистая» субкультурная принадлежность к ним выходцев из рабочего класса «явно была эпистемологической, теоретической и методологической конструкцией, менее очевидной в эмпирической реальности»[127]. Такая критика действительно подтверждается большим массивом исследований, проведенных в 1960-70-е гг., которые прямо указывают на то, что субкультуры, ранее воспринимавшиеся исследователями как исключительно классовые, на деле состоят из крайне разнообразной аудитории, включающей представителей различных классов, и может меняться со временем[128]. Классовый состав части послевоенных субкультур был основан на допущениях и довольно ограниченной информации: так Бернис Мартин, например, также отмечает, что не существует достоверных данных о типичном классовом происхождении модов, за исключением журналистских наблюдений того времени[129]. Допуская, однако, что большая часть модов была подростками из рабочего класса, она отмечает, что это был не традиционный рабочий класс, а «новый рабочий класс», обладающий собственным жильем и ориентированный на потребление – она даже называет его «своеобразным “средним классом из многоквартирных домов, а не с улиц”»[130].

Безусловно, субкультуры могут возникать в рамках определенного класса, однако их состав динамичен, и численное доминирование в них представителей одного класса зависит от времени, места и конкретных условий формирования субкультуры. Кроме того, состав похожих субкультур может сильно отличаться в разных контекстах. Это не отменяет важности

---

[127] *Muggleton D*. The Post-Subculturalist. In: *The Clubcultures Reader: Readings in Popular Cultural Studies*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1998. P. 182.

[128] *Muggleton D*. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford: Berg, 2000. P. 31; *Bennett A. & Kahn-Harris K*. Introduction. P. 8–10.

[129] *Martin B*. A Sociology of Contemporary Cultural Change. Oxford: B. Blackwell, 1981. P. 146. См. аналогичные комментарии у Коэна: *Cohen S*. Symbols of Trouble: Introduction to the Second Edition. In: *Cohen S. Folk Devils and Moral Panics*. 2nd edition. Oxford: Martin Robertson, 1980. P.XII.

[130] *Martin B*. Op. cit. P. 146.

понятия «класса» для анализа субкультур, поскольку, например, факт *зарождения* в определенном классовом контексте значим – класс действительно, как отмечает Дэвид Магглтон, способен формировать определенную «культурную чувствительность»[131].

Еще одна значимая линия критики субкультурных исследований была предложена Стэнли Коэном. В 1980 г. в предисловии к переизданию «*Создание модов и рокеров*» он замечает, что стиль субкультуры не всегда носит протестный характер, а может быть и консервативным, заимствуя элементы доминирующей коммерческой культуры без их переработки и переосмысления[132]. Он также указывает на то, что коммерциализация и кооптация субкультурных стилей не обязательно происходит *post factum*: на самом деле формирование стиля и его апроприация коммерческими структурами вполне может происходить *параллельно*. По сути, классический подход культурных исследований приводит к игнорированию процессов развития и трансформации субкультур, изменений в их составе, а также их взаимодействия с популярной культурой, которая в целом в рамках субкультурного подхода остается «слепым пятном». Не менее значимым остается вопрос о распаде субкультур: в каких формах они продолжают существовать после интеграции в популярную культуру, а также как трансформируется образ их представителей.

Следует отметить, что переосмысление роли популярной культуры в рамках самих культурных исследований началось уже в 1980-х гг. Так, критикуя доминирующие взгляды на популярную культуру, Тони Беннетт пишет, что пространство популярной культуры, обычно понимаемое как исключительная сфера влияния доминирующей культуры, в реальности скорее представляет из себя место, где «доминирующие, подчиненные и оппозиционные культурные ценности и идеологии сталкиваются и

---

[131] *Muggleton D*. The Post-Subculturalist. P. 170–171; *Muggleton D*. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. P. 30.

[132] *Cohen S*. Op. cit. P. II.

переплетаются в различных сочетаниях и конфигурациях, соперничая друг с другом в стремлении завоевать те области, где они могут оказать влияние на формирование и организацию массового опыта и сознания»[133]. Таким образом, несмотря на то что доминирующая культура ведет постоянную борьбу за подчинение массовой культуры, стремясь включить ее формы и смыслы в рамки собственных структур, в рамках популярной культуры происходит то, что Стюарт Холл называет «диалектикой культурой борьбы»[134]. В этом смысле существуют как периоды относительной устойчивости, когда не только сама совокупность элементов массовой культуры, но и отношения между массовой и доминирующей культурами остаются относительно стабильными, так и поворотные моменты, когда эти отношения качественно перестраиваются и трансформируются[135].

С нашей точки зрения, взаимодействие субкультуры с популярной культурой следует рассматривать не как завершающий этап ее существования, а как неотъемлемую часть процесса ее развития. В этом контексте возникает важный вопрос: каким образом субкультура, сформировавшаяся в рамках одного социального класса, может становиться привлекательной и значимой для представителей других классов? Мы полагаем, что таким объединяющим фактором выступает *поколенческая принадлежность*, и именно общность поколенческого опыта позволяет преодолевать классовые границы, способствуя расширению и переосмыслению субкультурной идентичности.

---

[133] *Bennett T.* The Politics of ‘the Popular’ and Popular Culture. In: *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1986. P. 19.
[134] *Hall S.* Notes on Deconstructing “the Popular”. P. 233.
[135] *Hall S.* Popular Culture and the State. P. 23.

1.2. «Теория поколений» Карла Мангейма в контексте изучения молодежных культур

Само слово *поколение* может использоваться в разных контекстах, и будет полезно выделить разные аспекты его определения. Эми Корнин и Говард Шуман выделяют две такие части: поколение как то, что «определяет местонахождение группы людей в определенный период времени, часто относительно события или совокупности событий» [136], и поколение как общность, которая «имеет общие культурные или социальные характеристики и установки», близкая к тому, что подразумевается под термином «коллективная память»[137].

Исследования поколений должны учитывать оба этих момента. В этом смысле, как утверждают Абойм и Васконселос, примером методологически сомнительного использования теории поколений является теория Хоу и Штрауса о циклической природе «архетипических поколений», которые можно идентифицировать на протяжении всей истории: в этом случае демографические когорты, детерминированные биологически (например, люди, родившиеся в течение периода времени длительностью около 20 лет), произвольно объединяются с историческими и культурными характеристиками [138]. Во избежание этого наша диссертация опирается на понятие поколения, данное Карлом Мангеймом в его эссе «*Проблема поколений*», опубликованном в 1923 г. В отличие от теорий поколения, связанных со структурным функционализмом, где проблема поколений прежде всего была связана с *интеграцией* людей в общество через их социализацию[139], социологический подход Мангейма подчеркивал значение

---

[136] *Corning A. & Schuman H*. Generations and Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 2015. P. 16
[137] Ibidem.
[138] *Aboim S. & Vasconcelos P*. From Political to Social Generations: A Critical Reappraisal of Mannheim's Classical Approach. In: *European Journal of Social Theory*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 13
[139] *Bengtson V., Furlong M. & Laufer R.* Time, Aging, and the Continuity of Social Structure: Themes and Issues in Generational Analysis. In: *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30. №. 2. P. 5–6.

поколений как агентов *социальных изменений*, при этом считая важной и их биологическую основу.

Биологической основой формирования поколения *хангыля* стал послевоенный бэби-бум, характерный для многих стран, и в этом плане Республика Корея не была исключением, хотя начало «послевоенного периода» было смещено из-за Корейской войны (1950–1953). Военные действия привели к резкому снижению рождаемости, которое сохранялось даже в годы относительного затишья, однако уже в 1954 г., после подписания перемирия, рождаемость вернулась к довоенному уровню, и увеличивалась вплоть до конца 1950-х гг. прежде чем начать постепенное снижение в 1960-х гг. [140] Квон Тхэван указывает, что такой всплеск рождаемости был обусловлен не сознательной демографической политикой или планированием семьи, а воссоединением пар после войны и «отложенных браков», немаловажным фактором была и низкая доступность контрацепции в то время[141]. Таким образом, конец 1950-х гг. и начало 1960-х гг. ознаменовались взрывным ростом фертильности, что дало *биологическую* основу для возникновения поколения[142].

---

[140] *Kwon T*. The Historical Background to Korea's Demographic Transition. In: *Economic Development, Population Policy, and Demographic Transition in the Republic of Korea*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center Publications Program, 1981. P. 21

[141] Ibid. P. 22

[142] Понятия «поколение *хангыля*» и «поколение бэби-бумеров» используются в нашей работе синонимично. И в общественном, и в научном дискурсе границы между разными поколениями не являются строго определенными, и иногда к «поколению *хангыля*» относят и людей, родившихся во второй половине 1940-х гг. (박용헌. 불안·갈등속의 「한글세대」 [*Пак Ёнхон*. «Поколение *хангыля*» среди тревог и конфликтов] // 중앙일보. 14.08.1970. 4 면). Следуя критериям, предложенным Ким Воном, за «поколение *хангыля*», как и поколение бэби-бумеров, мы считаем людей, родившихся между 1954 и 1961 г. (*Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»... С. 215). Аналогично «поколение *хангыля*» в качестве синонимичного «поколению бэби-бумеров» использует, например, и Но Чжисын (노지승. 영화 영자의 전성시대에 나타난 하층민 여성의 쾌락 [*Но Чжисын*. Удовольствие женщины из низших слоев общества в фильме «Дни расцвета Ёнчжа»] // 한국현대문학연구. 2008. 제 24 호. 414 쪽). В то же время отметим, что ряд исследователей предлагает расширить рамки «поколения бэби-бумеров». К примеру, Ким Ёнха и Им Сонын считают, что, учитывая уровень рождаемости, более корректно определять представителей этого поколения как родившихся после Корейской войны и до 1974 г., поскольку такое определение более оправданно для демографических исследований или анализа рынка труда. 김용하, 임성은. 베이비붐 세대의 규모, 노동시장 충격, 세대간 이전에 대한 고찰 [*Ким Ёнха, Им Сонын*. Анализ численности поколения бэби-бумеров, его

Говоря о социальных факторах формирования поколения, Карл Мангейм вводит понятие «социального местоположения» поколения, так как «осуществление скрытых возможностей, присущих “местоположению” поколения, управляется внебиологическими факторами», а именно «превалирующим темпом и последствиями социальных изменений»[143]. Для Мангейма важным является не то, что люди просто родились в одно и то же время, а то, что они «находятся в состоянии быть свидетелями и участниками одних и тех же событий», и этот опыт «вторгается в сходным образом стратифицированное сознание»[144]. Поколения сами по себе не являются чем-то единым: они состоят из разных «подразделений» или «секций» (которые, как отмечает Мангейм, зачастую имеют более четко очерченные границы, нежели само поколение; при этом количество таких секций может быть *неограниченным*), которые представляют из себя группы, которые «придают материалу общего опыта разный, специфический облик, составляют отдельные подразделения в поколении»[145], однако каждая секция несет в себе определенный типические черты, которые относятся к поколению:

> «Сходным образом, основные объединительные установки и формообразующие принципы, символизируемые поколением-секцией, которые первоначально появляются в подобной конкретной группе, лишь тогда становятся на самом деле эффективны и пригодны для распространения в более широких областях, когда в них формулируются типичные ощущения индивидов, разделяющих “местоположение” поколения»[146].

При рассмотрении теории Мангейма следует, однако, учитывать, контекст его мысли: хотя это эссе принадлежит к раннему периоду его

влияния на рынок труда и межпоколенческого перераспределения доходов] // 보건사회연구. 2011. 제 31 권. 제 2 호. 36–59 쪽.

[143] *Мангейм К.* Указ соч. С. 36.

[144] Там же. С. 31.

[145] Там же. С. 38.

[146] Там же. С. 42.

деятельности, уже здесь угадывается проблема интеллигенции, которая стала одной из основных тем его работ в 1930-е гг.[147] Тем не менее, на наш взгляд, теория поколений Мангейма может быть прочитана не только в контексте политической или интеллектуальной история, но и как, в сущности, история культуры – темы, которая так же была важной темой его работ. На это указывает и сам Мангейм, используя такое понятие, как «стиль поколения»[148] – и хотя он не раскрывает значение этого термина, определенные пояснения можно найти в других его работах, в частности в эссе «*О специфике культурно-социологического познания*». В нем Мангейм анализирует прежде всего художественные стили (например, готический), однако общий подход, который он использует, способен пролить свет и на другие феномены культуры. Так, Мангейм воспринимает стиль не только как повторяющийся композиционный принцип, позволяющий отделять значимое от второстепенного, но и как выражение «социальных моментов» в художественном объекте и в сопряженном с ним контексте переживаний[149]. Таким образом, сами культурные формы обретает социальное измерение, выходя за рамки индивидуального восприятия, и это «сообщество контекста переживаний», по словам Мангейма, может иметь связь и с социальным опытом поколения[150].

Для Мангейма понимание поколения возможно только через историческую перспективу – динамические явления нельзя объяснить чем-то постоянным, и, если мы хотим понять первичные (то есть биологические) факторы, мы должны их рассматривать в «структуре исторической и

---

[147] Подробнее о взглядах Мангейма на интеллигенцию см.: *Куренной В*. Карл Манхейм // *Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 232–233.

[148] *Мангейм К*. Указ. соч. С. 45. Как отмечает Пак Чэхын, Мангейм, говоря о «поколенческом стиле», также имеет в виду совокупность характерных для определенного поколения особенностей образа жизни и мировоззрения. 박재흥. 한국사회의 세대갈등 [*Пак Чэхын*. Конфликт поколений в южнокорейском обществе] // 한국인구학. 2010. 제 33 권. 제 3 호. 88 쪽.

[149] *Манхейм К*. О специфике культурно-социологического познания // Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. Москва: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. С. 322–325.

[150] Там же. С. 326.

социальной системы сил, в которой они обретают свою форму»[151]. В этом смысле теория Мангейма действительно применима в ограниченном количестве случаев и не может выступать как универсальная теория поколений. Как верно отмечает Ганс Ягер, «выраженные разрывы между поколениями, которые могут затронуть все общество, очевидно, происходят только после решающих исторических событий, таких как войны, революции и экономические кризисы огромных масштабов» [152] . Однако случай Республики Корея, в отличие от более спорных случаев, представляется нам подходящим: возникновение поколения *хангыля* происходит после всеразрушающей войны (Корейская война), после революции (Апрельская революция 1960 г.) и на фоне полномасштабной модернизации, затронувший как сферу экономики, так и социальную сферу. На это накладывается и политический контекст становления авторитарного государства, которое, пытаясь мобилизовать массы, активно вмешивалось в сферу повседневной жизни – и молодость этого поколения пришлась именно на период Юсин[153].

Как верно отмечают Абойн и Васконселос, используя терминологический аппарат Мишеля Фуко, поколения необходимо рассматривать и как дискурсивные формации, которые зависят от *доминирующих дискурсов* касательно них[154]. Эти дискурсы производятся с помощью различных институциональных и внеинституциональных механизмов, таких как академические сообщества или средства массовой информации, создающие формы «символической классификации» [155] . При этом такой подход не отрицает субъектности поколений: напротив, он

---

[151] *Мангейм К*. Проблема поколений. С. 46.

[152] *Jaeger H*. Generations in History: Reflections on a Controversial Concept. In: *History and Theory*. 1985. Vol. 24. №. 3. P. 291.

[153] Именно по этой причине Пак Чэхын предлагает, среди прочих вариантов, обозначать представителей этого поколения термином «*юсиновское* поколение» (кор. 유신 세대). 박재흥. 세대 계승과 갈등: 사회문화적 변동의 맥락에서 [*Пак Чэхын*. Поколенческая преемственность и конфликты в контексте социально-культурных изменений] // 대한민국 60 년의 사회변동: 성찰과 성과, 그리고 과제 [*Социальные перемены в Республике Корея за последние 60 лет: критика, достижения и задачи*] / 한국사회학회 편. 서울: 인간사랑, 2009. 378 쪽.

[154] *Aboim S. & Vasconcelos P*. Op. cit. P. 13.

[155] Ibid. P. 13–14.

позволяет рассматривать социальные поколения как формы самоидентификации, возникающие в рамках определенного «аппарата знания», с которым люди вступают во взаимодействие[156]. В авторитарных режимах, таких как Республика Корея в период правления Пак Чонхи, именно государство выступало в качестве главного «аппарата знания», формирующего представления о социальных группах. Как показывают Уоллес и Альт на примере нацистской Германии, подобные режимы стремятся к созданию «современного и унифицированного образа молодежи», навязывая его через государственные институты и идеологические практики[157], а значит, молодежные субкультуры, существующие в рамках таких режимов, рано или поздно будут вынуждены вступать во взаимодействие с ним.

Наконец, в рамках теории поколений необходимо затронуть вопрос о существовании так называемого «глобального поколения». Послевоенное поколение бэби-бумеров, чья молодость пришлась на 1960-е гг., нередко характеризуют как первое «глобальное поколение»[158], поскольку оно, как считается некоторыми исследователями, разделяло общий поколенческий опыт, сформировав «международную контркультуру»[159]. На наш взгляд, такие представления опираются на западоцентричную перспективу, так как применение таких категорий к незападным странам игнорирует различия в уровне экономического развития, специфику постколониальных

---

[156] Отметим, что истоки такого подхода к поколениям можно найти в раннем эссе Мангейма «*Конкуренция как культурный феномен*». В нем он рассматривает различные социальные группы и институты, такие как церковь или государство, как участников борьбы за интеллектуальное и культурное лидерство, то есть право определять категории восприятия реальности. Эта конкуренция, по Мангейму, является одной из структурных основ культурной динамики в целом. Так называемая «диалектическая» (в отличие от линейной и непрерывной) форма развития психической и культурной жизни, по его мнению, в значительной мере определяется двумя ключевыми факторами: наличием сменяющихся поколений и постоянным действием механизма социальной конкуренции. *Mannheim K*. Competition as a Cultural Phenomenon. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. New York: Routledge & Kegan Paul, 1952. P. 191–229.

[157] *Wallace C. & Alt R*. Youth Cultures under Authoritarian Regimes: The Case of the Swings Against the Nazis. In: *Youth & Society*. 2001. Vol. 32. №. 3. P. 275–302.

[158] *Edmunds J. & Turner B*. Global Generations: Social Change in the Twentieth Century. In: *The British Journal of Sociology*. 2005. № 56. P. 559–577.

[159] *Suri J*. The Rise and Fall of an International Counterculture, 1960-1975. In: *The American Historical Review*. 2009. Vol. 114. № 1. P. 69–96.

политических режимов и особенностей локальных социальных процессов. Культурное влияние западной музыки, литературы или медийный образов действительно выходило за пределы западных стран и было важным ресурсом для молодежи стран Азии, однако содержание этого влияния и формы его восприятия были обусловлены местным контекстом.

1.3. Южнокорейские реалии периода модернизации и вопрос о классе

На первый взгляд, базовый метод культурных исследований хорошо ложится на реальность Республики Корея, где в 1960-70-х гг. можно было наблюдать зарождение дискурса «благосостояния», с похожими акцентам – он, будучи частью мобилизационного дискурса авторитарного военного режима, принадлежал будущему, а не настоящему. Популярные в то время лозунги «*Попробуем жить хорошо!*» (кор. 잘 살아 보세!), «*Мы можем сделать это!*» (кор. 하면 된다!), «*Вперед – без остановки!*» (кор. 중단없는 전진), позднее оформившийся в дискурс об экономическом «чуде на Хангане», тоже можно рассмотреть как механизм, который перекодировал «реальные отношения» послевоенного южнокорейского общества в «воображаемые». К тому же в случае военного режима Пак Чонхи такая идеология была намного более *заметна*: если в случае стран Запада тезис о «доминирующей идеологии» подвергался критике со стороны социологов[160], то случай Республики Корея, казалось бы, явственно говорит о наличии такой идеологии, интенсивность которой увеличивалось на протяжении 1960-х гг. и достигла своего пика в 1970-е гг. после введения системы Юсин. Последнее вне всяких сомнений было попыткой не только политически переопределить государство в узком смысле (соотношение политических институтов, роль партий и т. д.), но и

[160] Например, см.: *Abercrombie N., Hill S. & Turner B.* The Dominant Ideology Thesis. London: George Allen & Unwin, 1980. 212 p.

было попыткой *идеологического* переосмысления роли государства в сфере общества и культуры.

Тем не менее, на наш взгляд, было бы ошибкой некритически переносить такой подход на изучение южнокорейской «молодежной культуры» 1970-х гг., чему есть несколько причин, связанных с особенностями исторического развития корейского, а затем и южнокорейского обществ. Прежде всего, исторический процесс становления капитализма и, следовательно, возникновение современной классовой структуры, а в странах Востока был другим: сам капитализм не возник естественным путем, а был принесен извне, был «третичным», так как «начал развиваться под влиянием первичного (страны Западной Европы) и вторичного (Восточная Европа и Япония)»[161], причем в большинстве случаев он был сопряжен с крайне болезненным и длительным процессом распада традиционного общества, а типичные этапы капиталистического развития были перемешаны и с трудом поддавались однозначному хронологическому разграничению[162]. Соответственно, *современная* классовая структура возникает в этих странах довольно поздно, а развитие «модернизационного сознания» у местной интеллигенции сильно опережало реальное развитие капиталистических структур[163].

Следуя теории «аграрного конфликта», разработанную Син Гиуком, мы полагаем, что современная классовая структура полноценно возникает в Республике Корея только в послевоенное время[164], что, однако, означает, что безоговорочное применение таких категории культурных исследований как «классовая идентичность» и «(классовые) ценности родительской культуры» какого-то класса будет затруднительным[165]. В отличие от Великобритании, в

---

[161] *Алаев Л.Б.* Проблематика истории Востока. Москва: Ленанд, 2019. С. 384.

[162] Там же.

[163] Там же. С. 360.

[164] *Shin G.* Neither ‘Sprouts’ nor ‘Offspring’: The Agrarian Roots of Korean Capitalism. In: *Transformations in Twentieth Century Korea*. New York: Routledge, 2006. P. 33–63.

[165] К примеру, по оценке Ли Хондока, значительная часть южнокорейского рабочего класса, сформировавшаяся за счет миграции из сельской местности, «сформировала городскую идентичность,

Республике Корея не существовало *традиции* рабочего класса, которое позволило бы сформировать полноценное классовое сознание, по крайне мере до 80-х гг.[166] – это же, заметим, касается и других классов.

Более того, существуют несколько важных особенностей южнокорейской социальной стратификации, которая под влиянием конфуцианства больше опиралась на статусные различения, чем на экономические. В этом смысле проблемным является и понятие среднего класса[167], которое часто взаимозаменяемо используется с понятием «средний слой», которое уже является субъективной категорией[168]. Заметим, что такая категория, которая иногда используется применительно к южнокорейской «молодежной культуре» в современных исследованиях, сама возникла в период модернизации и использовалась государством в качестве

главным образом ориентированную на потребление, а не на производство, и поэтому не могла развить классовое сознание» (*Lee H*. Urbanization in Korea: Its Socio-Political Aspects. In: 韓國社會學. 1977. 제 11 호. P. 74). А.А. Бучкин также отмечает, что «особенности формирования и раздробленность [южнокорейского] рабочего класса сдерживают процесс его консолидации и осознания им своей классовой идентичности». *Бучкин А.А*. Указ. соч. С. 116.

[166] Так Ку Хэгын отмечает, что культурные и институциональные факторы, которые считаются критически важными для формирования рабочего класса в Европе (например, развитая культура ремесленничества), в Южной Корее отсутствовали. По его оценке, «целое поколение корейских промышленных рабочих прошло через пролетаризацию без культурного и организационного наследия», что затруднило формирование «положительной» классовой идентичности, а доминирующим языком, формировавшим восприятие корейскими рабочими их опыта, был язык, навязанный государством. Важные изменения в коллективной идентичности и сознании корейских рабочих произошли лишь в 1980-х гг. *Koo H*. Korean Workers: The Culture and Politics of Class Formation. P. 11–14.

[167] Другой проблемой, характерной для стран, проходящих через процесс быстрой модернизации, является количественный учет доли классов в переходные периоды и проведение границ между ними. Обзор исследований, приведенный Ким Гёндоном, показывает, что в разных исследованиях процент людей, принадлежащих к среднему классу в 1970-е гг. может варьироваться от 20 до 40 % (*Kim, K*. Studies on the Middle Class in Korea: Some Theoretical and Methodological Considerations. In: *Discovery of the Middle Classes in East Asia*. Taipei: Academia Sinica, 1993. P. 23–54). Проблема разграничения средних слоев и рабочего класса в южнокорейском обществе отмечается и в монографии А. А. Бучкина, который по этой причине воздерживается от оценки общей численности рабочего класса, ограничиваясь данными по сравнительно более четко очерченному «промышленному пролетариату» (*Бучкин А.А*. Указ. соч. С. 109). В качестве одной из важных причин этого он видит рост занятости в третичном секторе, который играет роль «социального амортизатора» (Там же. С. 66). По его мнению, расширение занятости в нем свидетельствует о сложных и противоречивых процессах формирования межклассовых, переходных групп, так называемых «средних городских слоев». Там же. С. 70.

[168] См. подробный разбор особенностей этого понятия у Ку Хэгына: *Koo H*. Privilege and Anxiety: The Korean Middle Class in the Global Era. P. 22–33.

идеологического инструмента [169] . Более того, для южнокорейских интеллектуалов того времени само это понятие было нормативным: создание «среднего слоя» рассматривалось как ключ к успеху модернизации[170], причем не только социально-экономической ее части, но и культурной[171].

Соответственно, в отличие от Великобритании, доминирующей культурой в случае Республики Корея будет являться не культура какого-либо класса (более того, как показывает Картер Эккерт, южнокорейская буржуазия никогда не была «господствующим классом» в грамшианском понимании этого термина [172]), а те ценности и модели поведения, которые в одностороннем порядке устанавливались государством. Вместе с этим южнокорейская популярная культура того времени не была частью такой доминирующей культуры: она, как будет показано ниже, часто находилась в крайне напряженных отношениях с государственной идеологией.

Несмотря на то, что изначально «молодежная культура» формировалась в среде студенчества и богемы (то есть преимущественно среди представителей «среднего слоя»), ее быстрое включение в популярную культуру того времени сделало ее доступной и для части рабочего класса. Выход «молодежной культуры» за пределы студенческой аудитории уже отмечался как интеллектуалами в 1970-е гг. [173] , так и несколькими

---

[169] *Бучкин А.А*. Указ. соч. С. 10–13; *Yang M*. The Making of the Urban Middle Class in South Korea (1961–1979): Nation-Building, Discipline, and the Birth of the Ideal National Subjects. In: *Sociological Inquiry*. 2012. Vol. 82. № 3. P. 424–445.

[170] См. обзор дискуссий о «среднем слое» среди интеллектуалов в 1960-е гг. у Хон Соннюля: 홍석률. 1960 년대 지성계의 동향: 산업화와 근대화론의 대두와 지식인사회의 변동 [*Хон Соннюль*. Интеллигенция в 1960-е гг: возникновение теорий индустриализации и модернизации и трансформации интеллектуального сообщества] // 1960 년대의 사회변화연구 (1963–1970) [*Исследование социальных изменений в 1960-е гг. (1963–1970)*]. 백산서당, 1999. 226–237 쪽.

[171] К примеру, южнокорейский писатель Ли Орён считал, что создание среднего слоя было необходимо для качественного культурного развития и преодоления «вульгарной массовой культуры». *Ким Сонхван*. Чаяния массовой литературы... С. 55.

[172] *Eckert C*. The South Korean Bourgeoisie: A Class in Search of Hegemony. In: *State and Society in Contemporary Korea*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994. P. 95–130.

[173] *Ким Бёнъик*. Сегодняшние «молодые идолы»; *Чхве Инхо*. Декларация «молодежной культуры»; 林熹燮. 青年 文化 [*Им Хисоп*. «Молодежная культура»] // 조선일보. 18.04.1974. 5 면.

современными исследователями [174]. Однако расширение аудитории не отменяет того, что существовали некоторые классовые различия в культурном потреблении элементов «молодежной культуры», что могло проявляться в разных степенях интенсивности потребления такой культуры и вовлеченности в нее[175]. Это, в свою очередь, определялось двумя основными факторами: количеством свободного времени (которым студенты располагали в гораздо большей степени, чем молодежь из рабочего класса) и уровнем доходов, позволяющих тратить средства на культурное потребление и досуг. В этом смысле в данном исследовании класс рассматривается как ключевой индикатор существовавшего в тот период социального неравенства среди молодежи.

[174] *Сон Ынъён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры... С. 405; *Ким Чханнам*. Понимание популярной культуры. С. 194; *Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления... С. 114; 이상록. 문화계, 획일주의에 맞선 저항의 우회로 [*Ли Саннок*. Сфера культуры: в поисках обходного пути для сопротивления единообразию] // 한국현대 생활문화사 1970 년대 새마을운동과 미니스커트 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период, 1970-е гг.: «Движение за новую деревню» и мини-юбки*] / 김경일 등저. 서울: 창비, 2016. 139–140 쪽; 이영미. 뭔가에 미쳤었는데 그건 자유였더라 [*Ли Ёнми*. Они были без ума от чего-то, и то была свобода] // 한겨례. 14.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/814487.html (дата обращения: 16.05.2025).

[175] 梁璿. 青年文化와 階層構造 [*Ян Сон*. Молодежная культура и классовая структура] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 青年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 92–93 쪽.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ»

2.1. Молодежь, модерность, индустриализация: вступительные комментарии

В начале 1970-х гг. южнокорейский политолог Ким Гёнвон, опираясь на современные ему социологические теории, делает попытку осмысления социальных изменений, произошедших в стране после нескольких лет интенсивной модернизации. Он, замечает, что в таком развивающемся обществе, как Республика Корея, настоящее становится не только точкой, где встречается прошлое и будущее, но и где прошлое и будущее *сосуществуют*, что нередко приводит к социальным противоречиям и конфликтам [176]. Похожие мысли разделяли многие послевоенные социологи в Республике Корея: к примеру, Хан Вансан писал о том, что чрезмерно быстрые процессы модернизации привели к «сжатию истории» (кор. 역사의 단축)[177], которое выражалось в «одновременном существовании неодновременных элементов» – идея, которую он заимствует у Карла Мангейма – при котором новые и старые ценности начинают сосуществовать, вызывая длительный период хаоса [178]. Такой хаос делал корейскую культуру «одновременно конфуцианской, буддийской и христианской», соединяя в себе образ жизни мышления, систему ценностей и желания разных веков[179], что становилось источником серьезных социальных проблем. Хам Бёмчхун вовсе называл такое смешение старых и новых ценностей, характерное для послевоенного

[176] *Kim K*. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist. In: *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. №. 2. P. 155.
[177] 韓完相. 現代社會와 青年文化 [*Хан Вансан*. Современное общество и молодежная культура]. 서울: 法文社, 1973. 34–35 쪽.
[178] Там же. С. 37–38.
[179] Там же. С. 92.

времени, формой «культурной шизофрении»[180], и все эти высказывания можно рассматривать в качестве предтечи теории «сжатой модернизации».

Ким Гёниль выделяет конкретных несколько «разрывов», сформировавшихся в южнокорейском обществе в результате таких процессов: между городом и деревней, между разными классами и, наконец, поколенческий. Акцентируя внимания на противоречивом процессе социализации южнокорейской молодежи, он писал, что она была «введена в систему ценностей, отмеченную растущим индивидуализмом, рационализмом […] и цинизмом по отношению к символам власти, что резко контрастировало с общепринятыми взглядами и исторически сложившейся конфуцианской этикой»[181].

На наш взгляд, вопрос о причинах формирования южнокорейской «молодежной культуры» именно в 1970-е гг. следует рассматривать в контексте последствий государственной политики модернизации. Социально-экономические предпосылки для ее возникновения начали складываться еще в 1960-е гг., с первыми результатами государственной политики быстрого экономического роста. Кроме того, именно когорта бэби-бумеров первой испытала на себе и новые ценности и модели поведения, связанные с такой модернизацией: по словам Пак Кильсона, «фактическая динамика изменений в южнокорейском обществе, начавшихся в 1960-е гг., формировалась вместе с их жизненным путем» [182].

Следует подчеркнуть, что модернизационная политика Пак Чонхи не представляла из себя однородный и внутренне непротиворечивый проект, как в экономическом плане, так и в культурно-идеологическом. Так Джон Ли отмечает, что в начале своего правления Пак Чонхи вовсе не ориентировался

---

[180] *Hahm P*. The Affective Society. Values and Law in Korea. In: *Values and Development: Appraising Asian Experience*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1976. P. 200.

[181] *Kim K*. Social Discontinuities and Korean Politics... P. 159.

[182] 박길성. 1960 년대 인구사회학적 변화와 도시화 [*Пак Кильсон*. Социально-демографические изменения и урбанизация в 1960-е гг.] // 1960 년대의 사회변화연구 (1963–1970) [*Исследование социальных изменений в 1960-е гг. (1963–1970)*]. 백산서당, 1999. 23 쪽.

на экспортноориентированную индустриализацию, предпочитая ей экономическую автаркию, а потому «расхожее мнение, что южнокорейские планирующие органы [с самого начала] проводили экспортоориентированную стратегию индустриализации, является ретроспективным конструктом»[183]. Стратегия экономического развития Республики Корея стала такой, какой мы ее знаем, только во второй половине 1960-х гг., более того, в ней происходили существенные изменения и в 1970-е гг.[184] Отсюда вытекает необходимость учитывать не только фактические сдвиги в политике, но и *общую траекторию* этих изменений, чтобы понять влияние модернизации на формирование «молодежной культуры».

Социологи, исследовавшие феномен молодежных культур в США в 1950-х гг. подчеркивали роль быстрых социальных изменений как фактора нестабильности ценностной системы общества: как писал Толкотт Парсонс, быстрые социально-экономические изменения, как правило, являются источником беспокойства и замешательства, особенно усиливающегося, если они не направляется «набором четко определенных основных символов, которые точно говорят, в чем суть изменений»[185]. Южнокорейский опыт подтверждает этот тезис: несмотря на то, что некоторые исследователи говорят об «идеологии модернизации», сам процесс модернизации в начале не был подкреплен какой-либо четкой системой идей касательно того, чем именно Республика Корея должна стать в будущем и как ее идентичность должна трансформироваться[186]. Хотя еще с начала 1960-х гг. Пак Чонхи в своих речах ссылался на необходимость духовного обновления[187], реальная

---

[183] *Lie J.* Han Unbound: The Political Economy of South Korea. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1998. P. 55.

[184] Ibid. P. 55–117; *Кукла М.П.* Трансформация экономической стратегии Республики Корея в конце 1970-х гг.: переход к дерегулированию в последние годы президентства Пак Чонхи // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2023. №3. С. 147–160.

[185] *Parsons T.* Youth in the Context of American Society. In: *Daedalus*. 1962. Vol. 91. №. 1. P. 100.

[186] *Kim K.* Ideology and Political Development in South Korea. In: *Pacific Affairs*. 1965. Vol. 38. №. 2. P. 164–76.

[187] В частности, второе из «революционных обещаний», данных режимом военных сразу после прихода к власти, заключалось в том, чтобы «поднимать здоровый дух, чтобы вырвать с корнем коррупцию и старые

борьба за определение корейской идентичности началась лишь в конце этого десятилетия[188].

Процессы модернизации не только трансформируют традиционные социальные связи, но и способствуют формированию новых социальных групп и коллективных идентичностей [189] . Как подчеркивает Шмуэль Эйзенштадт, молодежь является одной из групп, особенно чувствительных к таким процессам: хотя «молодость» является феноменом биологическим, она всегда определяется в терминах культурных, а такие культурные определения часто зависят от общественного разделения труда, то есть системы распределения социальных ролей[190]. В этом смысле различные молодежные движения и организации в широком смысле имеют тенденцию появляться при переходе от традиционных или феодальных обществ к современным вместе с ускорением процессов перемен, особенно в периоды быстрой социальной мобильности, миграции, урбанизации и индустриализации [191] . В таких условиях усиливается институциональная дифференциация, удлиняются переходные периоды между детством и зрелостью, снижается значение семьи как профессионального и воспитательного института, возрастает роль формального образования, и все это создает почву для появления молодежных субкультур[192].

Такие процессы характерны не только для западных обществ: воздействие модернизации и вестернизации на традиционные общества, как правило, сопровождались не только дестабилизацией семейной жизни, но и изменением самой структуры поколенческих отношений [193] . Шмуэль

пороки корейского общества, оздоровить пришедшие в упадок гражданскую мораль и национальный характер». *Мазуров В.М*. Южная Корея и США (1950–1970 гг.). С. 60.

[188] *Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»... С. 185–235.

[189] *Eisenstadt S. & B. Giesen*. The Construction of Collective Identity. In: *European Journal of Sociology*. 1995. Vol. 36. № 1. P. 72–102.

[190] *Eisenstadt S*. Archetypal Patterns of Youth. P. 28.

[191] Ibid. P. 36. Подробнее о факторах, которые приводят к переоценке поколений, см.: *Eisenstadt S*. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. 260 p.

[192] *Eisenstadt S*. Modernization and Changing Conceptions of Youth and Generations. P. 344.

[193] *Eisenstadt S*. Archetypal Patterns of Youth. P. 36.

Эйзенштадт пишет о том, что более интенсивные типы молодежных движений имеют тенденцию развиваться в тех обществах и периодах, в которых начало модернизации связано с большими потрясениями и резкими расколами в социально-политической структуре, с «разрушением символов коллективной идентичности» [194] . Соответственно, институциональные трансформации, происходящие в ходе модернизации, не только углубляют конфликты между поколениями, но и стимулируют переосмысление самих понятий «молодежь» и «поколение» как *культурных* категорий[195].

Как отмечает Сим Юнчжон, вплоть до 1970-х гг. конфликты, связанные с ценностными различиями между поколениями, не приобретали статуса серьезной социальной проблемы и не становились объектом широкого общественного внимания, что позволяет говорить о том, что до этого момента южнокорейское общество было относительно «интегрировано» в ценностном плане[196]. Однако уже к концу 1960-х гг. различия между старым и новым поколением начинает осознаваться самим южнокорейским обществом, показательным свидетельством чего служит статья «Поколение *хангыля* среди тревог и конфликтов», опубликованная в августе 1970 г. в газете «*Чунан ильбо*»:

> «Сегодняшнее поколение *хангыля* не жило в социальных условиях страданий, бедности, беспокойства и давления, как поколение родителей. В отличие от старшего поколения, они не жили в эпоху, когда нельзя было выбирать ценности, когда нельзя было критиковать ценности и где допускалось только послушание. Они живут в обществе с улучшенным экономическим благосостоянием, которое сформировалось в [более] открытых социальных условиях. Эти условия роста и развития

[194] Ibidem.
[195] *Eisenstadt S*. Modernization and Changing Conceptions of Youth and Generations. P. 344.
[196] 沈允宗. 產業構造와 青年文化 [*Сим Юнчжон*. Индустриализация и молодежная культура] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 青年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 72 쪽.

естественным образом создали различия в их образе мышления и ценностях»[197].

Интенсификация процессов индустриализации и модернизации приводила к моральной панике вокруг меняющихся ценностных ориентаций молодого поколения, и такое беспокойство было лейтмотивом большинства публикаций про южнокорейскую молодежь в 1970-е гг. Хотя подобные страхи является универсальными для всех модернизирующихся обществ, в случае Республики Корея они часто принимали гораздо более острую форму. Приведем, например, описание Хан Вансана, который выражает обеспокоенность самим понятием «молодости»:

> «В быстро меняющемся индустриальном обществе, таком как наше, молодым людям может быть трудно сохранить молодость. Можно сказать, что молодым людям было нелегко и в прошлом, потому что традиционно сила (кор. 유강함), открытость [новому опыту] (кор. 개파성) и стиль (кор. 멋) не считались добродетелями молодости. Однако ситуация была бы проще, если бы в процессе распада этих традиций были созданы новые ценности, поощряющие [новую] суть (кор. 알맹이) молодости, но, как я указывал ранее, новая культура, способная “оживить” молодежь, еще не сформирована. Скорее, [в нашем обществе] продолжается путаница между новыми и старыми ценностями. Другими словами, по мере того как сила традиционной культуры, подавлявшей молодежь, ослабевала, молодые люди не смогли установить новые стандарты для “поощрения” своей молодости и вместо этого впали в серьезный кризис застоя из-за смешения новых и старых ценностей»[198].

---

[197] *Пак Ёнхон*. Поколение *хангыля* среди тревог и конфликтов.

[198] 韓完相. 젊은, 그 힘찬 멋 [*Хан Вансан*. Молодость и ее очарование] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 164.쪽.

Важность «молодежи» как культурой категории подчеркивалась тем, что в 1973 г. на государственном уровне был введен День совершеннолетия, который спровоцировал большое количество дискуссий, которые будут продолжаться на протяжении всех 1970-х гг. Их центральным вопросом была степень автономии молодежи: следует ли рассматривать ее как самостоятельную социальную группу или как объект государственного и общественного контроля[199]. На протяжении всего этого времени было заметно двойственное отношение к молодежи: молодые люди были объектом восхваления, будучи «служителями нации», которые возьмут на себя будущее государства, но в то же время их нередко осуждали за культурный и моральный упадок, проявлявшийся в отличных от старшего поколения внешности и моделей поведения[200].

Тем не менее, анализ «молодежной культуры» необходимо начать не только с самого факта социально-экономических изменений и двойственного отношения к молодежи, но и с того, *как именно* процесс модернизации оказал влияние на возникновение и развитие «молодежной культуры» и каким образом новые возможности, возникшие в ходе модернизации, были творчески использованы молодежью для самовыражения и формирования образа нового поколения.

---

[199] 성년의 날…그 의의. 청소년의 도덕의식 [День совершеннолетия и его значение. Нравственное сознание молодежи] // 중앙일보. 26.04.1973. 4 면; 不安과 自信의「社會初年生」 [«Новые члены общества»: между тревогой и уверенностью] // 경향신문. 19.04.1973. 5 면; 第二의 誕生「成年」의 意味를 생각해본다 [Размышления о значении «совершеннолетия» как второго рождения] // 동아일보. 07.05.1976. 5 면; 이규호. 나이 20 됐다고 다 어른일까 [*Ли Гюхо*. Становится ли человек взрослым только потому, что ему исполнилось 20 лет?] // 중앙일보. 06.05.1977. 4 면.

[200] 青少年의 달 [Месяц молодежи] // 조선일보. 27.05.1978. 5 면.

2.2. Урбанизация и экономический рост

Уже послевоенные годы стали временем реконструкции разрушенных городов и ускоренной внутренней[201] миграции в Республике Корея. Однако с начала 1960-х гг. процессы урбанизации значительно ускорились параллельно с началом полноценной политики индустриализации, и тренд на рост городского населения, пусть и в несколько меньшей степени, сохранится и на протяжении 1970-х гг. Одна из причин взрывного роста городов состояла в том, что в случае Республики Корея экономический разрыв между городом и деревней был особенно серьезен, а полноценное развитие сельской местности, пусть и с рядом ограничений, начнется лишь с «Движения за новую деревню» в 1970-е гг. Вместе с этим не стоит сводить миграцию только лишь с переездом из сельской местности в города – не менее массовой была и миграция из небольших городов в крупные[202]. Оба этих миграционных потока объединяло не только стремление к улучшению экономического положения, но и получение доступа к *статусу*, который предлагал город в противовес сельской местности[203].

---

[201] Помимо внутренней миграции необходимо учитывать и миграцию внешнюю (беженцы из КНДР, корейцы, вернувшиеся из Японии), так как большинство из них, как правило, селились в крупных городах. *Пак Кильсон*. Указ. соч. С. 23.

[202] *Kim D. & Sloboda J*. Migration and Korean Development. In: *Economic Development, Population Policy, and Demographic Transition in the Republic of Korea*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center Publications Program, 1981. P. 76.

[203] *Vreeland N., Just P., Martindale K, Moeller P., Shinn R*. Area Handbook for South Korea. 2nd ed. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. P. 98; *Lee H*. Op. cit. P. 49–75; *Бучкин А.А*. Указ. соч. С. 54–56.

Выделим и ряд социальных факторов, способствовавших миграции населения, особенно молодежи, из сельской местности в города. Во-первых, как указывала Сим Хёнсук, к 1970-м гг. наблюдалась определенная трансформация взглядов родительского поколения, которое, в сравнении с прошлым, чаще соглашалось, либо не препятствовало тому, что их дети (в т. ч. дочери) принимали решение переехать в город. Это, по ее мнению, являлось результатом того, что экономические и социальные изменения ослабили традиционный контроль над молодежью (심현숙. 청소년의 성문제 [*Сим Хёнсук*. Проблема сексуальности среди молодежи] // 새가정. 1974. 제 8·9 월호. 43 쪽). С другой стороны, стремление вырваться из-под родительской власти также было важным мотивом миграции для молодежи. Так, в «*Справочнике по Южной Корее*» за 1975 г. отмечалось, что «многие молодые люди покинули свои деревни, стремясь, по крайней мере отчасти, вырваться из-под жесткой родительской власти и [традиционных] семейных норм» (*Vreeland N., Just P., Martindale K, Moeller P., Shinn R*. Op. cit. P. 97). Среди причин, побуждавших молодежь покидать сельскую местность, стоит выделить и высокий уровень насилия, в том числе и сексуализированного, характерный для этой среды. 안승택. 두 마을 이야기: 1960~70 년대 농촌의 일상생활 속 자연적 사회적 사건 [*Ан Сынтхэк*. История двух деревень:

Процессы урбанизации в Республике Корея происходили крайне неравномерно и были преимущественно завязаны на миграцию в столицу, Сеул, население которого увеличилось более чем в два раза за период с 1960 по 1970 г.[204]. По этой причине урбанизацию 1960-х гг. часто называют «урбанизацией Сеула»[205]. Конечно, изменения затронули и ряд других городов, но большинство городов, выросших с такой же интенсивностью, были промышленными центрами, например, Ульсан[206] – и, они, в отличие от Сеула, первоначально играли периферийную роль в развитии, собственно, *городской* культуры и *городской* идентичности. Таким образом, уже к концу 1960-х гг. столица Республики Корея впитала в себя большие массы населения, в ней в том числе было аномально большое количество молодежи[207], что послужило демографическим фундаментом для развития «молодежной культуры». Именно неравномерность процессов урбанизации и концентрация молодежи в столице объясняют, почему именно Сеул стал ее основным центром, тогда как в других городах подобные проявления были гораздо менее заметны.

Несмотря на сохранение социального расслоения и неравномерного распределения доходов внутри города[208], после первых двух успешных пятилеток доходы южнокорейских семей в среднем значительно выросли[209]. Это неизбежно привело к росту потребления, хотя и темпы его роста, как показывает Ли Саннок, были ниже темпов роста экономического – во многом из-за политики по ограничению потребления, проводимой правительством

природные явления и социальные события в повседневной жизни сельских жителей в 1960–1970-е гг.] // 작은 사람들의 일상사 [*История повседневности «маленьких людей»*]. 서울: 푸른역사, 2025. 222–226 쪽.

[204] *Min K*. Urban Industrial Structure in Relation to Urban Growth, Migration, and Labor Utilization in Korea. In: *Korean Observer*. 1984. Vol 15. No 1. P. 85.

[205] *Пак Кильсон*. Указ. соч. С. 42.

[206] *Min K*. Op. cit. P. 85.

[207] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 18.

[208] См. подробный анализ проблемы неравенства в 1970-е гг. в: *Бучкин А.А*. Указ. соч. С. 76–99.

[209] 통계로 본 대한민국 60 년 경제·사회 변화 [Изменения в экономике и обществе Южной Кореи за последние 60 лет, рассмотренные через призму статистики] // 통계청. 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156014161 (дата обращения: 16.05.2025).

Пак Чонхи [210] . Тем не менее, данные, приведенные исследователем, свидетельствуют о том, что объемы потребления *значительно* увеличились: так, в текущих рыночных ценах общий объем частных потребительских расходов составлял 245,7 млрд вон в 1961 г., а спустя десять лет, в 1971 г., вырос почти в *десять раз*, до 2 трлн 417 млрд вон[211]. В 1977 г. эта сумма составила 10 трлн 4 млрд вон, что более чем в *четыре раза* превышало показатель шестилетней давности[212]. Подчеркнем, что увеличение доходов сопровождалось и расширением самой структуры потребления, которая включала в себя расходы не только на базовые нужды, такие как еда и жилье, но и, например, на модную одежду, товары длительного пользования и развлечения[213].

Такие трансформации были связаны с приходом «материалистической культуры» [214] в повседневную жизнь южнокорейцев, которая в наиболее непосредственной форме проявлялась в потреблении массово производимых товаров[215]. Индустриализация и экономический рост действительно сделали доступными товары и практики, ранее доступных исключительно среднему классу, среди которых было, например, распространение современных форм отдыха[216]. Несмотря на то, что у молодых рабочих было гораздо меньше свободного времени, они так же тратили его на отдых и потребление, причем

---

[210] *Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления... С. 148–150. Подробный разбор политики по ограничению потребления см. в: 이종현. 1970 년대 정부의 반(反)소비 정책과 소비자 행동에 대한 연구 [*Ли Чжонхён*. Государственная политика, направленная на сдерживание потребления, и поведение потребителей в 1970-е гг.] // 역사문제연구. 2012. 제 28 권. 327–364 쪽.

[211] *Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления... С. 150.

[212] Там же.

[213] Там же. С. 157–160.

[214] *Hart D*. From Tradition to Consumption: Construction of a Capitalist Culture in South Korea. Seoul: Jimoondang Publishing Company, 2001. P. 1–20.

[215] Ibid. P. 6. Также см.: *Ким Докхо*. Бытовая техника, революция в сфере потребления и формирование общества массового потребления в Республике Корея. С. 269–300.

[216] *Сон Ынъён*. Политика культуры досуга и массового потребления в 1970-е гг. С. 39–72.

среди них часто наблюдалось подражание потребительским практиками среднего класса[217].

Рост уровня потребления, ставший возможным благодаря экономическому развитию и индустриализации, сыграл ключевую роль в формировании молодежи как самостоятельной потребительской группы, способной оказывать влияние на культурное производство. Как отмечает Ли Херим, в традиционных обществах все молодые люди должны стать основными участниками производства по достижении определенного возраста, но к 1970-м гг. часть городской молодежи (в основном из среднего класса) «была освобождена от обязанности [участия в] труде и производстве»[218]. Более того, расширилось количество подработок для студентов, и у молодых людей появились различные возможности откладывать деньги[219], а школьники получали карманные деньги от родителей[220], что усиливало их потребительскую автономию. Часть рабочей молодежи также имела возможность расходовать заработанные ими средства на развлечения и культурные блага, и все это способствовало формированию новых, отличных от старшего поколения моделей потребления и поведения в свободное время у молодежи.

---

[217] 신원철. 1960~1970 년대 기계산업 노동자의 여가 및 소비생활, 그리고 노동자 정체성 [*Син Вончхоль*. Досуг, потребительская жизнь и идентичность рабочих машиностроительной промышленности в 1960–1970-е гг.] // 경제와 사회. 2005. 제 68 호. 44–70 쪽.

[218] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 16.

[219] 收入 찾아 일에 쫓기는 아르바이트 風潮 (7) 大學生 [Тенденция по поиску подработок в погоде за заработком: (7) Студенты университетов] // 경향신문. 16.04.1971. 5 면.

По воспоминаниям студентов начала 1970-х гг. наиболее распространенной формой подработки было репетиторство. Ю Хёнчжун, в те годы студент Сеульского национального университета, вспоминал: «В то время [для студентов] слово “подработка” почти всегда означало одно – занятия репетиторством». 71 학번, 우리도 그때는 신세대였다 [Выпуск 71 г.: мы тоже были «новым поколением» в те времена] / 강호수 외. 서울: 소화, 1994. 153 쪽. По словам Ли Гибэ, для поиска учеников студенты обычно размещали короткие объявления в ежедневных газетах либо находили их через личные знакомства. Там же. С. 196.

[220] См. статистику по карманным деньгам, которые давали родители школьникам, приведенную в: Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 72–75; Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 63–65.

2.3. Расширение сферы образования

Развитие сферы образования является одной из главных предпосылок формирования молодежных культур: и школы, и колледжи, и университеты представляют из себя институты, где молодежь не только *конструируется* государством, но и где молодые люди самостоятельно взаимодействуют друг с другом, тем самым «производя» собственную идентичность и создавая различные формы молодежных субкультур [221]. Образование, которое исторически было доступно лишь ограниченному количеству элит, имело и продолжает иметь крайне высокий статус в южнокорейском обществе. Несмотря на некоторое расширение возможностей для получения образования в период японского колониального господства (в частности, повысился уровень грамотности среди населения, и стала более доступна начальная школа[222]), по-настоящему взрывной рост этой сферы пришелся только на послевоенное время.

Возможность получения более качественного образования была одним из ключевых факторов миграции семей в крупные города, в частности, в Сеул, где было сосредоточено большинство хороших школ и университетов[223]. Поскольку образование было одним из наиболее эффективных способов социальной мобильности, родительское поколение прикладывало значительные усилия для его получения своими детьми, что вылилось в аномальные по меркам развивающихся стран уровни *частных* расходов на образование [224]. Такая страсть к образованию со стороны общества представляла из себя силу, с которой государству приходилось считаться: в отличие от политической и экономической сфер, находившихся под жестким

---

[221] *Coleman J.* The Adolescent Society: the Social Life of the Teenager and Its Impact on Education. New York: Free Press of Glencoe, 1961. 447 p.

[222] *Тертицкий Ф.К.* Образовательная политика Японии в колониальной Корее // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2012. № 20. С. 290–302.

[223] *Kim D. & Sloboda J.* Op. cit. P. 84–86.

[224] *McGinn N., Snodgrass D., Kim Y., Kim S. & Kim Q.* Education and Development in Korea. Leiden: Harvard University Asia Center, 1980. P. 222–223.

и централизованным контролем государства, образовательная политика сдерживалась и корректировалась давлением со стороны общества [225].

Уже с начала 1960-х гг. правительство Пак Чонхи начинает проводить политику, ориентированную на расширение доступа населения к начальному, среднему и высшему образования, хотя такое расширение было крайне неоднородным и наталкивалось на большое количество структурных препятствий. Тем не менее, учитывая важность дискурса эгалитаризма для южнокорейского общества того времени, власти отразили его в реформированной системе образования. Одним из его проявлений была политика по «уравниванию школ», которая проявлялась через зачисление в школы по жребию и отмене экзаменов сначала в среднюю, а затем и в старшую школу[226]. Соответственно, именно поколение бэби-бумеров стало основным «бенефициаром» такой политики[227], получив гораздо больше возможностей для получения образования по сравнению со старшим поколением.

С точки зрения государства расширение системы образования преследовало несколько целей. С одной стороны, очевидным был экономический аспект такой политики: образование было необходимо для подготовки квалифицированных кадров, как управленцев нового типа, так и специалистов, которые будут заполнять новые рабочие места, возникающие в результате индустриализации. С другой стороны, распространение всеобщего школьного образования также имело политическое измерение, поскольку оно использовалось для идеологической обработки и дисциплинирования населения.

---

[225] *Seth M*. Op. cit. P. 118–119.

[226] Ibid. P. 148–158.

[227] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 16. Ориентация образовательной политики властей на послевоенное поколение также была отмечена Пак Хису и И.А. Толстокулаковым. *Пак Х.С., Толстокулаков И.А*. Указ. соч. С. 54–55; 58. Хан Хонгу обращает внимание на примечательную деталь общественных дискуссий того времени, связанных с реформой образования: по мнению ряда современников, столь радикальные меры, как отмена вступительных экзаменов в среднюю школу и введение системы «уравнивания» старших школ, предпринятые практически одна за другой, были продиктованы стремлением создать благоприятные условия для сына президента Пак Чонхи – Пак Чимана, родившегося в 1958 г. *Хан Хонгу*. Указ. соч. С. 330.

Расширение доступа к школьному образованию привело не только к увеличению возможностей трудоустройства для молодежи, но и в определенной степени *универсализировало* их школьный опыт, таким образом сделав их более однородным и выделяющимся социальным классом[228]. По итогам государственной политики к концу 1970-х гг. *школьное образование начало охватывать абсолютное большинство молодежи*: согласно данным, приведенным Хван Бёнчжу, к 1979 г. процент продолживших обучение составил более 90% в случае средней школы и более 80% в случае старшей[229].

Сфера высшего образования также росла исключительно быстрыми темпами. Несмотря на то что в 1970-х гг. (то есть в тот период, когда большая часть поколения бэби-бумеров достигла возраста поступления в университет) студенты все еще были относительно привилегированным классом, их количество *утроилось*. Если в 1970 г. количество студентов составляло около 192 тыс. человек, то к концу десятилетия, в 1980 г., их число достигло 611 тыс. [230] Увеличение количества студентов также было своеобразным компромиссом между обществом и государством: так в 1960-е гг. власти пытались, несмотря на большой спрос на высшее образование, вести жесткую политику по ограничению количества учащихся высших учебных заведений через систему квот[231], но, как видно из данных, приводимых Ли Гёнсук, уже

---

[228] Обсуждая поколенческие различия в 1970-е гг., социолог Чха Чжэхо отмечает, что в ходе модернизации корейский коллективизм стал включать новую «внутреннюю группу», школьное сообщество, тогда как значение расширенной семьи и рода (*камун*, кор. 가문) неуклонно снижалось. По его предположению, среди молодого поколения именно школа постепенно заняла то место в системе социальных связей, которое ранее принадлежало этим двум категориям (*Cha J.* Aspects of Individualism and Collectivism in Korea. In: *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Applications*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994. P. 170). О трансформациях форм коллективизма в Республике Корея в процессе модернизации также см.: 임희섭. 한국의 사회변동과 가치관 [*Им Хисоп*. Социальные изменения и ценности в Корее]. 서울: 나남출판, 1995. 73–88; 187–200; 215–218 쪽.

[229] 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [*Хван Бёнчжу*. Политика по уравниванию школьного образования: равная конкуренция ради неравенства] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е: Модернизм Пак Чонхи*]. 서울: 천년의상상, 2015. 211 쪽.

[230] <대교연 통계> 학생 수(재적생) [<Статистика Исследовательского центра проблем образования> Количество студентов (зачисленных в учебные заведения)] // 대학교육연구소. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://khei.re.kr/post/512# (дата обращения: 16.05.2025).

[231] *Seth M.* Op. cit. P. 131–139.

во второй половине 1970-х гг. количество таких квот было резко увеличено[232]. Примечательно, что такое расширение произошло лишь только после того, как государству удалось установить всесторонний контроль над университетами, включая подавление студенческого движения и усиление идеологического надзора за студентами.

Кроме того, к 1970-м гг. произошла диверсификация видов профессионального образования в виде системы «экспериментальных университетов» (кор. 실험대학)[233] и разного рода технических училищ (кор. 전문대학). Количество учащихся в последних росло очень быстрыми темпами именно в 1970-е гг. – с 33 тыс. человек в 1970 г. до 165 тыс. в 1980 г.[234] Стоит также упомянуть увеличения количества вечерних школ (кор. 야간고등학교) и заочных отделений университетов (кор. 야간대학), обучение в которых правительство активно продвигало в рамках политики по созданию промышленно развитого государства[235].

Однако образовательная политика режима Пак Чонхи имела противоречивые последствия. Создание чрезмерно конкурентной системы образования привело к появлению специфических социальных проблем, например проблеме *чэсусэнов*[236], которая была особенно серьезной до конца 1970-х гг. *Чэсусэны*, которые, по выражению Ким Хонгю, не только тратили дополнительный год на подготовку к экзаменам, но и «блуждали по жизни»[237], воспринимались значительной частью общества как опасный класс и угроза

---

[232] 이경숙. 유신과 대학 [*Ли Гёнсук*. Система Юсин и высшие учебные заведения]. 서울: 역락, 2022. 87–89 쪽.
[233] Там же. С. 93–109; *Пак Х.С., Толстокулаков И.А*. Указ. соч. С. 58.
[234] Количество студентов (зачисленных в учебные заведения).
[235] 教育制度,「工業立國」에 맞게 改善 [Улучшение системы образования ради создания промышленно развитого государства] // // 조선일보. 22.07.1977. 1 면
[236] Проблема *чэсусэнов* («занимающихся учебой для повторной сдачи вступительных экзаменов») была связана с единым государственным экзаменом, необходимым для поступления в университет. Не получая желаемых баллов или проваливая экзамен, некоторые выпускники школ тратили по нескольку лет в *хагвонах* для дополнительной подготовки к успешной пересдаче и таким образом становились *чэсусэнами*.
[237] 金憲奎. 방황하는 再修生 [*Ким Хонгю*. Блуждающие *чэсусэны*] // 世代. 1978. 제 5 호. 64 쪽.

для общественного порядка[238]. По сравнению с работающей молодежью или учениками школ *чэсусэны*, находящиеся вне системы школьного и университетского образования, обладали несколько большим количеством свободного времени и по этой причине составляли одну из наиболее заметных категорий молодежи, увлеченных «молодежной культурой» 1970-х гг.[239]

С ростом числа желающих поступить в университет и усилением конкуренции за ограниченные места в ВУЗах развивалась и индустрия *хагвонов*, частных образовательных учреждений, специализировавшихся на подготовке к вступительным экзаменам. У развития частной сферы образования были и неожиданные последствия: уже во второй половине 1960-х гг. на фоне общего расширения рынка образовательных услуг появляются новые типы *хагвонов*, деятельность которых выходила за рамки подготовки к поступлению в университет. Среди курсов, предлагаемых такими *хагвонами*, были, например, обучавшие игре на гитаре [240] – инструмента, который станет одним из символов «молодежной культуры». Наличие частных учебных заведений такого плана, таким образом, было одним из факторов, способствовавших распространению практик «молодежной культуры».

---

[238] Например, см. серию статей «*Чэсусэны*», выходившие в январе-феврале 1976 г. в газете «Чосон Ильбо». Про распространенность девиантного поведения среди чэсусэнов см.: 再修生 ⑥ 集結地와 脫線 [*Чэсусэны* ⑥: Точки сбора и отклоняющееся поведение] // 조선일보. 04.02.1976. 1 면. О самовосприятии чэсусэнов см.: 젊은이의 現場 그들이 말하는 自畵像 [Текущее состояние молодежи: автопортрет с их слов] // 경향신문. 09.12.1977. 5 면.

[239] *Ли Ёнми*. Они были без ума от чего-то, и то была свобода.

[240] 김형찬. 1970 년대 통기타 음악과 청년문화의 인프라 [*Ким Хёнчхан*. Инфраструктура акустической гитарной музыки и «молодежной культуры» в 1970-е гг.] // 노래 5: 대중음악과 노래운동, 그리고 청년문화 *[Песни, Ч. 5: Популярная музыка, норэ ундон и «молодежная культура»*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 200–205 쪽.

2.4. Распространение масс-медиа

Если индустриализация, экономический рост и расширение внутреннего рынка товаров сами по себе вели, как писал Ким Учхан, к «диверсификации чувственной жизни»[241], то одним из ключевых социально-экономических условий, оказавших значительное влияние на историческую субъектность южнокорейцев в целом и молодежи в частности, стало стремительное распространение масс-медиа, как печатных, так и электронных, таких как радио и телевидения. Как писал Чон Хахва, акцентируя внимание на влиянии масс медиа на сферу повседневности, «мы просыпаемся под звуки радиопередач, тут же, едва встав с постели, читаем утренние газеты, завтракаем и приступаем к работе, не расставаясь с потоками информации. Вечером мы проводим время в гостиной, слушая радио или смотря телевизор, и, даже засыпая, порой не выключаем приемник. Одним словом, современный человек живет в настоящем “потопе” массовых медиа»[242].

1960-е гг. традиционно считаются периодом расцвета радиовещания, 1970-е – телевидения, однако на практике 1970-е гг. стали периодом сосуществования разных видов медиа, которые отчасти будут иметь разные функциональные роли. Особая значимость вещательных медиа будет заключаться в том, что, в отличие от медиа печатных, которые в большом количестве уже существовали до этого и были более привычным способом потребления информации, они предоставляли слушателям и зрителям новый, аудиовизуальный опыт восприятия мира.

Хотя все эти вещательные СМИ в какой-то мере существовали еще до прихода к власти Пак Чонхи, по факту их *массовое* распространение и внедрение в повседневную жизнь большей части населения начинается лишь

---

[241] 김우창. 산업 시대의 미학과 안간 [*Ким Учхан*. Эстетика индустриальной эпохи и ее человек] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 13 쪽.

[242] 田賀和. 大眾媒體의 影響과 生活指導 [*Чон Хахва*. Влияние масс-медиа и наставничество молодежи] // 社會變化에 對應하는 生活指導 [*Наставничество, реагирующее на социальные изменения*]. 서울: 서울特別市教育委員會, 1975. 91 쪽.

с 1960-х гг., когда возникают большинство крупных *частных* теле- и радиокомпаний и растет количество приемников. Одной из причин быстрого роста распределения этих масс-медиа можно считать ту поддержку, которую военный режим, прямо или косвенно, оказывал в таком распространении, например в виде политики по стимулированию местного производства комплектующих для такой техники[243]. Подчеркнем и то, что государство активно содействовало их внедрению в сельской местности через «Движение по отправке радио в деревни»[244] или кампанию по распространению телевизоров в рамках «Движения за новую деревню»[245].

Первые годы правления режима военных сопровождались институционализацией государственной политики в области масс-медиа: впервые принимается ряд законов, регулирующих теле- и радиовещание, и создаются органы для надзора за соблюдением этих законов. Несмотря на то, что формально эти меры с самого начала подразумевали жесткий государственный контроль за содержанием радио- и телепередач, реальное ужесточение такой политики было преимущественно ситуативным и зависело от общей политической конъюнктуры. Наиболее важным, однако, был сам характер культурной политики государства, которое хотя и пыталось контролировать содержание радио- и телепрограмм и активно вмешивалось в деятельность вещательных компаний, но *отказалось от монополизации этих новых видов СМИ*. Сам факт развития сфер и радио, и телевидения виделся властями в качестве одного из символов будущей политической стабильности

---

[243] *Им Чжонсу*. Указ. соч. С. 450.

[244] 김복수. 1960 년대 대중매체와 일상생활-라디오 전성시대와 일상생활의 변화를 중심으로 [*Ким Боксу*. Масс-медиа и повседневная жизнь в 1960-е гг.: эпоха расцвета радио и изменения в повседневности] // 1960 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1960-е гг.*] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 211–214 쪽.

[245] *Ли Чжонним*. Указ. соч. С. 384–385; 김복수. 1970 년대 대중매체와 일상생활 – 텔레비전 시대의 도래와 일상생활의 변화를 중심으로 [*Ким Боксу*. СМИ и повседневная жизнь 1970-х гг.: наступление эпохи телевидения и изменения в повседневной жизни] // 1970 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1970-е гг.*] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 177–178 쪽.

и экономического процветания, которую принесет модернизация. Например, крайне быстрая, «напоминающая военную операцию» реконструкция государственной телестанции KBS в 1961 г. рассматривалась властями как способ «поддержать изменившуюся социальную атмосферу до конца года»[246]. Образ телевидения в целом был полезен в качестве инструмента демонстрации потенциального материального развития, а потому часто использовался силами, которые возглавляли процесс модернизации в развивающихся странах, в том числе и в Республике Корея[247].

В рамках идеологической политики военного режима радио и телевидение должны были функционировать в качестве инструментов, поддерживающих военную диктатуру. Так Ли Херим подчеркивает, что «средства массовой информации распространялись на институциональном уровне в *политических* целях. Военный режим в то время нуждался в средстве […] для установления собственной легитимности и распространения идеологии “модернизации Родины”»[248] (выделение наше. — *А.С.*). Эти СМИ должны были выполнять и функцию воспитания молодежи путем формирования правильных с точки зрения режима образов подростков, в рамках чего особое внимание уделялось «образцовым» представителям молодого поколения[249]. Однако в действительности, вне зависимости от намерения властей, основной функцией таких медиа скорее была функция *развлекательная*, и даже после принятия конституции Юсин и увеличения прямого вмешательства государства в содержание передач, развлекательная сущность этих СМИ претерпела относительно мало изменений. Вместе с этим

---

[246] 임종수. 텔레비전의 사회문화사 [*Им Чжонсу*. Социокультурная история телевидения] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 447–448 쪽.

[247] 이종님. 1960~70 년대 텔레비전 드라마를 통한 ‘공공’이데올로기 형성에 관한 연구: 한국·일본을 중심으로 [*Ли Чжонним*. Исследование процесса формирования «публичной» идеологии через телевизионные драмы 1960–70-х гг. на примере Южной Кореи и Японии] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 382 쪽.

[248] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 18.

[249] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 219.

важным было то, что исходная позиция режима Пак Чонхи по отношению к этим новым медиа привела к тому, что несмотря на упоминавшуюся выше политику по контролю за потреблением, власти считали телевизор и радио не товарами роскоши, а скорее необходимыми вещами[250], что обеспечило их дальнейшее распространение.

По официальной статистике, уже к 1971 г. число радиоприемников превысило 4 млн единиц, что было сопоставимо с тиражами еженедельной прессы[251]. С распространением радио начинает меняться состав его аудитории: если в начале 1960-х гг. радиопрограммы были в основном ориентированы на домохозяек[252], то уже ко второй половине 1960-х гг. прослушивание радио стало важнейшим каналом культурного потребления для молодежи. Особый интерес вызвали появившиеся к середине 1960-х гг. музыкальные программы, в рамках которых диджей выбирал и транслировал современную музыку, включая западные поп-песни, а затем и композиции, создаваемые южнокорейской молодежью. Первоначально южнокорейские диджеи-первопроходцы черпали свое вдохновение от американских радиопрограмм, доступных на территории Республики Корея, таких как *American Top 40* или *East of Midnight*, но, учитывая большой интерес со стороны южнокорейской молодежи, индустрия *местных* музыкальных радиопрограмм стремительным образом росла[253].

Помимо дневных музыкальных программ значительное количество передач в 1960–70-е гг. были ночными радиоэфирами (кор. 심야방송), транслируемыми после 10 часов вечера, что часто находило отражение в их

---

[250] *Им Чжонсу*. Указ. соч. С. 451.

[251] *Ким Боксу*. Масс-медиа и повседневная жизнь в 1960-е гг… С. 186–187.

[252] Там же. С. 204–208.

[253] Подробнее про процесс эволюции таких радиопрограмм см.: 박용규. 라디오 디스크자키 프로그램의 등장과 변화: 1960 년대의 팝송프로그램을 중심으로 [*Пак Ёнгю*. Появление и эволюция диджейских радиопрограмм на примере программ 1960-х гг., транслирующих с поп-музыку] // 언론정보연구. 2020. 제 57 권. 제 3 호. 239–285 쪽.

названии [254]. Эти передачи строились на активной обратной связи со слушателями: в эфире зачитывались открытки, присланные молодежью, обсуждались новинки поп-музыки и последние новости, а также происходило непосредственное общение между диджеем и аудиторией. Постепенно вокруг диджеев, которые вели такие программы, начинают формироваться целые сообщества поклонников, которые нередко воспринимали их как наставников, выполняющих функцию посредника между молодым поколением и внешним миром [255]. В 1970-е гг. диджеи постоянно появлялись на страницах еженедельных журналов, а некоторые из них даже издавали авторские сборники транслируемых по радио зарубежных песен с переводами [256]. Интерес к таким программам был столь велик, что даже в универмагах проводились выставки «открыток слушателей», что было ярким примером того, как радио стало основой для зарождения подростковых субкультур, выходящих за рамки самого вещания[257].

Формирование такой ситуации стало возможным благодаря изменениям в культуре прослушивания радио, произошедшими с его распространением: как пишет Ким Боксу, если в начале 1960-х гг. радио было частью семейной жизни и подразумевало *коллективное* прослушивание, то уже к концу десятилетия формируется практика прослушивания *индивидуального*, особенно популярная среди школьников и студентов[258]. По этой причине в воспоминаниях представителей поколения бэби-бумеров подчеркивается особая значимость радиопередач: например, Ян Хиын называет прослушивание ночных радиопрограмм «обязательным [школьным]

---

[254] Из наиболее известных ночных радиопередач следует упомянуть «*Полуночный дозвон*» (кор. 0시의 다이얼), «*Тебе, кто забыл про сон*» (кор. 밤을 잊은 그대에게), «*Звездная ночь*» (кор. 밤의 빛나는 밤), «*Ночное диджей-шоу*» (кор. 밤의 디스크쇼), «*Между снами и музыкой*» (кор. 꿈과 음악 사이에).

[255] 백미숙. 라디오의 사회문화사 [*Пэк Мисук*. Социокультурная история радио] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 366 쪽.

[256] Например, см.: 박원웅. Discshow at Midnight: 박원웅과 함께 밤의 디스크쇼 [*Пак Вонун*. Discshow at Midnight: Ночное диджей-шоу вместе с Пак Вонуном]. 서울: 보문각, 1974. 322 쪽.

[257] *Пэк Мисук*. Указ. соч. С. 366.

[258] *Ким Боксу*. Масс-медиа и повседневная жизнь в 1960-е гг… С. 193–195.

предметом» своего времени[259], а Сон Сынхван отмечает, что для школьников 1970-х радио было «единственным способом передышки» в условиях напряженной учебы[260].

Телевидение, в свою очередь, обладало рядом отличных от радио особенностей распространения. Как уже было отмечено раннее, хотя первые частные телевизионные каналы появились уже в начале 1960-х гг., телевидение стало набирать популярность в лишь 1970-е гг., с ростом доходов населения. Сфера телевещания, однако, развивалась крайне быстрыми темпами: по данным, приводимым Ким Боксу, количество *зарегистрированных*[261] телевизоров составляло всего лишь около 600 тыс. в 1971 г., но их количество достигло уже 6 млн в 1979 г.[262] Взрывной рост этой сферы и интерес со стороны общества привели к быстрому становлению современной телевизионной культуры: новостных передач, сериалов, а также развлекательных программ. Хотя значительная часть таких программ носила явный пропагандистский характер[263], в их число входили и музыкальные передачи, которые сыграли важную роль в распространения «молодежной культуры». Помимо присутствия молодых исполнителей в общих поп-чартах и музыкальных программах до 1975 г. (например в «*Популярных песнях недели*» на МВС), на всех доступных телеканалах существовали и программы, специально показывающие «молодежную культуру»: например, «*Вон тху ссыри го!*» и «*Ора, ора, ора!*» на ТВС, «*Молодежный ритм*» на МВС, и даже

---

[259] *Ян Хиын*. Недостижимая любовь. С. 18.

[260] (7080 그때 그시절엔) <3> 송승환씨와 라디오 심야프로 [(Тогда, в ту эпоху 70-80-х гг.) Сон Сынхван и ночные радиопрограммы] // 동아 일보. 08.08.2004. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donga.com/news/Culture/article/all/20040808/8092457/1 (дата обращения: 16.05.2025).

[261] Как указывает Им Чжонсу, собранная статистика учитывает только количество *зарегистрированных* телевизоров, что могло и не отражать реальное количество этой техники на руках у населения, которая могла быть, к примеру, куплена через черный рынок. Таким образом, реальное количество телевизоров могло на несколько лет «опережать» официальную статистику. См.: *Им Чжонсу*. Социокультурная история телевидения. С. 450.

[262] *Ким Боксу*. СМИ и повседневная жизнь 1970-х гг… С. 180.

[263] *Ли Чжонним*. Указ. соч. С. 386–396. *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т. 2. С. 292–297.

государственный телеканал KBS показывал «молодежную культуру» в рамках шоу «*Марш молодежи*»[264].

Основным отличием телевидения от радио, которое было возможно слушать в одиночестве, было то, что просмотр телевизора неизбежно был коллективным (чаще всего – семейным, но телевизоры были и в таких публичных местах, как кафе или *манхвабаны*[265]) времяпрепровождением, из-за чего музыкальные программы были вынуждены включать в себя разные пласты музыки. Как подчеркивает Син Чжунхён, телеканалы стремились к балансу, стараясь учитывать различия между поколениями, социальными слоями и регионами[266]. По этой причине телевизионные программы были гораздо менее провокационными, и какие-либо действительно спорные и вызывающие вещи там быть показаны не могли. К тому же цензура для телевидения была жестче – согласно Закону о кинематографе (статья 12), любому фильму надлежало пройти дополнительную цензурную проверку, чтобы попасть в телеэфир[267].

Тем не менее, сам факт присутствия южнокорейской «молодежной культуры» в телевизионных программах свидетельствовал об одной из ее важных отличительных особенностей: в отличие от стран Запада, где молодежные субкультуры были во многих случаях враждебно настроены по отношению к консервативному телевидению, южнокорейская «молодежная культура» активно присутствовала в телепрограммах (по крайней мере до 1975 г.), и телевидение тем самым стало важным инструментом популяризации этой музыки[268]. Это свидетельствовало и о том, что сами отношения между

---

[264] См. подробный обзор таких передач в: 박용규. 1970 년대의 텔레비전과 대중음악: 청소년 대상 대중음악 프로그램을 중심으로 [*Пак Ёнгю*. Телевидение и популярная музыка в 1970-е гг. на примере музыкальных программ для молодежи] // 한국언론학보. 2007. 제 51 권. 제 2 호. 5–29 쪽.

[265] (7080 그때 그시절엔) <20> 황미나의 '만화방 추억' [(Тогда, в ту эпоху 70-80-х гг.) <20> Воспоминания Хван Мина о *манхвабанах*] // 동아일보. 19.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donga.com/news/Culture/article/all/20041219/8140645/1 (дата обращения: 16.05.2025).

[266] 신현준. 소리 미디어의 사회문화사 [*Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 419 쪽.

[267] Закон о кинематографе от 1973 г.

[268] *Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа. С. 418–419.

популярной культурой и «молодежной культурой» были другими: представители «молодежной культуры» зачастую не противопоставляли себя массовой культуре, а становились ее неотъемлемой частью.

2.5. Идея «массового общества» и популярная культура

Экономический рост и стремительное распространение печатных и электронных средств массовой информации были неизбежно связаны с изменением отношения к культуре, что привело к возникновению феномена *массовой культуры*, доступной широкому кругу людей. Массовая культура (или, если говорить более точнее, *элементы* массовой культуры) вне всяких сомнений существовала в Корее как минимум со времен японского колониального господства[269], однако популярная культура того времени, как и времени, например, послевоенного, была доступна ограниченному количеству людей. Хотя степень «доступности» популярной культуры обычно основывается на количественных, хоть и косвенных данных – например, уровне грамотности, степени распространения тех или иных видов медиа и т. д. – в данном случае для нас ключевым аспектом является общественная структура, которая *делает возможной эту доступность*.

Эту структуру можно обозначить как *массовое общество*, хотя эта идея исторически обладает сильными негативными ассоциациями, такими как атомизация и политическое манипулирование массами[270]. Сам этот термин получил широкое распространение в южнокорейских интеллектуальных кругах: статьи о нем можно встретить еще во второй половине 1950-х гг. на страницах интеллектуальных журналов по типу «*Мира идей*»[271]. Однако, в отличие от крайне критического взгляда, доминирующего в западных интеллектуальных кругах, в случае Республики Корея этот концепт служил

[269] *Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры. С. 36–102.
[270] *Jowett G*. Introduction to the Transaction Edition. In: *Mass Media in Modern Society*. New York: Routledge, 1992. P. 5–24.
[271] *Сон Ынъён*. Ход и особенности южнокорейских дискуссий о массовом обществе… С. 159–160.

отражением не только опасений, но и надежд, ведь сама идея массового общества была связана с *экономическим развитием*, наблюдаемым в развитых странах. Поэтому, даже не имея «материальной основы», дискуссии о массовом обществе отражали такую двойственность:

> «С того момента, как с середины 1960-х гг. Второй план экономического развития режима Пак Чонхи принес беспрецедентный в мировом масштабе экономический рост, Республика Корея встала на путь полноценной индустриализации, и массовое общество перестало восприниматься как пустая надежда и стало воображаться как достижимое будущее. Это больше не было просто мечтой о стране с изобилием пищи, одежды и жилья: телевизоры, радиоприемники, автомобили, телефоны, стиральные машины, холодильники, досуг и пикники – все это, ранее являвшееся элементами американского образа жизни 1950-х гг., начинало становиться частью повседневной реальности южнокорейцев. […] Если в конце 1950-х – начале 1960-х гг. массовое общество, описываемое через американский опыт, оставалось лишь далекой и абстрактной историей, то во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. обсуждение массового общества продвинулось вплоть до вопроса, возможно ли приложение этой идеи к южнокорейскому контексту»[272].

К началу 1970-х гг., когда стали видны первые ощутимые результаты экономического роста, дискуссии о массовом обществе приобрели по-настоящему публичный характер, выйдя за пределы страниц интеллектуальных журналов и появившись уже в основных ежедневных газетах того времени. Несмотря на то, что уровень экономического развития Республики Корея отставал от западных стран, которые уже переходили к стадии постиндустриального общества, консенсусом среди южнокорейских социологов стало то, что «массовые *тенденции»* в южнокорейском обществе

[272] Там же. С. 165.

существуют, а некоторые из них даже выражены более ярко, чем на Западе[273]. Первоначально в ходе таких дискуссий подчеркивались лишь политические аспекты массового общества (например, отчуждение масс от системы власти[274]), однако вскоре обсуждения такого рода перенеслись и на сферу популярной культуры.

Общей чертой, объединяющей дискуссии о политических и культурных особенностях массового общества, была сама их логика, которая рассматривала широкую общественность в качестве *пассивной* группы[275]. Так, доступная большому количеству людей массовая культура зачастую воспринималась как явление, связанное с общим интеллектуальным упадком и формированием «ложных желаний» у масс. На первых этапах такое отношение было наиболее заметно по отношению к литературе, которая традиционно считалась сферой «высокой культуры» и критика которой была развита больше всего. Даже если неизбежность существования популярной литературы признавалась, южнокорейские интеллектуалы выдвигали крайне жесткие требования к таким массовым авторам 1970-х гг., как Чхве Инхо, а если какое-либо произведение не соответствовало «норме» высокой литературы, то оно признавалось низкоуровневым и оказывалось интеллектуально маргинализированным[276]. Негативное восприятие самой категории массовой культуры проявлялось и в том, что интеллектуалы, испытывая тревогу из-за ее бесконтрольного распространения, пытались обозначить низшие классы, домохозяек и молодежь как единственных потребителей «низкокачественного» содержания радио и телепрограмм, а также еженедельных журналов[277].

---

[273] 韓完相. 大衆社會의 성격과 政治的疏外 [*Хан Вансан*. Особенности массового общества и политическое отчуждение] // 동아일보. 24.02.1971. 5 면.

[274] 韓國도 大衆社會인가 西江大學 심포지움서 贊反激論 [Является ли южнокорейское общество массовым? Оживленные дебаты на симпозиуме в Университете Соган] // 동아일보. 05.07.1971. 5 면.

[275] 李相禧. 大衆社会에 있어서의 매스 컴뮤니케이션과 輿論 [*Ли Санхи*. Масс-медиа и общественное мнение в массовом обществе] // 조선일보. 07.04.1971. 5 면.

[276] *Ким Сонхван*. Чаяния массовой литературы… С. 50.

[277] *Сон Ынъён*. Превращение общества Республики Корея в массовое… С. 187–226.

Тем не менее, дискурс массового общества отражал и реальные культурные трансформации: изменилось отношение как к потреблению информации, так и к массовой культуре в целом, которая теперь становилась гораздо более доступной. Распространение медиа неизбежно способствовало росту доступности культурных благ, а экономическое развитие – возможности их приобретения. К примеру, в начале 1970-х гг. начинается активное производство южнокорейской аудиотехники (благодаря таким компаниям, как *Dongwon Electronics*, *Lotte Pioneer*, *Anam Electronics* и *Taekwang Electronics*[278]), что сделало ее более доступной для населения[279], в особенности ко второй половине 1970-х гг. [280] Помимо громоздких домашних проигрывателей, получили распространение и портативные устройства, так называемые *ячжон* (кор. 야전) – переносные проигрыватели пластинок, ставшие обязательным атрибутом выездов молодежи на природу, а с середины 1970-х гг. начинают распространяться и портативные кассетные плееры [281] . Хотя основным средством прослушивания музыки для молодежи оставалось значительно более дешевое радио, а не виниловые или кассетные проигрыватели[282] , рост продаж виниловых пластинок и аудиокассет свидетельствовал о постепенном формировании новой культуры потребления музыки.

---

[278] Все названия фирм, клубов, песен, групп, представляющих из себя «транскрипцию» с английского на корейский, даются на английском языке.

[279] *Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа. С. 406.

[280] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг. С. 301–302.

[281] *Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа. С. 405–406; 410–411.

[282] Тем не менее, даже высокая стоимость некоторых видов медиа не может служить единственным основанием для их отнесения к элементам потребления исключительно высших слоев общества. Приведем характерный пример: в одном из интервью Ким Минги, вспоминая процесс создания и распространения политически заряженного альбома «*Огни завода*» (1978), который был выпущен на кассете, рассказывал о том, что подвергся критике со стороны активистов студенческого движения. Те упрекали его в том, что сам факт распространения альбома через *аудиокассеты*, которые требовали дорогих магнитофонов для проигрывания – это «“мелкобуржуазная” затея, далекая от суровой реальности корейских рабочих». Ким Минги, однако, давал следующее пояснение: «В то время кассетный магнитофон [действительно] стоил дорого, и даже студентам было трудно его приобрести. Однако, работая на заводе, я понял, что для молодых женщин-рабочих кассетный магнитофон был важнейшим культурным средством. Они делили свою скудную зарплату на мелкие части, собирали деньги вместе со своими соседками по комнате, чтобы купить магнитофон, и в короткие минуты отдыха после изнурительного труда находили в его звуках единственное утешение. Те, кто пытался постигать классовую реальность лишь в теории, просто не могли знать об этой стороне жизни [рабочих]». *Кан Хон*. Указ. соч. С. 515–516.

Подобные процессы наблюдались и в сфере кинопотребления. Несмотря на традиционное представление о 1970-х гг. как о периоде кризиса в южнокорейской киноиндустрии, развитие технологий и инфраструктуры позволило частично смягчить его и сделать просмотр кино доступнее. Во-первых, важную роль сыграло внедрение технологии *техниском*, позволившей снимать фильмы в широкоэкранном формате при меньших затратах дорогой кинопленки [283]. Во-вторых, со второй половины 1960-х гг. стала бурно развиваться индустрия кинотеатров повторного показа (кор. 재개봉관), где демонстрировались фильмы после завершения основного проката, а билеты стоили ниже, чем в обычных кинотеатрах. Число таких кинотеатров достигло пика к середине 1970-х гг., и они, даже в условиях общего кризиса отрасли и снижения интереса публики к премьерным показам, сохраняли относительно стабильную посещаемость[284]. Кинотеатры повторного показа были важным средством распространения, среди прочего, и «молодежных фильмов»: например, на протяжении второй половины 1970-х гг. фильм «*Родина звезд*» демонстрировался в таких местах как минимум 16 (!) раз после своей премьеры в 1974 г.[285]

Вопреки опасениям южнокорейских интеллектуалов, увеличение доступности массовой культуры не привело к формированию единой аудитории, без разбора потребляющей все, что транслируется по радио и телевидению. Напротив, такие изменения привели к тому, что в популярной культуре 1970-х гг. стал более заметен феномен *социальной дифференциации культурных предпочтений*. Как пишет Ли Санхве, раннее все слои населения, независимо от демографических характеристик, наслаждались одними и теми же популярными песнями, однако начиная 1970-х гг. вкусы и предпочтения

---

[283] 유선영. 영화의 사회문화사[*Ю Сонъён*. Социокультурная история кинематографа] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 275–276 쪽.

[284] 이길성, 이호걸, 이우석. 1970 년대 서울 의 극장 산업 및 극장 문화 연구 [*Ли Гильсон, Ли Хоголь, Ли Усок*. Исследование кинотеатральной индустрии и культуры кинотеатров в Сеуле в 1970-е гг.]. 서울: 영화 진흥위원회, 2004. 78–82 쪽.

[285] Там же. С. 95.

слушателей начали разделяться, и одним из главных факторов такого разделения был возраст, то есть поколенческая принадлежность[286]. Похожие тенденции проявились и в сфере кинематографа: в 1970-х гг. основным потребителем фильмов, показываемых в кинотеатрах, становится молодежь, в то время как родительское поколение стало аудиторией сериалов, показываемых на телевидении[287].

Такое разделение находило отражение и в содержании и тональности произведений искусства. По оценке Ли Мёнвона, в 1970-е гг. телевизионные сериалы, часто построенные на нарративе о счастливых семьях, живущих в просторных современных домах, «предоставляли визуальные образы людям, довольным текущим положением дел», а более ориентированное на молодежь кино «выполняло роль пространства, где выражаются желания тех, кто этим положением не удовлетворен»[288]. Кроме того, необходимо учитывать и то, что такие процессы привели к тому, что изменился и *функционал* культурной продукции: например, просушивание музыки, как пишет Чхве Гёнсик, перестало быть просто «инструментом самоуспокоения» для молодежи и стало способом полноценной самореализации[289].

Основой, сделавшей возможным артикуляцию интересов и желаний различных социальных групп, включая молодежь, была сама модель управления культурой, выбранная правительством Пак Чонхи. Государство, несмотря на значительное вмешательство в культурные процессы, сохранило капиталистическую модель управления культурной сферой, которое осуществлялось на основе частного капитала и принципов извлечения

---

286 李相回. 韓國 大衆音樂의 藝術社會學的 硏究 [*Ли Санхве*. Исследование корейской популярной музыки через призму социологии искусства] // 정신문화연구. 1984. 제 23 호. 145 쪽. Также см.: *Ким Чханнам*. Понимание популярной культуры. С. 194.

287 鄭用琢. 配給 興行: '77 年度의 映画配給 興行 [*Чон Ёнтхак*. Прокат и кассовые сборы в 1977 г.] // 1977 年度版 韓國映画年鑑 [*Ежегодник южнокорейского кино за 1977 г.*]. 서울: 映画振興公社, 1978. 53–58 쪽; *Ли Гильсон, Ли Хоголь, Ли Усок*. Указ. соч. С. 87.

288 李明遠. TV 시대의 映畵가 가는 길 [*Ли Мёнвон*. Путь кино в эпоху телевидения] // 世代. 1978. 제 5 호. 256 쪽.

289 崔敬植. 大衆의 生活과 大衆音樂 [*Чхве Гёнсик*. Жизнь масс и популярная музыка] // 世代. 1978. 제 5 호. 257 쪽.

прибыли. В отличие от некоторых других авторитарных режимов, южнокорейское государство не предпринимало попыток полностью «национализировать» сферу популярной культуры, что предопределило возможность коммерциализации культурных продуктов, которые пользовались спросом. Как пишет Ю Сонъён:

> «В отличие от 1960-х, 1970-е гг. были временем, когда гегемония Пак Чонхи постоянно показывала [знаки] кризиса и нестабильности, но как это ни парадоксально индустрия поп-культуры в целом значительно выросла. Появлялись [новые] пьесы, песни, телевизионные комедии, драмы, шоу-программы, возникали такие популярные писатели, как Чхве Инхо, одновременно с этим впервые появились бестселлеры, разошедшиеся тиражом более 1 млн экземпляров. Другими словами, появилась популярная культура, во главе которой стоят коммерческий потенциал (кор. 상업성) и популярность (кор. 대중성), и это означало, что желания, язык и знаки, [исходящие от] масс (кор. 대중), могли быть коммерциализованы (кор. 상업화)»[290].

Именно благодаря этой модели к середине 1970-х гг. «молодежная культура» уже превратиться в неотъемлемую часть южнокорейской популярной культуры. В отличие от ряда молодежных субкультур в западных странах, она активно использовала преимущества характерной для массового общества кросс-медийности: информация о ней распространялась через разнообразные каналы, от радио и кино до газет, журналов и телепередач. Это обеспечивало широкое присутствие «молодежной культуры» в публичном пространстве и способствовало ее укоренению как культурного феномена.

Как пишет Ли Херим, эти процессы способствовали формированию молодежи не только как возрастной группы или группы с общим социальным

---

[290] 유선영. 과민족화 프로젝트와 호스티스영화 [*Ю Сонъён*. Проект «сверхнационализации» и фильмы про хостесс] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 356 쪽.

опытом, но и как группы, «объединенной общими культурными элементами», а это, в свою очередь, открывало для нее возможность выступать в качестве самостоятельного культурного субъекта [291]. Однако в социальной структуре Южной Кореи 1970-х гг. подобная субъектность сталкивалась с фундаментальным противоречием, описанным еще Говардом Беккером: с одной стороны, молодежь уже способна оказывать значительное культурное влияние (например, через средства массовой информации, которые «приспособлены» к их интересам), но с другой – большая часть общественных правил устанавливаются для них взрослыми[292].

Хотя различные формы молодежных субкультур существовали и раньше, «молодежная культура» 1970-х гг. смогла приобрести массовый характер благодаря контексту, в котором она развивалась: обществе, которое не просто активно проходило процессы модернизации, но уже начало ощущать их практические результаты. Предыдущие формы молодежных культур были ограничены по масштабу и охватывали лишь узкие сегменты молодого населения, однако «молодежная культура» 1970-х гг. смогла преодолеть социальные границы между различными группами молодежи.

О масштабе и значимости этого явления будут свидетельствовать и общественные дискуссии, развернувшиеся в то время. «Молодежная культура» была темой, волнующей все южнокорейское общество в 1970-х гг.: она обсуждалась не только на страницах интеллектуальных изданий, таких как журнал «*Поколение*», но и в ежедневых газетах, популярных журналах и «желтой прессе». Широкий общественный интерес к этому феномену, в конечном итоге, был доказательством и того, что «молодежная культура» была отражением болезненных процессов трансформации южнокорейского общества в условиях модернизации.

---

[291] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 19.

[292] *Беккер Г.* Аутсайдеры: исследование по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. С. 37–38

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАК ЧОНХИ (1961–1979)

«*Провода*», один из ранних рассказов Чо Сончжака, знакового автора для популярной литературы 1970-х гг. и одну из ключевых фигур «молодежной культуры» того времени, повествует о приобретении своего дома одной из южнокорейских семей. Путем экономии денег даже на самых базовых потребностях, например на мыле в общественной бане, вместо которого они используют лежащие на полу обмылки, им удается накопить на взнос для долгожданной покупки собственного жилья. При выборе жилья сотрудник агентства недвижимости советует отцу семейства купить дом, над которым проходят ЛЭП. Отец сомневается, боясь, что это может привести к несчастному случаю, однако риэлтору в конце концов удается убедить его – и главный его аргумент заключается в том, что покупка дома, над которым проходят ЛЭП, является обычной практикой в *развитых западных странах*.

Эта сцена служит хорошей иллюстрацией того, что дискурс вестернизации/модернизации в Республике Корея времени правления Пак Чонхи был крайне важен не только в качестве элемента *государственной* политики, но и был «разлит» по всему южнокорейскому обществу, будучи частью повседневности. Конечно, степень индивидуальной/групповой «модернизированности», как показывают, к примеру, исследования Джона Бэрринжера[293] (середина 60-х гг.) и Виллиарда Кейма[294] (начало 1970-х гг.), сильно различалась в зависимости от местоположения социальных групп в общей структуре общества – в частности, здесь особенно сильную роль играл разрыв между деревней и городом. Тем не менее, несмотря на разную скорость процессов модернизации/вестернизации в южнокорейском обществе, город и

[293] *Barringer H*. Increasing Scale and Changing Social Character in Korea. In: *The New Urbanization*. New York: St. Martin's Press, 1968. P. 53–71.

[294] *Keim* W. The Korean Peasant at the Crossroads: A Study of Attitudes. Bellingham: Western Washington University, 1979. 172 p.

городской, то есть *современный* образ жизни привлекал людей не только по экономическим, но и по культурным причинам, а контент, распространяемый масс-медиа, служил, по выражению Сон Ынъён, средством «эмоциональной привязки»[295] к городской жизни. Как писала одна из женщин, проживающая в сельской местности, «театральные постановки, оперы, рассказы о светловолосых иностранных актерах, которые кажутся легендами, джинсы, акустическая гитара и разливное пиво как символы “молодежной культуры” – на все это наши сыновья и дочери смотрят, словно завороженные, как если бы это были сказки далекой заморской страны»[296] – подразумевая, что эти образы современности были объектом притяжения.

Несмотря на то, что в том или ином виде само *стремление* к современности объединяло и государство и общество, полноценно понять развитие состояния модерности в Республике Корея невозможно без понимания, какая программа модернизации определяла государственную политику. Хотя государство и общество в период правления Пак Чонхи не находились в состоянии гармонии и не были «интегрированы» друг в друга, государство вне всяких сомнений оказывало огромное влияние на общественное восприятия места Республики Корея и ее культуры в мире. Более того, на протяжении всего времени правления Пак Чонхи власти разными способами пытались мобилизовать общество не только силой, но через использование уже существующих стремлений и ожиданий населения[297]. Именно по этой причине до рассмотрения того, как представления государства о современности входили в конфликт с альтернативными нарративами, неизбежно возникающими в ходе модернизации, необходимо выяснить, как

---

[295] *Сон Ынъён*. Превращение общества Республики Корея в массовое... С. 194.

[296] 提言 "故鄕 등진다"고 탓하기전에 농촌에 일터와 좋은환경을 [Предложение: прежде чем упрекать молодежь за то, что они «покидают родные места», следует создать в деревнях рабочие места и хорошие условия для жизни] // 경향신문. 26.08.1977. 4 면.

[297] Подробнее о соотношении общества и государства в период правления Пак Чонхи см.: *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение общественных масс в «граждан». С. 475–516.

именно государство представляло себе современность и какие внутренние противоречия такое представление содержало.

3.1. Военный переворот 1961 г. и завершение создания модерного государства в Республике Корея

Жан Бодрийяр называл «абстрактное централизованное государство» «одним из существенных, если не *самым* существенным»[298] измерением модерности, имеющим исключительную важность для ее понимания. Особую роль государства в этих процессах отмечает и Энтони Гидденс: в сборнике интервью, взятых Кристофером Пирсоном, он, резюмируя собственные взгляды на состояние современности, прежде всего связывает его появление не только с созданием капиталистического экономического порядка, но и с формированием особых типов *организации общества*. Для него в основе всех этих процессов лежит «структурирование информации», и, используя понятие «надзора», заимствованное им у Мишеля Фуко, он обращает внимание на то, что современное национальное государство является одним из основных примеров того, как «информационные системы выстраиваются для формирования новых систем административной власти»[299]. Более того, по замечанию Дмитриева, в корпусе теоретических текстов Гидденса именно национальное государство, а не общество является «наиболее характерной социальной формой, порождающей современность»[300].

Как и более общее понятие модерности, само понятие *модерного* государства является многосоставным, и выделение основных его черт будет зависеть от исследовательского подхода. Современное государство

---

[298] *Baudrillard J.* Modernity. In: *Canadian Journal of Political and Social Theory/Revue canadienne de théorie politique et sociale*. 1987. Vol. 11 №. 3. P. 67.

[299] *Giddens A. & Pierson C*. Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 96. Подробнее об особенностях использования понятия надзора у Гидденса см.: *Giddens A*. The Nation-State and Violence. P. 41–49.

[300] *Дмитриев Т.А*. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // *Гидденс Э. Последствия современности*. М.: Праксис, 2011. С. 20.

предполагает не только ряд специфических институтов[301], но и, как было указано выше, изменение самой модели управления обществом. Здесь, однако, мы бы хотели сместить исследовательский фокус с понятия «надзора», используемого Гидденсом, на понятие «дисциплины» (так же разработанное Мишелем Фуко в работе «*Надзирать и наказывать*»[302]): хотя подход Фуко имеет ряд ограничений применительно к изучению незападных обществ[303], это понятие уже успешно применялось в ряде исторических исследований Республики Корея и продемонстрировало свою аналитическую значимость[304]. Отметим, что появление техник дисциплинирования населения неразрывно связано с состоянием модерности: как пишет Фуко, «методы управления "накоплением людей" обеспечили политический отрыв от тех традиционных, ритуальных, дорогостоящих и насильственных форм власти, которые скоро вышли из употребления и сменились тонкой, рассчитанной технологией подчинения»[305].

Вместе с тем случай Республики Корея несколько отличается от классических примеров западных государств: по наблюдению Мун Сынсук, государство периода Пак Чонхи, наряду с техниками дисциплины, продолжало активно использовать и прямое насилие, более характерное для

---

[301] *Pierson C*. The Modern State. London: Routledge, 2011. 3rd Edition. P. 4–26.

[302] *Фуко М*. Указ. соч. 416 с.

[303] В частности, как указывает Виктор Каплун, проект Фуко по изучению отношений власти предполагает смену исследовательской перспективы, заключающуюся в уходе от фокуса на государстве как единой сущности и изучении более широких категорий *управления*. В этом смысле для Фуко, что особенно заметно в его курсах лекций, ключевым является проникновение в государственное управление техник, возникших за его пределами – например, в духовной сфере (пастырская власть) или сфере медицины (надзор за сумасшедшими), что отражает прежде всего европейский путь развития современности (*Каплун В*. Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, governmentality studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019. Vol. 29. №. 2. С. 179–220). На наш взгляд, такая модель в чистом виде не может быть перенесена на незападные страны. Причиной этого служит то, что в их случае сами процессы модернизации не начались «снизу», а были инициированы государством «сверху» – более того, они уже опирались на заимствованные у западных стран техники управления населением. Именно поэтому проект Фуко по исследованию власти не с опорой на государство можно с трудом применить к незападным, в частности, азиатским странам, где роль государства была традиционно выше, чем в европейских странах. Во всяком случае, применение такой методологии требует академических дискуссий и доработок.

[304] *Moon S*. Op. cit. 268 p; Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи. 510 с.

[305] *Фуко М*. Указ. соч. С. 269.

досовременных типов государств[306]. Тем не менее, важно отметить, что масштабы использования такого насилия были ниже, нежели, например, в период правления Ли Сынмана, потому, по нашему мнению, возможно говорить о том, что именно дисциплина, а не прямое насилие являлось доминирующим способом контроля за населением в период модернизации страны. Использование современных техники власти делало возможным проникнуть в частную жизнь индивида и социальных групп на уровне повседневности, и, таким образом, «местом» формирования дисциплины было именно пространство повседневности, что так же свидетельствовало о переносе самого *фокуса* управления обществом.

В отличие от демократических институтов, которые были одномоментно перенесены после Освобождения, современные дисциплинарные институты не возникли одновременно с обретением Кореей независимости. Значительная их часть была впервые разработана и применена при японской колониальной администрации: например, массовые инструменты надзора в виде управляемых массовых организаций[307]. Тем не менее, степень их проникновения в общественную жизнь была сильно ограничена, чему способствовало сохранение традиционных уклада жизни и структуры общества в колониальный период. Именно в эпоху Пак Чонхи, как отмечает Кон Чжеук, происходит полноценная модернизация повседневной жизни и становление модерных форм дисциплины, которые теперь «проникли в самые глубокие слои повседневности и достигли уровня широких народных масс»[308].

В этом смысле и в первые годы после установления Республики Корея государство, несмотря на перенесенный «фасад» в виде современных

---

[306] *Moon S.* Op. cit. P. 27–28.

[307] *Lee C.* Modernity, Legality, and Power in Korea Under Japanese Rule. In: *Colonial Modernity in Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Asia Center, 1999. P. 21–51; *Moon S.* Op. cit. P. 21–24. Подробнее про термин «управляемые массовые организации» см.: *Kasza G.* The Conscription Society: Administered Mass Organizations. New Haven, CT: Yale University Press, 1995. 217 p.

[308] 공제욱. 서론: 박정희 시대 일상생활 연구의 의미 [*Кон Чжеук*. Введение: Значение исследования повседневности в эпоху Пак Чонхи] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 15–16 쪽.

институтов, было неэффективно, и сохраняло множество досовременных черт. Сами способы управления и ведения административной деятельности продолжали опираться на традиционные методы: оценивая государственную структуру Первой Республики, Ким Гёнчжу пишет, что «хотя государство прошло через [институциональную] модернизацию, “форма” административной структуры и фактический способ административной деятельности по-прежнему оставались под сильным влиянием патримониальной бюрократии и кумовства»[309]. В период правления Ли Сынмана государство проявляло признаки дисфункциональности не только в сферах экономического и социального управления, но также и в области культурной политики. Так, например, политика в сфере традиционной культуры практически полностью отсутствовала[310], а отсутствие сколько-либо адекватной законодательной и институциональной базы для контроля за сферой культуры приводило к координационной чехарде между разными министерствами, как показывает Ли Бонбом на примере процесса цензурирования фильма «*Пхиаголь*»[311].

Таким образом, хотя базовая управленческая структура, доставшаяся Пак Чонхи, была модернистской, само государство, по словам Ким Хёна, являлось «политически деморализованным и технически отсталым учреждением, хотя и с несколькими изолированными очагами инноваций»[312]. Сразу после прихода к власти военных начинается масштабная перестройка государственного аппарата, установление новых институтов, кодификация

---

[309] *Kim K*. The Development of Modern South Korea: State Formation, Capitalist Development and National Identity. Routledge, 2006. P. 74.

[310] 윤영도. 냉전기 국민화 프로젝트와 ‘전통문화’ 담론: 한국·타이완의 사례를 중심으로 [*Юн Ёндо*. Проект по «созданию граждан» и дискурс «традиционной культуры» во время Холодной войны: на примере Южной Кореи и Тайваня] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 239 쪽.

[311] 이봉범. 1950 년대 문화정책과 영화 검열 [*Ли Бонбом*. Культурная политика и киноцензура в 1950-е гг.] // 한국문학연구. 2009. 제 37 호. 409–467 쪽.

[312] *Kim H*. State Building: The Military Junta’s Path to Modernity through Administrative Reforms. In: *The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2013. P. 85.

законов, укрепления контроля за сферой культуры и т. д., то есть создание, используя выражения Джона О, «высокоцентрализованного, строго регламентированного и почти всесильного режима» [313]. Такая перестройка завершиться именно к 1970-м гг. – пику милитаризованной модерности согласно Мун Сынсук[314], когда будут окончательно сформированы ключевые современные институты социального контроля, такие как всеобъемлющая система регистрации населения [315] и эффективная система воинского призыва [316], которые обеспечивали государству надзор за повседневной жизнью граждан.

Но даже если «реконструированная» в период правления Пак Чонхи государственная *структура* не представляла из себя радикальный разрыв с тем типом государства, который существовал до него, между государственными проектами существовал большой *ценностный* разрыв. Само применение дисциплины в качестве особой техники власти предполагает глубокую переориентацию политического языка и системы смыслов: дисциплина, как отмечает Мишель Фуко, опирается на такие категории как эффективность, всеохватность и производительность или полезность[317]. Такие особенности дисциплины оказались глубоко созвучны девелопменталистской идеологии военного режима, выдвинутой наряду с «истинным антикоммунизмом» и национализмом сразу после прихода к власти[318]. В этом

---

[313] *Oh J.* Korea: Democracy on Trial. Ithaca: Cornell University Press, 1968. P. 195.

[314] *Moon S.* Op. cit. P. 42.

[315] 홍성태. 주민등록제도와 총체적 감시사회의 형성 [*Хон Сонтхэ*. Система регистрации населения и формирование общества тотального надзора] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 85–111 쪽.

[316] 신병식. 징병제의 강화와 '조국 군대화' [*Син Бёнсик*. Укрепление системы призыва на военную службу и «милитаризация Родины»] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 226–256 쪽.

[317] *Фуко М.* Указ. соч. С. 266.

[318] Как отмечает Ким Гону, включение элементов экономического роста и национализма в дискурс антикоммунизма, не обладающего «внутренне завершенной идеологической структурой», выступало, среди прочего, стратегическим ходом, направленным на отграничение военного режима Пак Чонхи от предыдущего режима Ли Сынмана. 김건우. 1964 년의 담론 지형: 반공주의, 민족주의, 민주주의, 자유주의, 성장주의 [*Ким Гону*. Дискурсивный ландшафт 1964 г.: антикоммунизм, национализм, демократия, либерализм, идеология постоянного экономического роста] // 대중서사연구. 2009. 제 22 호. 74 쪽.

смысле установление дисциплинарного общества сопровождалось важной трансформацией политической риторики власти: добавлением туда элементов «рационализма», дискурса «науки и технологий»[319] – и хотя эти элементы не обязательно современны по своей природе, их воздействие, как указывал Жан Бодрийяр, имеет современный характер[320].

У смены системы ценностей были и поколенческие, и классовые аспекты: военные, пришедшие к власти в результате переворота, воплощали собой новый тип политических акторов, разительно отличавшихся как от Ли Сынмана, во многом представлявшего из себя традиционную патриархальную фигуру[321], так и от прочих ключевых персонажей Первой и Второй Республики, многие из которых были «пожилыми мужчинами старше 60 лет»[322]. Военные были относительно молоды (30–40 лет), у них было другое социальное происхождение. Большая их часть были выходцами из бедных сословий, что еще больше выдавалось на фоне предыдущих политических деятелей: и Чан Мён и Ли Сынман, несмотря на свои различия, были «“наследниками” аристократического или землевладельческого класса традиционной Кореи, получившими западное образование»[323].

---

[319] Хотя в настоящем исследовании экономический рационализм, наука и другие девелопменталистские установки рассматриваются преимущественно как элементы политического дискурса, их внедрение, по-видимому, отражало также и *реальные* процессы трансформации ценностей, относящихся к управлению государством. Подобные изменения, в частности в сфере подходов к проведению экономической политики, подробно анализируются в: *Huer J.* Marching Orders: The Role of the Military in South. Korea's “Economic Miracle,” 1961–1971. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1989. 219 p. Одним из проявлений таких установок было и повышенное внимание к финансированию науки. Обзор политики в области науки и техники в период правления Пак Чонхи см. в: 문만용. 박정희시대의 과학기술정책 [*Мун Маньён*. Политика в области науки и техники в период правления Пак Чонхи] // 박정희시대와 한국현대사: 연구자와 체험자의 대화 [*Эпоха Пак Чонхи и новейшая история Республики Корея: диалоги исследователей и очевидцев*] / 정성화, 강규형 엮음. 서울: 선인, 2007. 359–403 쪽.

[320] *Baudrillard J.* Op. cit. P. 71.

[321] Так, оценивая личность Ли Сынмана, Джон О пишет о том, что «под конец своего правления Ли Сынман и его правительство, [состоящее из] услужливых министров, напоминали старый династический двор *вана* и его чиновников-*янбанов*». *Oh J.* Korean Politics: The Quest for Democratization and Economic Development. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 40. О роли элементов традиции в процессах легитимации власти и государственного управления в период правления Ли Сынмана также см.: 김영명. 고쳐 쓴 한국 현대 정치사 [*Ким Ёнмён*. Современная политическая история Кореи: новое прочтение]. 서울: 을유문화사, 1999. 104–110쪽.

[322] *Oh J.* Korea: Democracy on Trial. P. 122

[323] Ibid. P. 128. К приведенной выше цитате также добавим, что и Юн Босон, формальный президент Второй Республики, был выходцем из знатного янбанского рода.

У класса военных было еще одно важное преимущество: они, как замечает Ли Сынвон, еще со времен Корейской войны были частью «самой модернизированной, “огосударствленной” и бюрократизированной элитной организации»[324]: армии Республики Корея. Многие из них не только обучались в военных академиях, созданных США сразу после установления Американской военной администрации, но и прошли стажировки в самих Соединенных Штатах, включая самого Пак Чонхи[325]. Одним из ключевых достижений военных стало не только реформирование системы подбора государственных служащих, но и формирование нового типа бюрократа, ориентированного на модернизационные ценности и «прекрасно владеющего техниками современного управления»[326]. Такие специалисты стали важными «звеньями» в процессе установления институтов надзора за обществом: формирование дисциплинарных организаций, равно как и повышение уровня дисциплинарной власти в целом напрямую зависит от наличия определенного типа чиновников-специалистов[327].

В государствах современного типа дисциплина, как пишет Пьер Бурдье, является организующей структурой всего общества, и не ограничивается дисциплиной телесной, но и включает в себя дисциплину «мыслительную». Последняя проявляется в «производстве и воспроизводстве инструментов построения социальной действительности», тем самым формируя устойчивые

---

[324] 이승원. 박정희의 리더십과 퍼스낼러티. 정치 주역의 출현, 기원, 신화에 관한 시론: '혁명공약'을 중심으로 [*Ли Сынвон*. Лидерские качества и личность Пак Чонхи: эссе о возникновении, истоках и закреплении мифа о его «лидирующей роли в политическом процессе» на примере «революционных обещаний»] // 유신을 말하다 [*О периоде Юсин*] / 배성인 외 공저. 서울: 나름북스, 2013. 62 쪽.

[325] Подробнее о социальных характеристиках лидеров переворота см.: *Kim E*. The South Korean Military Coup of May, 1961: Its Causes and the Social Characteristics of Its Leaders. In: *Armed Forces and Society*. The Hague: Mouton, 1968. P. 298–316.

[326] *Kim P*. The Soldier as Civil Bureaucrat. In: *Soldiers in Politics*. Los Altos: Geron-X, 1974. P. 139. Об особенностях южнокорейской бюрократии в контексте девелопменталистской идеологии военного режима см.: *Bark D. & Lee C*. Bureaucratic Elite and Developmental Orientation. In: *Political Leadership in Korea*. Seattle and London: University of Washington Press, 1976. P. 91–133.

[327] *Giddens A*. The Nation-State and Violence. P. 15.

диспозиции, через которые воспринимается и внутренний и внешний мир[328]. Иными словами, девелопменталистские ценности, внедренные военным режимом, проявлялись не только на уровне абстрактной политической риторики, но и имели практическое воплощение, формируя конкретные установки и поведенческие модели в обществе.

С этой точки зрения структурное завершение формирования модерного государства и его превращение в «государство морального дисциплинарного контроля» (кор. 도덕적 훈육국가), произошедшее к 1970-м гг.[329], имеет принципиальное значение для нашей диссертации, так как взаимодействие с таким государством не только стало частью повседневной реальности для послевоенной молодежи, но и во многом определило сам процесс ее социализации. В отличие от предыдущих поколений, послевоенная молодежь выросла в условиях тесного контакта с государством, проходя через такие тотальные институты[330], как школа, армия, различные формы массовых объединений, а также современные промышленные предприятия. В этом отношении молодежь того периода была первым поколением, в значительной степени сформированными в рамках дисциплинарных практик модерного государства.

3.2. Пак Чонхи и дискурс модернизации: рациональность, эффективность, западоцентризм

Помимо институциональных нововведений, которые изменили характер южнокорейского государства, позволивши ему проникнуть и «закрепиться» в сфере повседневности, одной из главных инноваций военного режима стала,

---

[328] *Бурдье П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 153–154.

[329] 조희연. 박정희와 개발독재시대 [*Чо Хиён*. Пак Чонхи и эпоха диктатуры развития]. 서울: 역사비평사, 2007. 170–173 쪽.

[330] *Гофман И.* Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с. Также см. часть «Совершенные и строгие заведения» в «*Надзирать и наказывать*»: *Фуко М.* Указ. соч. С. 311–343.

как уже было отмечено выше, система политических ценностей: старый политический язык исключительного национализма и «традиции» был дополнен (а в некоторых сферах и заменен) новой идеей *экономической рациональности*. Несмотря на противоречия в конкретной экономической политике Пак Чонхи с момента его прихода к власти *экономическое развитие естественным образом становится приоритетным по сравнению с другими сферами общественной жизни*, в чем можно увидеть и приоритет «топоса хлеба» над «топосом свободы» в общественном дискурсе того времени[331]. Так, подавляющая часть публичных высказываний Пак Чонхи и в 1960-е, и в 1970-е гг. касалась таких категорий, как экономические достижения, выраженные в *конкретных* числовых показателях, *экономически определенных* планах на будущее и сравнений Республики Корея с другими странами, прежде всего с развитыми западными демократиями[332].

Для девелопменталистского дискурса, ставшего идеологической основой новой власти, центральным было бинарное противопоставление *хучжингук-сончжингук* («отсталое государство» – «передовое государство»), широко используемое как в 1960-е, так и в 1970-е гг. Эта дихотомия противопоставляла богатые западные (или, по крайней мере, *вестернизированные* и *модернизированные*, как Япония) государства с развитой индустриальной экономикой бедным, «неразвитым» и немодернизированным государствам, подчеркивая их различия на основе таких количественных показателей, как ВВП, ВВП на душу населения, объем промышленного производства и экспорт. Особую значимость в этом контексте

---

[331] 권보드래. 4·19 와 5·16, 자유와 빵의 토포스 [*Квон Бодырэ*. Апрельская революция и военный переворот 16 мая: топосы свободы и хлеба] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 27–62 쪽.

[332] Следует, однако, отметить, что «экономизация» политического языка началась еще при Второй республике: так первоначально именно правительство Чан Мёна пришло под лозунгами «экономика превыше всего» (кор. 경제제일주의). 이정은. 재벌의 탄생, 부정축재자의 비상 [*Ли Чжонын*. Рождение *чэболей* и проблема незаконного обогащения] // 한국현대 생활문화사 1960 년대: 근대화와 군대화 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период: 1960-е гг., модернизация и милитаризация*] / 오제연 등저. 서울: 창비, 2016. 145 쪽.

приобретала последняя категория, которая была синонимом национальной мощи и служила ключевым индикатором успешной модернизации.

Как показывают работы Ким Чжонтхэ, западоцентричный дискурс в Республике Корея имеет глубокие исторические корни, восходящие к концу XIX в. Изначально этот дискурс содержал в себе как критику духовного превосходства западных стран, так и признание их материального превосходства в контексте процессов модернизации [333]. Дискурс «цивилизации», активно используемый Ли Сынманом, обладал похожими особенностями: он сочетал в себе критику западного мира как чрезмерно сфокусированного на материализме и основанного на насилии с признанием его достижений[334]. С приходом к власти Пак Чонхи дихотомия *сончжингук-хучжингук* стала основным способом восприятия мира на политическом уровне, и в рамках характерной для этого дискурса иерархии стран Запад обретал статус идеала по отношению к Республике Корея, а достижение статуса *сончжингук* рассматривалось как национальная цель, к которой необходимо как можно скорее стремиться[335].

---

[333] *Kim J.* The Origins of Korea's Eurocentrism: A Study of Discourses on Gaehwa and Munmyeong. In: *Seoul Journal of Korean Studies*. 2012. Vol. 25. P. 31–54. Тем не менее, как указывает Ю Сонъён, процесс формирования такого западоцентричного дискурса начался уже в начале XX в. По ее мнению, в колониальной Корее модернизация шла в двух направлениях: в публичной сфере преобладало влияние японского колониализма, однако в частной активно происходили процессы американизации. Уже тогда для части корейцев культура США стала символом желанной современности: протестантизм воспринимался как «религия цивилизации», прослушивание джаза было признаком «культурного человека», а голливудское кино – образцом материального изобилия (유선영. 대한제국 그리고 일제 식민지배 시기 미국화 [*Ю Сонъён*. Американизация в период Корейской империи и японского колониального господства] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [«*Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 49–84 쪽). Обратим внимание, однако, на то, что, учитывая ограниченный характер индустриализации и урбанизации в тот период, такая «американизация» касалась лишь очень малой части общества.

[334] 김종태. 이승만 정부 시기 문명 담론과 선진국 담론에 나타난 국가정체성과 서구관: '대통령 연설문'과 '조선일보'를 중심으로 [*Ким Чжонтхэ*. Национальная идентичность и взгляды на Запад: дискурсы *мунмён* и *сончжингук* во время правления Ли Сынмана на примере президентских речей и газеты «*Чосон Ильбо*»] // 한국사회학. 2012. 제 46 집. 2 호. 150–175 쪽.

[335] 김종태. 박정희 정부 시기 선진국 담론의 부상과 발전주의적 국가정체성의 형성: ‘대통령 연설문’과 ‘조선일보’를 중심으로 [*Ким Чжонтхэ*. Развитие дискурса *сончжингук* и формирование девелопменталистской национальной идентичности во время правления Пак Чонхи на примере президентских речей и газеты «*Чосон Ильбо*»] // 한국사회학. 2013. 제 47 집. 제 1 호. 88 쪽.

В этом смысле критическое восприятие истории и культуры традиционной Кореи опиралось на представление о ее неспособности пройти путь модернизации, что привело к отставанию и последующему колониальному подчинению более развитыми державам. Восприятие Кореи как *хучжингук* было одной из форм «самоуничижающего национализма», являющегося доминирующим течением мысли среди южнокорейских интеллектуалов того времени[336]. Уже в своей программной работе «*Путь нашей нации*», опубликованной вскоре после военного переворота, Пак Чонхи открыто утверждал, что именно Запад служит современным эталоном цивилизации и так объяснял исторический путь Кореи:

> «Говоря об Восточной Азии в целом, сила той или иной страны измерялась тем, насколько быстро и эффективно она сумела воспринять западную цивилизацию (кор. 서양의 문명) и сделать ее частью себя. Это становилось критерием уровня ее “цивилизованности” (кор. 문명의 수준). Среди стран Дальнего Востока первыми начали вступать в отношения с различными западными государствами, по своей воле или нет, сначала Цинская империя, а затем Япония.
>
> Пока эти страны принимали западную цивилизацию, заменяя луки и копья на ружья, мы, сидя в уголке под названием Корейский полуостров, продолжали ходить с традиционными прическами *сантху* и не осознавали, что мир вокруг стремительно меняется. [К тому моменту] все остальные страны уже вступили в диалог с современной цивилизацией (кор. 근대 문명), так почему же только мы одни остались в стороне, безнадежно отстав?»[337]

---

[336] 천정환. 민족 혹은 소명의 나르시시즘. 1960 년대식 지성과 민족본질론 그리고 ‘한국학’의 풍경 [*Чхон Чжонхван*. Нарциссизм нации/нарциссизм призвания: интеллектуальная сфера 1960-х гг., теория «сущности нации» и топография «кореведения»] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 275–328 쪽.

[337] *Пак Чонхи*. Путь нашей нации. С. 108.

На протяжении 1960-х гг. Республика Корея систематически определялась как *хучжингук*, и преодоление этого статуса рассматривалось как общенациональная задача, требующая полной мобилизации общества под эгидой государства. Дихотомия *хучжингук–сончжингук*, таким образом, выступала не только идеологическим ориентиром, но и механизмом политической и экономической мобилизации. Главным «представителем» и конкретным образом *сончжингук* были США, что во многом было следствием тесных политических и экономических отношений между Республикой Корея и этой страной. Кан Мёнгу пишет, что США «стали образцом, которого Республика Корея должна была придерживаться во всех секторах. […] Южная Корея стремилась походить на США […] в политике, общественном устройстве, экономике и культуре»[338].

Пропагандируя образ будущей Республики Кореи, власти говорили о необходимости стать экономически развитым *сончжингук* с элементами государства всеобщего состояния, и в такой пропаганде упор все так же делался на экономику и числовые показатели. Хотя Пак Чонхи и отмечал необходимость гармонии материального и духовного и необходимость защищать собственную культурную идентичность[339], эти темы занимали незначительное место в государственном дискурсе того времени. Более того, переход в сторону большего внимания к вопросам этики и духа, который начнется в конце 1960-х гг. будет отталкиваться от сферы экономики в рамках «теории второй экономики»[340].

Хотя доминирующим исследовательским нарративом является разделение идеологического развития Пак Чонхи на два периода («революционных ценностей» 1960-х и «поворота к традиции»,

---

[338] *Kang M*. Compressed Modernization and the Formation of a Developmentalist Mentalité. In: *Reassessing the Park Chung Hee Era, 1961-1979: Development, Political Thought, Democracy, & Cultural Influence*. Seattle: University of Washington Press, 2011. P. 183.

[339] *Пак Чонхи*. Путь нашей нации. С. 101–102.

[340] 박태균. 1960 년대 중반 안보 위기와 제 2 경제론 [*Пак Тхэгюн*. Кризис национальной безопасности середины 1960-х гг. и «теория второй экономики»] // 역사비평. 2005. 제 72 호. 265–269 쪽.

произошедшего к 1970-м гг.[341]), именно дихотомия *хучжингук-сончжингук* и соответствующий ей язык описания мира с упором на экономическое развитие оставались практически *неизменными* на протяжении всего времени правления Пак Чонхи (и, более того, они продолжили существовать и после его смерти, закрепившись в качестве элемента «фундаментального языка южнокорейской политики»[342]). И хотя в рамках «Движения за новый дух» делался ряд попыток переосмыслить понятие *сончжингук*, добавив к нему духовное измерение [343], сама необходимость экономического роста и превосходство западных стран не ставилось под сомнение.

Подчеркнем также и то, что как для самого Пак Чонхи, так и для других ключевых идеологов периода Юсин сущность ценностных ориентиров Четвертой Республики определялась не как «возвращение к прошлому» и «возрождение традиции», а как «духовная революция», «духовная модернизация», «создание нового человека» и т. д. Да, с одной стороны, *некоторые* ценности, ассоциировавшиеся с традицией, признавались важными для модернизации южнокорейского общества [344], но, с другой

---

[341] *Курмызов А.А*. Возрождение «славного прошлого»... С. 374–392.

[342] 강정인, 정승현. 한국 현대정치의 근본 언어: 망국·개조·선진국의 담론 [*Кан Чжонъин, Чон Сынхён*. Фундаментальный язык современной южнокорейской политики: *мангук*, *кэчжо* и *сончжингук*] // 한국정치연구. 2011. 제 20 집. 제 3 호. 1–28 쪽.

[343] См.: 박근혜. 한 나라의 문명 정도와 그 나라의 도덕성 [*Пак Кынхе*. Степень цивилизованности страны и ее нравственные идеалы] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 35–43 쪽. Вместе с тем само признание приоритета «духовного измерения» вовсе не предполагало критического отношение к западным странам. Напротив, в пропаганде периода Юсин часто подчеркивалось, что развитие западного капитализма опиралось на такие *духовные* качества, как трудолюбие и бережливость. Таким образом, если в Западной Европе сначала сформировался «дух капитализма», и лишь затем произошли институциональные преобразования, то в Республике Корея этот процесс шел в обратном порядке, что требовало особого внимания к культивированию «духа инициативы» и «правильной» трудовой этики среди населения. Например, см.: Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин. С. 134; 高永復. 國民總和論 [*Ко Ёнбок*. Теория «всеобщей гармонии»] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 254–255 쪽. Интересно отметить, что сходной позиции придерживались и некоторые критически настроенные к власти интеллектуалы, например Хан Вансан. 韓完相. 清富文化創造를 [*Хан Вансан*. О создании правильной культуры богатства] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 97–100.쪽.

[344] Связь между определенными ценностными ориентациями и модернизацией была идеей, важной для развития южнокорейской социология в 1960-е гг. (반재영. 후진국민의 정신분석: 1960 년대 냉전 행동과학(behavioral science)의 수용과 민족개조론의 변전 [*Пан Чжэён*. Психоанализ «граждан неразвитой страны»: рецепция бихевиористики времен Холодной войны и трансформация дискурса национальных

стороны, они «соседствовали» с теми ценностями, которые были совершенно чужды традиционному корейскому обществу. По существу, именно язык «экономической рациональности», «научности», «эффективности» и прочих связанных с этими идеями современными терминами был базовой константой политического описания мира на протяжении всего времени правления Пак Чонхи. Соответственно, процессы вестернизации во многом воспринимались через призму такого языка. Даже в своих выступлениях и работах 1970-х гг., которые часто оцениваются как программные для переосмысления традиции, Пак Чонхи не отрицал значимость Запада в качестве ориентира в определенных сферах, особенно выделяя дух законопослушания (кор. 준법정신), рационализм и самодисциплину[345].

Похожим образом в главе «Духовная модернизация» книги «*Идеи системы Юсин*», включавшей в себя ключевые с точки зрения режима качества, необходимые корейцам, основной упор делался не на следовании традиционным ценностям, а на соответствии ценностям *современным* и новым, таким как «активная позиция по отношению к новому опыту», «открытость к инновациям и переменам», «ориентация не на прошлое, а на настоящее и будущее», «вера в существование рациональных законов» и «доверие к науке и технике», и последний пункт сопровождался пояснением: «даже если оно [противоречит] традиционному или до-современному [мышлению]»[346].

Государственная пропаганда была полна образами развитых западных стран и в 1970-е гг. Так, пытаясь оправдать нормальность введения диктатуры Юсин, официальные лица использовали в своей риторике не столько образы традиционной легитимации власти, сколько активно обращались к современной западной политической истории. Хан Тхэён, один из главных

реформ в 1960-е гг.] // 상허학보. 2020. 제 59 호. 155–201 쪽). О влиянии бихевиоризма на южнокорейскую политическую идеологию периода правления Пак Чонхи также см.: *Прошин А.А., Тимонин А.А*. Указ. соч. С. 135–138.

[345] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 85–86.

[346] Идеи системы Юсин. С. 163.

идеологов правовой стороны системы Юсин, оправдывая ее введение в качестве формы эффективного «кризисного правительства», приводил в пример голлистскую Пятую Республику[347], к такому же приему позднее прибегал и сам Пак Чонхи[348]. Более того, даже такие, казалось бы, аутентичные для политического дискурса того времени концепты, как идея «независимости» (кор. 자주성) и «творческого духа» (кор. 창조정신), формировались через призму истории западных стран. Так, сам Пак Чонхи для оправдания идеи «корейской демократии» часто апеллировал к примеру США, которые восприняли европейские демократические идеи, но «вместо того чтобы просто скопировать европейскую политическую систему, развили уникальную демократическую модель, основанную на собственном опыте, характерном для американского континента»[349].

В этом контексте идеологическую стратегию режима Пак Чонхи целесообразно охарактеризовать как проект «*ограниченной вестернизации*» или «*управляемой [государством] вестернизации*», инструментально направленной на достижение экономического роста, при этом степень заимствования западных моделей определялась преимущественно их прикладной эффективностью в рамках модернизационного проекта. Ряд эмпирических исследований, включая работу Ли Ёнхо начала 1970-х гг., свидетельствует о том, что для большинства корейцев экономические ценности так же были в приоритете: примерно три четверти опрошенных ассоциировали понятия «модернизация» и «развитие» исключительно с экономическим прогрессом, проявляя «чрезвычайно сильную озабоченность “экономическими ценностями”»[350].

---

[347] 韓泰淵. 維新의 참뜻 [*Хан Тхэён*. Истинный смысл системы Юсин] // 국민 문고. 1977. 제 5 집. 5–15 쪽. Отметим, что фигура Шарля де Голля была объектом симпатий многих южнокорейских интеллектуалов того времени, например Сон Гонхо. 황병주. 1960 년대 지식인의 68 운동 담론 [*Хван Бёнчжу*. Дискурс движения 1968 г. у южнокорейских интеллектуалов в 1960-е гг.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 54 쪽.

[348] Пак Чонхи. Путь возрождения нации. С. 89–94.

[349] Там же. С. 93–94.

[350] *Lee* Y. Modernization as a Goal Value in Korean Society. In: *Korea Journal*. 1972. Vol. 12. №. 4. P. 15–25. Схожие выводы представлены и в исследовании Хон Сынчжика, посвященном взглядам южнокорейских

Тем не менее, несмотря на внешнее согласие между государственным и общественным дискурсом, ориентированным на экономическое развитие, подобный экономикоцентричный подход содержал в себе серьезную проблему: риск его неконтролируемого распространения на другие сферы социальной и культурной жизни. Таким образом, центральным вопросом в рамках дихотомии *хучжингук-сончжингук* становилось определение *границ заимствования* западной культуры, ценностей и институтов.

С этой целью и государство и южнокорейские интеллектуалы 1960-х гг. пытались разделить западные страны на две части: «экономическую», которую было необходимо полностью принять, и «культурную», требовавшей тщательный отбор. В этом смысле консенсусом было то что «экономически могущественная Америка» и «США как производитель культуры» рассматривались как два разных объекта, а при заимствовании культурных элементов следовало выбирать только «хорошую», «высокую» культуру[351]. Ранжирование американской культуры по шкале «высокая – низкая» было основано на тревоге по поводу американской «вульгарной» массовой культуры, и такой страх останется практически неизменным на протяжении всего времени правления Пак Чонхи.

На первый взгляд, подобное противопоставление негативно оцениваемой «западной культуры» и позитивно оцениваемых «западных технологий» может показаться схожим с идеологемой *тондо соги* («восточный путь, западные технологии»), возникшей в корейской интеллектуальной среде в конце XIX в. [352] Однако несмотря на внешнее сходство этих дискурсов между ними существовало принципиальное различие:

интеллектуалов: большинство из них рассматривало модернизацию преимущественно с экономической точки зрения. *Hong S.* Values and Economic Development. In: *Economic Development and Social Change in Korea*. Frankfurt: Campus Verlag, 1980. P.288–300.

[351] 김주현. 1960 년대 '한국적인 것'의 담론 지형과 신세대 의식 [*Ким Чжухён*. Топография дискурса «корейскости» в 1960-е гг. и самосознание нового поколения] // 상허학보. 2006. 제 16 호. 400–404 쪽.

[352] На это, в частности, указывает Мун Сынсук. *Moon S.* Begetting the Nation: The Androcentric Discourse of National History and Tradition in South Korea. In: *Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism*. New York: Routledge; 1997. P. 36–37.

тондо соги представляло собой абстрактную интеллектуальную программу, разработанную интеллектуалами и «адресованную» им же в качестве руководства касательно того, как проводить будущую модернизацию, направляемую сверху. Тем не менее, уже в послевоенное время такое разделение культурных и технологических составляющих Запада уже не было абстрактной или исключительно элитарной идеей: в условиях индустриализации, урбанизации и глубоких трансформаций социально-политической структуры на историческую сцену вышли широкие массы. Это означало, что не только «западные технологии», но и «западная культура» стали *материальной реальностью повседневной жизни*.

Значительная часть южнокорейских интеллектуалов 1950-х гг. крайне критически относилась к корейской традиции [353], и, как отмечал Чхон Чжонхван, их первоначальное «очарование Соединенными Штатами» […] было вызвано именно конкретной, материальной силой [этой страны], существовавшей у них перед глазами[354], и по той же причине этот образ мог стать, пусть и нежелательным образом, привлекательным и для более широких слоев населения. Эту послевоенную «материальность Запада», укорененную в повседневности, выразительно описывал Ким Ёнгвон, отмечая роль новых американских товаров, которые оказали огромное влияние на повседневность корейцев (питание, одежду и быт): «в колониальный период все заморское называлось "*хаккурай*" и считалось редкостью, однако надпись "*Made in USA*", встречавшаяся повсюду, возбуждала повсеместное желание владеть американскими вещами, независимо от социального положения»[355].

---

[353] *Kim K*. Modernity and Tradition in Everyday Life of the 1950s. In: *Seoul Journal of Korean Studies*. 2001. Vol. 14. P. 279–285.

[354] *Чхон Чжонхван*. Нарциссизм нации/нарциссизм призвания… С. 281.

[355] 김용권. 주한 미군과 한국 문화 [*Ким Ёнгвон*. Войска США, дислоцированные в Республике Корея, и корейская культура] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 159–160 쪽. Подробнее про отношение южнокорейцев к американским товарам и влиянию, которые они, будучи объектом желания и зависти, оказывали на повседневность до и после Корейском войны см.: *Ким Докхо*. Проблема американизации повседневности и потребления в Республике Корея. С. 126–135.

Опасаясь бесконтрольного распространения западных ценностей и западной культуры, государство в рамках политики «ограниченной вестернизации» производило тщательный отбор элементов, нужных для «модернизации Родины», часто опираясь на экономическую логику. Однако даже в рамках отобранных государством ценностей и культурных феноменов существовали возможности для их переинтерпретации, что могло привести к непредвиденным результатам.

3.3. Перипетии «управляемой вестернизации»: между политикой государства и желанием масс

Несмотря на то, что подавляющее большинство реформ, связанных с «управляемой вестернизацией», опирались на логику экономической рациональности и были вписаны в определенные государством (а в некоторых случаях и созданные им с нуля) институты, их имплементация имела далеко идущие последствия для социальных и культурных сфер, выйдя за пределы «экономики». Следы такой «ограниченной вестернизации» можно найти в разных политических проектах эпохи Пак Чонхи: например, в движении, нацеленном на изменение пищевых привычек[356], или в политике в сфере семейных ритуалов[357]. Чтобы показать логику, которая стояла за этими нововведениями, а также то, как эти специфические дискурсы модернизации и вестернизации, спускаемые «сверху», проходили через процессы переинтерпретации, мы обратимся к трем, на наш взгляд, репрезентативным примерам: гендерной политике, одежде и сфере образования. Причина, по которой мы используем эти примеры, заключается и в том, что все они, хотя и

---

[356] 공제욱. '혼분식 장려운동'과 식생활의 변화 [*Кон Чжеук*. «Движение за смешанное питание» и изменение пищевых привычек] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 141–189 쪽.

[357] *Kendall L*. Getting Married in Korea: Of Gender, Morality, and Modernity. Oakland, CA: University of California Press, 1996. P. 68–71; 고원. 가정 의례의 재편과 균열 [*Ко Вон*. Реформирование семейных ритуалов и его противоречия] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 226–256 쪽.

косвенным образом, будут важны для развития «молодежной культуры» 1970-х гг.

3.3.1. Гендерная политика: пересборка семейных отношений

Одним из наиболее показательных примеров политики «ограниченной вестернизации» может служить гендерная политика, в особенности политика в сфере семейных отношений и кампания по ограничению рождаемости, первоначально обоснованная экономическими соображениями[358], так как быстрый рост населения рассматривался государством как угроза устойчивому экономическому развитию и потенциальный источник социальной нестабильности. Данная политика носила комплексный характер и была ориентирована как на мужчин, так и на женщин: правительство активно поощряло проведение вазэктомии у мужчин, внедрение средств контрацепции для женщин (в частности, внутриматочных спиралей и гормональных препаратов), занималось сексуальным просвещением, а также продвигало идеал современной нуклеарной семьи в противовес семье традиционной.

Такая политика шла вразрез с традиционными представлениями о маскулинности и феминности: в случае мужчин, например, вазектомия воспринималась как «потеря маскулинности» и ассоциировалась с преступниками и душевнобольными людьми[359]. Политика по ограничению рождаемости требовала не просто распространения контрацепции, но и изменения отношения к семейной жизни и сексу, а потому государственная Программа планирования семьи была, по существу, направлена на поощрение сексуальности (особенно женской, что подробно освещалось в различных журналах, выходивших в рамках этой программы, например «*Другие семьи*»),

[358] Подробный разбор государственного дискурса планирования семьи и принципов, лежащих в основе этой политики («рационализм», «научность» и «экономическая целесообразность»), см. в: 이진경. 한국 '가족계획사업'의 생체정치학 [*Ли Чжингён*. Биополитика южнокорейской кампании по «планированию семьи»] // 문화과학. 2003. 제 33 호. 181–206 쪽.

[359] Подробнее об этом см.: *DiMoia J.* Providing Reassurance and Affirmation: Masculinity, Militarization, and Refashioning a Male Role in South Korean Family Planning, 1962 to the late 1980s. In: *Gender, Health, and History in Modern East Asia*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2018. P. 244–270.

что не могло не идти вразрез с традиционными представлениями о деторождении и сексе. По сути, политика, начинавшаяся как экономическое предприятия, укрепила культурную модернизацию и вестернизацию, в результате чего жесткая связь между сексом и деторождением, присущая корейской традиционной культуре, была разорвана путем добавления категории удовольствия. Важно было и ценностное измерение Программы по планированию семьи, ведь через нее распространялись «западные концепции современности, индивидуальности, автономии и свободы», что основывалось на предпосылке, что «индивидуальность в сексе, любви и браке характеризовала Запад как нечто развитое и передовое, как “стандарт”, в то время как незападные общества описывались как что-то нежелательное и примитивное»[360].

Несмотря на то, что именно государственная политика сыграла ключевую роль в укоренении представлений о современной семье, определяющим фактором ее успеха стало именно добровольное принятие этой политики населением[361]. Тем не менее, говоря о ценностном измерении политики по ограничению рождаемости и перекодировке семейных ролей, следует отметить и то, что они воспринимались частью старшего поколения как нежелательное нарушение традиционных норм. Так, уже начиная с 1960-х гг. существовали опасения касательно того, что распространение контрацепции и сексуальное просвещение может навредить морали[362], более того, такой страх усилился с 1970-х гг., когда такая политика начала распространяться на молодых неженатых людей[363].

---

[360] *Cho E*. Making the ‘Modern’ Family: The Discourse of Sexuality in the Family Planning Program in South Korea. In: *Sexualities*. 2016. Vol. 19. №. 7. P. 814.

[361] 김명숙. 국가동원과 '가족계획' [*Ким Мёнсук*. Государственная мобилизация и «планирование семьи»] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 257–331 쪽.

[362] 배은경. 가족계획 사업과 여성의 몸: 1960-70 년대 출산조절 보급 과정을 통해 본 여성과 '근대' [*Пэ Ынгён*. Планирование семьи и женское тело: женщины и «модерность», рассмотренные через призму распространения технологий контроля над рождаемостью в 1960–70-е гг.] // 사회와 역사. 2005. 제 67 권. 287–288 쪽.

[363] Там же. С. 289.

По мнению Ли Чжингён, в результате такой политики в южнокорейском обществе произошел значительный дискурсивный сдвиг: супружеская сексуальная жизнь перестала быть делом сугубо личным и стала частью «открытой» общественной сферы, где проводится государственная политика. Тем самым «прежде скрытые представления о сексуальности и сексе, о теле и воспроизводстве становятся *знанием, которое каждый гражданин по определению обязан иметь*, и это знание преподается и распространяется в школах, армии, на предприятиях»[364] (выделение наше. — *А.С.*).

Этот переход тем сексуальности и отношений в *публичную*[365] сферу имел далеко идущие последствия, так как теперь они оказываются более независимыми от института семьи[366]. Кроме того, государственные структуры были ограничены в контроле над публичным дискурсом, особенно в медиапространстве, где активно обсуждались вопросы семьи, пола и отношений между мужчинами и женщинами. Как отмечает Ким Сонхван, начиная с 1970-х гг., медиа начали активно использовать сенсационную

[364] *Ли Чжингён*. Указ. соч. С. 188–189.

[365] Сам феномен *публичного* дискурса, как замечает Энтони Гидденс, также, по сути, является порождением модерности и современного государства. В государствах традиционного типа, где уровень грамотности был крайне низок, не существовало «публичной сферы» в современном понимании этого термина, что вело к «доминированию ограниченной символической культуры» (англ. *confined symbolic culture*), в рамках которой идеологические тонкости по большому счету оставались доступны лишь узкому кругу элиты. Поскольку государственные структуры не обладали возможностью систематически транслировать такую культуру широким слоям населения, она не могла служить действенным инструментом *массовой* пропаганды. Однако для государства модерного типа, стремящегося к «систематической передаче идей массам», создание и поддержание такой публичной сферы становится необходимым условием мобилизации общества. *Giddens A*. The Nation-State and Violence. P. 211; 302.

[366] Ли Чжингён дает более развернутое объяснение такого процесса. По ее мысли, когда сексуальность (половой акт) утрачивает связь с функцией воспроизводства (рождением детей), то становится практически невозможно предотвратить дальнейшую «детерриториализацию» сексуальной жизни по отношению к сфере семейной жизни. В таких условиях будет развиваться и сексуальность, существующая до брака или вовсе за его пределами. И хотя представления о «нормальной семье» будут стремиться ограничить подобные изменения, они оказываются малоэффективными, поскольку научно-рационалистический дискурс планирования семьи уже «десексуализировал (кор. 탈성욕화) половой акт в физиологическом понимании» и тем самым привел к тому, что эта тема стала в меньшей (по сравнению с предыдущей эпохой) степени рассматриваться с моральной точки зрения (кор. 탈도덕화) (*Ли Чжингён*. Указ. соч. С. 206). Отметим, что все указанные изменения проявляются именно в *публичном* дискурсе, само существование которого, на наш взгляд, и делает возможным дальнейшее распространение таких идей.

риторику, и само слово «секс» становится повседневностью [367], и эта трансформация общественного дискурса подтверждается не только увеличением популярности так называемой «желтой прессы», но и широким присутствием сексуально окрашенных сюжетов в массовых изданиях[368].

Главная проблема заключалась в том, что такое распространение контрацепции и приход новых семейных ролей и ценностей совпало и с *окончательным закреплением современной романтической концепции любви*. Конечно, сама концепция «романтической любви» (кор. 연애), как и многие другие элементы современности, возникла еще в период японского колониального господства (и основную роль в этом сыграла, как показывает Квон Бодырэ, сыграла литература)[369], однако на протяжении долгого времени сфера ее распространения была ограничена городской образованной верхушкой [370]. Социальный мир традиции, где доминирующей формой взаимодействия между молодыми мужчинами и женщинами были устроенные браки, то есть браки, запланированные родителями жениха и невесты (кор. 중매결혼) [371], сильно ограничивал такой формат отношений между мужчинами и женщинами.

Тем не менее, процессы «нуклеаризации» семейной структуры, наряду с государственной политикой в области контроля рождаемости и сексуального

---

[367] 김성환. 『선데이서울』과 유신 시대의 대중 [*Ким Сонхван*. «Воскресный Сеул» и общественные массы в период Юсин] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 252 쪽.

[368] В частности, именно в 1970-е гг. получает популярность так называемая «*манхва* для взрослых», основным потребителем которой была молодежь. *Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры. С. 240–243. Реалии потребления такой продукции в указанный период подробно описаны в воспоминаниях Ли Сонука, см.: 이성욱. 쇼쇼쇼: 김추자, 선데이서울 게다가 긴급조치 [*Ли Сонук*. «Шоу-шоу-шоу»: Ким Чхучжа, «Воскресный Сеул», а также «чрезвычайные меры»]. 서울: 생각의나무, 2004. 86–102 쪽.

[369] *Kwon B*. The Paradoxical Structure of Modern “Love” in Korea: *Yeonae* and Its Possibilities. In: *Korea Journal*. 2005. Vol.45. No.3. P. 185–208; *Kwon B*. The World in a Love Letter. In: *The Korean Popular Culture Reader*. Durham; London: Duke University Press, 2014. P. 19–33.

[370] 韓聖悦. 青年期와 青年文化의 特徵 [*Хан Сонъёль*. Период юности и особенности молодежной культуры] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 青年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 230–231 쪽.

[371] 최신덕. 중매 [*Чхве Синдок*. Договорной брак] // 한국민족문화대백과사전. [Электронный ресурс]. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0053746 (дата обращения: 16.05.2025).

просвещения, создали условия для расширения пространства взаимодействия между полами вне поля семьи, теперь уже основанного на личных предпочтениях[372]. В результате романтические отношения между мужчинами и женщинами стали восприниматься молодым поколением *хангыля* как социальная норма, что ознаменовало собой значительный сдвиг в ценностных ориентирах южнокорейского общества.

3.3.2. Рациональность «простой одежды» и зарождение массовой моды

Другой пример первостепенной роли экономической рациональности в политике «ограниченной вестернизации» и ее влиянии на сферу культуры можно найти в одежде. Начиная с октября 1961 г. («Месяца практики нового образа жизни», который был направлен на «рационализацию повседневной жизни граждан» [373]) режим военных начинает пропагандировать одежду нового типа, так называемую «стандартную простую одежду» (кор. 표준간소복), которая не только должна была «символизировать новый дух реконструкции»[374] но и была разработана так, чтобы «добиться значительной экономии материалов»[375]. Такая экономия материалов была связана с тем, что пошив традиционного ханбока требовал много ткани, кроме того, «стандартная простая одежда», в противовес традиционной корейской одежде, позволяла более эффективно выполнять рабочие обязанности.

---

[372] См., в частности, исследование Чхве Синдок касательно взглядов молодых женщин на брак и профессиональную карьеру, основанное на собранных в 1970-е гг. данных. Оно показывает, что для незамужних женщин важным критерием выбора партнера становятся личные предпочтения: они, например, хотели бы иметь в качестве супруга человека, с которым можно достичь эмоциональной гармонии и психологической стабильности (최신덕. 미혼여성의 결혼관 및 직업관 [*Чхве Синдок*. Взгляды незамужних женщин на брак и карьеру] // 청년연구. 1980. 제 3 집. 123–168 쪽). На изменившее отношение к выбору романтического партнера в среде молодежи указывали и антропологи, проводившие свои исследования в 1970-е гг. (*Kendall L*. Op. cit. P. 123–125; *Janelli R. & Yim D*. The Transformation of Filial Piety in Contemporary South Korea. In: *Filial Piety: Practice and Discourse in Contemporary East Asia*. Redwood City: Stanford University Press, 2004. P. 140), а также американский справочник по Южной Корее за 1975 г. *Vreeland N., Just P., Martindale K, Moeller P., Shinn R*. Op. cit. P. 101.

[373] 10 월은 새생활 실천의 달 [Октябрь – месяц практики нового образа жизни] // 경향신문. 01.10.1961. 4 면.

[374] 표준간소복 [«Стандартная простая одежда»] // 동아일보. 05.10.1961. 4 면.

[375] Там же.

«Стандартная простая одежда» была одеждой западного типа: в нее включались, например, юбки западного формата у женщин и штаны, рубашки и футболки у мужчин[376]. Предложенные государством предметы гардероба должны были стать объектом добровольного принятия не только среди государственных служащих, но и среди всех граждан. Популяризация такой одежды происходила на фоне широкого распространения «западного стиля» среди масс, который «обрушился на страну, как ураган»[377] после Корейской войны, в чем сыграли роль прибывшие иностранные военные, а также активный ввоз зарубежных журналов и фильмов[378]. Для распространения такой одежды власти организовывали симпозиумы, устанавливали манекены на центральных улицах города, проводили просветительские лекции и даже показы мод. Чиновники подчеркивали и то, что ношение «простой одежды», «соответствующей современному образу жизни», является *мировым* трендом, под чем, очевидно, преимущественно имелась в виду мода развитых стран[379].

С самого начала этой кампании «простая одежда» была тесно связана с этическим измерением модернизационного проекта. В частности, в отношении женщин идеология «здоровой модернизации» ставила целью формирование образа образованной и экономически рациональной представительницы среднего класса: от нее ожидалось *выборочное* усвоение западного образа жизни и потребление западных товаров при одновременном сохранении традиционной модели «добродетельной жены и мудрой матери»[380]. Таким образом, женщин поощряли носить «простую одежду» западного образца, однако они не должны были подражать девушкам «послевоенного

---

[376] См. подробный разбор и анализ предметов такой одежды в: 이민정. 4.19 혁명과 5.16 군사정변기의 이데올로기와 복식 [*Ли Минчжон*. Идеология и одежда в период Апрельской революции и Военного переворота 16 мая] // 한국의류산업학회지. 2014. 제 16 권. 제 5 호. 706–718 쪽.

[377] 韓風洋風 옷 [Одежда в корейском и западном стиле] // 경향신문. 27.08.1962. 5 면. О вестернизации одежды в послевоенный период также см.: *Kim K*. Modernity and Tradition in Everyday Life of the 1950s. P. 275–277.

[378] Одежда в корейском и западном стиле.

[379] 新生活運動의 方向 [Направления «Движения за новый образ жизни»] // 조선일보. 28.10.1961. 2 면.

[380] *Park J. & Thanommongkol P*. “Shock of Daughters”: Fashion, Unisex Style, and Gender Politics in South Korean Media (1970s-1980s). In: *Acta Koreana*. 2020. Vol. 23. №. 2. P. 79–104.

типа», так называемым «*апхыре*» (кор. 아프레)[381], ассоциирующимся с декадентством, гедонизмом и чрезмерным увлечением модой.

Таким образом, уже на раннем этапе модернизации правительство Пак Чонхи прямо поощряло вестернизацию одежды и активно интегрировало соответствующие тенденции в государственный дискурс, способствуя их легитимации в обществе. Как заключает Мун Окпхё, именно вмешательство государства в сферу моды сыграло одну из ключевых ролей в том, чтобы «идеологически направить общество по пути вестернизации одежды»[382]. Применение таких категорий, как «мода» и «показ мод», в рамках официальной пропаганды «простой одежды» так же способствовало их восприятию как социальной нормы. В результате вестернизированный стиль одежды окончательно утвердился в повседневной практике, вытеснив традиционную корейскую одежду[383], а развитие текстильной промышленности сделало нормой *воспроизводство* западных образцов, что в дальнейшем сыграло ключевую роль в распространении моды, связанной с «молодежной культурой».

3.3.3. Сфера образования: создание граждан нации и несистемные эффекты

Сфера образования, как подчеркивает Леонид Алаев, представляет собой один из центральных компонентов процесса модернизации в странах

---

[381] *Апхыре*, либо *апхыре-голь* (кор. 아프레걸) – выражение, образованное от французского *après-guerre* («послевоенный») и английского *girl* («девушка»). Оно обозначало молодых женщин (как правило, с высоким уровнем образования), которые после Корейской войны, в условиях кризиса ценностей, «чрезмерно» подражали западному образу жизни и считались более открытыми в вопросах сексуальности. Подробнее см.: 권보드래. 아프레걸 변심담 혹은 신사임당 탄생설화. 1950~1960 년대, 성과 세대의 표상정치학 [*Квон Бодырэ*. История перемены чувств у «послевоенной девушки» или рождение новой Син Саимдан: политика репрезентации пола и поколения в 1950–1960-е гг.] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 27–62 쪽.

[382] 문옥표. '전통'의 생산과 소비: 한복을 중심으로 [*Мун Окпхё*. Производство и потребление «традиционного» на примере *ханбока*] // 한국인의 소비와 여가생활 [*Потребление и досуг корейцев*]. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2012. 24 쪽.

[383] Там же. С. 24–32; 김소현, 염혜정. 서울의 의생활 변천 [*Ким Сохён, Ём Хечжон*. Изменения в сеульской моде] // 서울 20 세기 생활 문화변천사 [*Изменения в повседневной культуре Сеула в XX в.*]. 서울 : 서울시정개발연구원, 2001. 315–320 쪽; *Кон Чжеук*. Введение: Значение исследования повседневности в эпоху Пак Чонхи. С. 17.

Востока: именно в этой области наиболее ярко проявляется культурный разлом между традиционными и современными обществами и активизируются процессы культурных трансформаций, что делает ее реформу важнейшим этапом на пути модернизации[384]. Более того, образовательные институты играют ключевую роль в формировании современной национальной идентичности в рамках национального государства, неизбежно отражая его идеологические установки. Однако в то же время, как отмечает Чхон Чжонхван, сфера образования в целом (и гуманитарное образование в частности) является не только механизмом господства, но и «потенциальным источником сопротивления этому господству»[385].

Следует подчеркнуть, что взаимоотношения между образованием и так называемой «модернизацией сознания» не всегда носят характер прямой причинно-следственной связи. Тем не менее, влияние школы как института модернизации определяется не столько степенью «современности» содержания учебной деятельности, сколько самой спецификой пребывания индивида в условиях образовательных структур. Ключевое значение здесь имеет сама организация повседневного опыта, например, его подчиненность расписанию, что способствует социализации и выработке моделей поведения, соответствующих требованиям современного общества, основанного на дисциплине[386].

Как уже отмечалось в гл. 2, с приходом к власти Пак Чонхи правительство Республики Корея начало рассматривать реформу сферы образования как один из ключевых компонентов экономического развития. В систему образования и учебные программы был введен концепт развития человеческих ресурсов, а создание *homo economicus* (кор. 경제적 인간), то есть «человека, стремящегося к практичности (кор. 실질) и эффективности (кор.

---

[384] *Алаев Л.Б.* Модернизация культуры в Восточной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) // *История Востока: в 6 т. Т. IV. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 2* // отв. ред. *Р. Б. Алаев* и др. М., 2005. С. 503–517.

[385] *Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи… С. 461.

[386] *Фуко М.* Указ. соч. С. 165–237.

효율)», стало провозглашенным идеалом образовательной культуры.[387]. В период Юсин со стороны властей так же наблюдался четкий императив на формирование «научно-образованной нации (кор. 과학하는 국민), способной вести культурную жизнь на высоком уровне» и создание «образовательной системы, которая развивает у всех учащихся научное мышление (кор. 과학적인 사고방식) и рациональные привычки в повседневной жизни (кор. 합리적인 생활습성)»[388].

Начиная с периода Американской военной администрации, южнокорейская система образования в целом (как и, заметим, связанная с ней философия образования) подверглась значительному влиянию со стороны США, что обусловило ее интенсивную (и даже чрезмерную) вестернизацию. Это быстро привело к реакции в виде попыток «кореизации», которая была инициирована уже в 1950-х гг. и усилится в 1960-е[389]. Этот процесс достиг наибольшего размаха в 1970-е гг., когда будет осуществляться образовательная реформа, направленная на внедрение в образовательный процесс традиционных корейских ценностей[390]. Тем не менее, интеграция таких ценностей в образовательные структуры проходила постепенно и сопровождалась значительными трудностями[391], а «чрезмерная вестернизация» образовательной системы являлась проблемой на протяжении всего времени правления Пак Чонхи.

---

[387] 金晋均. 한국의 교육문화에 대한 사회학적 접근 [*Ким Чжингюн*. Корейская образовательная культура: социологический подход] // 韓國 社會 變動 硏究 (I) [*Исследование социальных изменений в Республике Корея, Ч. I*]. 서울 : 民衆社, 1984. 193–194 쪽.

[388] 金東旭. 維新教育의 方向과 實際 [*Ким Донук*. Направления образования в рамках системы Юсин и его реалии] // 維新政友. 1974. 第 2 卷. 第 1 號. 113 쪽.

[389] О начале процесса «кореизации» образования см.: *Park Y.* The Reconstruction of Educational Theory: Confucianism, Practicalism, and. Pragmatism (1945–1965). PhD Diss. Loyola University, 1996. 400 p.

[390] *Ли Гёнсук*. Указ. соч. С. 71–79.

[391] См., например, дискуссии касательно политики в сфере исторического образования в 1970-е гг.: 장영민. 국사교육의 강화와 국가주의 [*Чан Ёнмин*. Укрепление образования в сфере национальной истории и государственный национализм] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 433–450 쪽.

Помимо очевидных заимствований западных концепций и учебных материалов, школьное образование того времени знакомило поколение *хангыля* и с западной культурой: к примеру, на уроках музыки вместо традиционной корейской музыки преподавали преимущественно западную[392]. Певица Ян Хиын писала, что «даже во время уборки в школе мы слушали менуэты»[393] и, отвечая на критику того, что «молодежная культура» слишком вестернизирована и «не принадлежит корейской традиции», задавала в ответ другой вопрос: «Но разве это наша вина в том, что у нас никогда не было возможности познакомиться с *пхансори* или другими традиционными корейскими музыкальными инструментами и мелодиями во время школьного обучения?» [394] Исполнитель Юн Хёнчжу также вспоминал о том, что с западной популярной музыкой он впервые познакомился во время обучения в школе[395].

Кроме того, в системе образования было заметно присутствие различных зарубежных организаций: в стране, например, работало большое количество американских молодежных движений, таких как бойскауты[396]. Существовали и общенациональные образовательные проекты, такие как «Движение за образование в духе свободы» или «Движение по чтению ста великих книг», сделанное по образцу американского движения «Великие книги западного мира» (англ. *Great Books of the Western World*), в рамках

---

[392] *Мун Окпхё*. Указ. соч. С. 32.

[393] *Ян Хиын*. «Певице в джинсах» тоже есть что сказать.

[394] Там же.

[395] «Один из учителей в нашей средней школе также знакомил нас с самой разной музыкой. Благодаря ему мы с увлечением слушали не только классику (Шуберта, Брамса и народные песни разных стран), но и песни таких исполнителей, как Пэтти Пейдж, Джим Ривз, Нэт Кинг Коул, Марти Роббинс, Пэт Бун и Элвис Пресли». *Юн Хёнчжу*. Указ. соч. С. 176.

[396] Подробнее о таких организациях см.: *Brazinsky G*. Nation Building in South Korea: Koreans, Americans, and the Making of a Democracy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. P. 189–222.
К примеру, певец Ким Минги, будучи учеником средней и старшей школы, состоял в организации бойскаутов. По его воспоминаниям, «в других школах бойскаутами в основном становились дети из состоятельных семей», однако в его школе ситуация была иной. Примечательно, что события, произошедшие во время одного из бойскаутских походов, позднее стали вдохновением для его песни «*Друг*». 주철환. 결벽증과 완벽주의 사이 [*Чу Чхольхван*. Между обсессивно-компульсивным расстройством и перфекционизмом (интервью с Ким Минги)] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 533–535 쪽.

которого учащимся предлагалось осваивать не только корейскую литературу, но и значительное количество европейских и американских книг[397].

Даже в 1970-е гг. образовательная система продолжала сохранять определенную ориентированность на Запад: например, западные общественные деятели активно использовались в качестве образцов патриотизма[398], а учебные материалы подчеркивали ценности демократии, опираясь на примеры из истории Запада[399]. Как свидетельствуют данные «*Белой книги по вопросам молодежи*» за 1976 г., несмотря на усилия по «национализации» содержания образования, среди наиболее уважаемых подростками исторических фигур большу́ю часть составляли западные деятели – лишь 19 из 51 упомянутых деятелей имели корейское происхождение, тогда как второе и третье места после Ли Сунсина заняли Линкольн и Кеннеди[400].

В связи с этим некоторые интеллектуалы продолжали критиковать недостаток изучения корейской традиции в рамках учебного процесса. Например, даже в конце 1970-х гг. Сон Инсу выражал обеспокоенность тем, что система образования в Южной Корее испытывает дефицит гуманистических основ, присущих традиционному конфуцианству, особенно в сфере морального воспитания молодежи, которая, по его наблюдению, «зачастую воспринимает современность исключительно через призму вестернизации»[401]. По мнению Хам Бёнчхуна, современные образовательные учреждения вовсе были «проводниками западных ценностей, таких как

---

[397] *Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи… С. 425–461.

[398] Пэ Сонин указывает, что среди выдающихся личностей, про которые рассказывалось в учебниках, были, например, Наполеон Бонапарт, Авраам Линкольн, Жан-Жак Руссо, Лев Толстой, Анри Дюнан и др. 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [*Пэ Сонин*. Доминирующая идеология системы Юсин и контроль за общественными массами] // 유신을 말하다 [*О периоде Юсин*]. 서울: 나름북스, 2013. 234–235 쪽.

[399] Путь защиты свободы. С. 2–19.

[400] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 80–82.

[401] 손인수. 유교서에 나타난 청소년 교육 [*Сон Инсу*. Образование молодежи в конфуцианских текстах] // 청년연구. 1979. 제 2 집. 40–41 쪽.

индивидуализм и ценности либеральной демократии», что способствовало формированию «ценностной дезориентации» среди молодежи[402].

Несистемные эффекты существовали и в самой форме образовательной модели, установленной политикой властей: чрезмерно конкурентной системы, рассчитанной на выживание сильнейшего. Ким Чжингюн писал о том, что большинство учащихся были согласны с предлагаемыми такой системой ценностями конкуренции – установками, которые, по его мнению, «исключали [формирование] эмоциональных и цельных (кор. 전인격적) социальных отношений, создавая функциональные, механистические и эгоистичные связи, основанные на конкуренции и стремлении к победе», в конечном итоге приводя к росту эгоизма и вредя коллективизму[403]. Существование таких тенденций в южнокорейском обществе того времени подтверждается и рядом эмпирических исследований, согласно которым между повышением уровня образования и макиавеллизмом существовала прямая корреляция: чем выше был уровень образования, тем больше была склонность оправдывать стремление к власти любыми средствами[404]. При этом образование снижало чувство аномии, повышало ощущение «личной эффективности» и одновременно приводило к снижению доверия к государству – по мере повышения уровня образования учащиеся возлагали бóльшую ответственность за неудачи демократии на политиков, а не на народ[405].

3.4. Популярная культура, традиция и логика избирательности

В определенном смысле концепт «ограниченной вестернизации» выступал в качестве основания для достижения «баланса» между корейской традицией и современностью, где допускалось *умеренное* (с точки зрения

---

[402] *Hahm P*. Op. cit. P. 211.

[403] *Ким Чжингюн*. Корейская образовательная культура… С. 216–217.

[404] См. главу «*Образование как источник ценностей и установок, способствующих модернизации*» в: *McGinn N., Snodgrass D., Kim Y., Kim S. & Kim Q*. Op. cit. P. 185–217.

[405] Ibidem.

властей) и *избирательное* заимствование иностранных культур: «Если люди будут иметь здоровый психологический настрой и здоровое отношение к жизни и будут стремиться к удобству современной цивилизации, основанной на нашей собственной [традиции], наши города могут стать окнами в иностранные культуры, центрами национальной культуры, где традиция и современность гармонично существуют»[406]. С одной стороны, «ошибочное принятие западной культуры и образа жизни, основанного на индивидуалистическом либерализме»[407] осуждалось, но, с другой стороны, сама возможность и необходимость потреблять иностранные культуры признавалась. Так, например, учебник, посвященный принципам системы Юсин, в качестве одной из насущных задач не только выделял развитие национальной культуры и охрану культурного наследия, но отмечал, что «для культурного развития мы должны активно поглощать (кор. 섭취) и ассимилировать (кор. 동화) иностранные культуры»[408]. О необходимости принимать «хорошее» у западной культуры неоднократно говорил и сам Пак Чонхи в ходе своих пресс-конференций в 1970-е гг.[409]

Популярная культура была важнейшей сферой, связанной с процессом такой избирательной «ассимиляции» западных культур: как пишет Вон Ёнчжин, государство рассматривало ее в качестве «инструмента эмоционального вовлечения [населения] в проект модернизации»[410].

---

[406] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 182.

[407] Путь защиты свободы. С. 224.

[408] Единый учебник по системе Юсин. С. 5. См. аналогичные комментарии в: Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин. С. 136–137; 139.

[409] 박정희. 1973 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1973 г.] // 대통령기록관. 12.01.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306372 (дата обращения: 16.05.2025); 박정희. 1977 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1977 г.] // 대통령기록관. 12.01.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306539 (дата обращения: 16.05.2025); 박정희. 1978 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1978 г.] // 대통령기록관. 18.01.1978. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306570 (дата обращения: 16.05.2025).

[410] *Вон Ёнчжин*. Указ. соч. С. 188–189.

Используя такую логику[411], на протяжении всего времени правления Пак Чонхи государство пыталось контролировать сферу импорта зарубежной популярной культуры – в частности, в сфере кинематографа, где иностранные фильмы пользовались большей популярностью, чем южнокорейские[412].

Кроме того, правительство Пак Чонхи активно поощряло создание сообразных ценностям режима кинолент, одним из наиболее показательных примеров чего была серия фильмов «*Горы и реки восьми провинций*», которые пропагандировали достижения модернизации[413]. Герои этих фильмов служили отражением образа «нормального субъекта», обладавшего качествами, который режим требовал от населения в 1970-е гг. – например, трудолюбием, рачительностью и «здоровым» и «жизнерадостным» духом[414].

Не менее значимым направлением государственной политики в сфере популярной культуры была поддержка военного кинематографа. Осознавая его потенциал как инструмента пропаганды и милитаризации общества, правительство выделяло значительные средства на создание подобных фильмов, особенно в период Юсин. Тогда же режим Пак Чонхи предпринял попытку реорганизовать производство антикоммунистических военных картин, создав Компанию по продвижению кинематографа Республики Корея (КПКРК). Под ее эгидой в 1974 г. были сняты несколько крупных художественных фильмов о Корейской войне – «*Свидетельство*» и «*Я не буду*

---

411 О необходимости импортировать только то иностранное кино, которое будет, например, воспитывать у граждан «здоровое» (кор. 건전한) понимание вопросов национальной безопасности, открыто говорилось в пропаганде того времени. См., например: 우리 모두 손잡고 [Давайте все вместе возьмемся за руки] // 대한뉴스 제 85 호. 18.12.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=748&mediadtl=6313&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).

412 См. подробную статистику по количеству зрителей южнокорейских и зарубежных фильмов (количество зрителей последних, заметим, более чем в *два раза* превышало количество зрителей корейского кино) в: *Ю Сонъён*. Социокультурная история кинематографа. С. 266.

413 Подробнее о серии этих фильмов см.: 김한상. 조국근대화를 유람하기 [*Ким Хансан*. Путешествие по «модернизации Родины»]. 서울: 한국영상자료원, 2008. 152 쪽.

414 한영현. 냉전의 시대, 유랑하는 타자들: 한국영화에 나타난 타자성의 문화 정치 [*Хан Ёнхён*. Период Холодной войны и «скитающиеся другие»: культурная политика инаковости в южнокорейском кинематографе]. 서울: 소명출판, 2022. 114–140 쪽.

плакать» Им Гвонтхэка, а также «*Цвели дикие хризантемы*» Ли Манхи[415]. Их создание имело отчетливую политическую мотивацию: все эти картины должны были «способствовать воплощению идей системы Юсин в жизнь» и показывать идеальные образы мужчин-солдат, готовых безоговорочно пожертвовать своей жизнью ради государства.

Следует упомянуть и так называемые «здоровые песни»[416], активно продвигаемые режимом Пак Чонхи. Эти произведения были нацелены на мобилизацию населения в рамках проекта модернизации и, по сути, служили средством навязывания государственной идеологии через музыку. Они противопоставлялись другим популярным песням, особенно тем, что считались «низкопробными» или «упаднических»[417]. Хотя государство инициировало ряд массовых песенных движений для пропаганды идеологии «модернизации Родины» еще в 1960-е гг.[418], пик распространения «здоровых песен» пришелся именно на период Юсин. Как писал Хан Хонгу, в 1970-е гг. такие «выдержанные в духе японских военных маршей» песни, «звучали повсюду по нескольку раз в день и так “въедались” в повседневность, что их невольно начинали напевать»[419]. Примечательно, что часть «здоровых песен», публиковавшихся в тематических сборниках, была зарубежными композициями, и главными их качествами по-прежнему были

---

[415] 이호걸. 1970 년대 한국영화 [*Ли Хоголь*. Южнокорейский кинематограф 1970-х гг.] // 한국영화사 공부 1960~1979 [*Исследование истории южнокорейского кинематографа (1960–1979)*] / 이효인 외. 서울: 한국영상자료원, 2004. 120–122 쪽.

[416] Подробнее про истоки, эволюцию и особенности «здоровых песен» см. в: *Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен. С. 165–179. Учитывая коннотации обозначения «здоровые песни», Ким Чжипхён предлагает заменить его на термин *чинчжак гаё* (кор. 진작 가요, «песни для поднятия духа»), под которым он понимает «песни, созданные с целью пробуждения в обществе или в государстве определенного духа или настроения». Среди песен этого жанра он различает *кванчже чинчжак гаё*, созданные при участии государства, и *часэн чинчжак гаё*, то есть произведения, возникшие «низовым образом» в обществе самостоятельно. 김지평. 한국 가요 정신사 [*Ким Чжипхён*. Интеллектуальная история корейских популярных песен]. 서울: 아름출판사, 2000. 212 쪽.

[417] Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 95.

[418] 김은영. 1960-1970 년대 음악정치: 박정희체제의 음악정책과 노래운동을 중심으로 [*Ким Ынъён*. Политика музыки в 1960–70 гг.: музыкальная политика Пак Чонхи и *Норэ ундон*] // 음악과 현실, 2020. 제 60 호. 87–118 쪽.

[419] *Хан Хонгу*. Указ. соч. С. 162.

«прямолинейный» и жизнеутверждающий стиль[420]. Таким образом, тщательно отобранная зарубежная, а также созданная при государственной поддержке массовая культура становилась важным инструментом осуществления идеологического аспекта модернизационной политики южнокорейского государства.

Отмеченное выше «гармоничное существование» современности и традиции предполагало, однако, двойной механизм отбора: не только в отношении современных западных ценностей и культуры, но и в отношении собственных традиций. Как тавтологично, но оттого не менее показательно, выразился декан университета Хоник Ли Ханъён, логика отбора корейских традиций заключалась в том, чтобы «исправить то, что требует исправления, и принять то, что заслуживает принятия»[421], что вполне точно отражало идеологическую установку на *выборочную интеграцию культурных и ценностных элементов* в рамках процесса модернизации.

Так, несмотря на то что идеологически режим Пак Чонхи прошел путь от крайне критического отношения к корейскому культурному наследию[422] к его постепенному признанию в качестве важного политического инструмента управления обществом, сама логика *избирательного* обращения к традиции оставалась относительно стабильной на протяжении всего периода его правления[423]. Традиция должна была быть либо легитимирующей

---

[420] *Maliangkay R*. Konjon Kayo: South Korea's Propaganda Pop. In: *Korea: The Past and the Present: Selected Papers from the British Association for Korean Studies BAKS Papers Series, 1991–2005. Vol. I*. Kent: Global Oriental, 2008. P. 179.

[421] 李恒寧. 精神革命論 [*Ли Ханъён*. Духовная революция] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 10 쪽.

[422] Тем не менее, даже в 1960-е гг. корейское культурное наследие не отвергалось полностью. Так, во второй части своей книги «*Путь нашей нации*» Пак Чонхи открыто делил историческое наследие Кореи на две категории: «неправильное», включавшее семь пунктов, и «достойное передачи потомкам», куда он относил четыре пункта. К последним он причислял: *хянъяк* (кор. 향약) и *ке* (кор. 계) как формы местного самоуправления; дух *хваранов*, проявлявшийся в моменты кризиса; народную литературу, освободившуюся от китайского влияния; деятельность Тхвеге, «переписавшего историю корейской мысли», и движение *сирхак*, «возникшее в оппозиции к неоконфуцианству». *Пак Чонхи*. Путь нашей нации. С. 80–88.

[423] Такое отношение к традиции отмечалось и рядом исследователей, например, О Мёнсоком и Юн Ёндо. 오명석. 1960-70 년대의 문화정책과 민족문화담론 [*О Мёнсок*. Культурная политика и дискурс национальной культуры в 1960-е и 1970-е гг.] // 비교문화연구. 1998. 제 4 호. 148–149 쪽; *Юн Ёндо*. Указ. соч. С. 240–241.

существующий политических порядок, либо сообразна ценностям модернизации, прежде всего установкам экономического рационализма[424] – что, разумеется, в конечном счете также было нацелено на легитимацию власти[425]. Традиции, которые не отвечали данным требованиям, удалялись из политического дискурса и маргинализировались.

Одним из главных проектов периода Юсин, ставшим символом «возвращения к традиции» было и «Движение за новую деревню». Начиная с 1970-х гг. Пак Чонхи существенно изменил риторику по отношению к сельской местности и начал ее превозносить в качестве «кладовой национальных ценностей и традиций»: если ранее деревня и ее жители рассматривались как символы отсталости и объект модернизационного вмешательства, то в этот период акцент сместился на противопоставление

Согласно Энтони Гидденсу, подобное отношение к истории в целом (которое он называет «историчностью», обычно проявляющейся по отношению к планируемым или фактически происходящим социальным изменениям), является одной из идеологических трансформаций, связанных с возникновением модерного государства. Хотя деятельность государства как такового предполагает в том или ином смысле создание «истории» как «документированной интерпретации прошлого, служащей основой для ожидаемых будущих преобразований», лишь в современном типе государств «история», по его мнению, превращается в «историчность» – «целенаправленное и контролируемое использование размышления об истории как средства изменения самой истории». *Giddens A*. The Nation-State and Violence. P. 212.

[424] Это способствовало ретроспективному приписыванию некоторым историческим деятелям ценностей, которыми они в действительности не обладали, в частности, современного *экономикоцентричного* рационализма в отношении представителей движения *сирхак*. По этому поводу Чо Хвисан не без иронии замечал, что «поразительно, что Тхвеге стал символом рациональной экономической деятельности, потому что у нас нет конкретных исторических данных, подтверждающих [справедливость] такой интерпретации» (*Cho H*. [De]popularizing a Confucian Master: Yushin and the Birth of T'oegye Studies. In: *Cultures of Yusin: South Korea in the 1970s*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2018. P. 79). Подобное противоречие подмечалось интеллектуалами уже в 1970-е гг. 박동환. 전통과 시대 정신 [*Пак Тонхван*. Традиция и дух эпохи] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 219–228 쪽.

[425] Хван Бёнчжу предлагает разделять «легитимность» в период правления Пак Чонхи на две категории: экономическое развитие служило построению «реальной» или «практической легитимности» (кор. 현실적 정당성), а обретение «исторической легитимности» (кор. 역사적 정당성) достигалось путем обращения к национальной истории и являлось способом утверждения «национальной преемственности» (кор. 민족적 정통성). Иными словами, по его мнению, «легитимность» (кор. 정당성) и «преемственность/правомерность/законность [власти]» (кор. 정통성) были четко различимыми понятиями (*Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи: на примере дискурса модернизации. С. 168). С наше точки зрения, такое разделение действительно отражает важную особенность идеологической политики режима, однако между этими двумя категориями существовало и различие следующего характера. Обращение к традиции носило гораздо более рефлексивный характер (что видно по множеству изменений в конкретной исторической политике), тогда как отношение к «практической легитимности», служившей опорой власти на протяжении *всего* времени правления Пак Чонхи, практически не рефлексировалось, тем самым выступая в качестве «самоочевидного» основания власти.

города, ассоциируемого с упадком и вестернизацией, и деревни как оплота «подлинной» национальной культуры[426]. Тем не менее, в ценностном смысле «Движение за новую деревню» изначально позиционировалось и как движение *рациональное*, более того, заметна была и его выборочность в отношении традиции. Оно было сосредоточенно на «развитии сознания» (дабы «традиционное сельское общество Кореи, находящееся в инерции (кор. 타성) и застое (кор. 침체), смогло достичь модернизации»), «искоренении отсталых обычаев в деревне (кор. 낙후된 농촌의 폐습 일소)»[427] и «устранении феодального и традиционного образа мышления (кор. 봉건적 인습적인 사고 방식의 타파)»[428]. Программа образования, продвигавшаяся в рамках движения, также была нацелена на воспитание таких ценностей[429]. Сам язык восприятия и описания мира, выбранный властью, не мог не критиковать жителей деревни и их ментальность, осуждая *нерациональность* ведения хозяйства и упрекая их за нежелание использовать современные технологии и сохранение традиционного сознания, которое, по мнению самого Пак Чонхи, делало свой вклад в пассивное отношение к реальности и отсутствие предприимчивости[430].

Другим ключевым элементом такой идеологической трансформации становится создание новой трудовой этики, напоминающей протестантскую этику труда, изложенную у Макса Вебера[431]. Такая этика опиралась на принципы рационального поведения, дисциплины, трудолюбия, бережливости и ориентации на накопление. Она распространялась как через институт семьи, где подчеркивалась необходимость ведения учета расходов и *рационального* потребления[432], так и через «Движение за новую деревню»,

---

[426] Там же. С 191.
[427] Идеи системы Юсин. С. 140.
[428] Единый учебник по системе Юсин. С. 19.
[429] *Ким Донук*. Указ. соч. С. 113.
[430] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 125–126; Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин. С. 105–106; 119–121; 124.
[431] О влиянии идей Макса Вебера на духовные аспекты идеологии Республики Корея в период правления Пак Чонхи см.: *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи: на примере дискурса модернизации. С. 145–146.
[432] *Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория. С. 166–169.

которое стало «коллективной школой (кор. 공동의 도장)», в которой такая трудовая этика *усваивалась*[433].

Важно подчеркнуть, что реализация модернизационной стратегии южнокорейского государства в рамках «Движения за новую деревню» не ограничивалась абстрактным уровнем ценностных ориентаций, а имела вполне конкретные практические формы. Например, в рамках движения проводилась активная кампания против традиционных верований и практик, что способствовало окончательной дезинтеграции традиционных сельских общин и эрозии местной культурной идентичности[434], что, в свою очередь, вело к «унификации сельской жизни и вытеснению культурного разнообразия стандартизированной логикой модернизации»[435]. В рамках такой бинарной логики исторически укорененные традиции воспринимались как устаревшие, а потому представлялись препятствием для осуществления модернизации. Винсент Брандт, один из немногих зарубежных исследователей, наблюдавших «Движение за новую деревню» с момента его зарождения, осторожно указывал, что, стремясь искоренить «иррациональные», «ненаучные» и «суеверные» сельские практики, движение одновременно разрушало важные традиционные механизмы, обеспечивавшие добровольное участие в коллективном труде[436]. Анализ государственной стратегии в рамках движения,

---

[433] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 135–136. Также см.: 金大煥. 새마을運動: 그 本質과 課題 [*Ким Дэхван*. «Движение за новую деревню»: его сущность и задачи] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 41–42 쪽. Подчеркнем, что для пропаганды идей экономии, трудолюбия и рационального использования денежных средств часто использовались образы развитых стран, например Великобритании. Например, см.: 金鎭萬. 영국의 부흥을 이룩한 영국 여성의 힘 [*Ким Чжинман*. Сила английских женщин, благодаря которой в Великобритании был достигнут экономический подъем] // 새 마음. 1979. 제 3 호. 86–88 쪽.

[434] К примеру, см. работу Чхве Гёнхо: 최경호. ‘미신타파’ 이후의 洞祭와 마을의 정체성: 경북 영덕 老勿里의 사례를 중심으로 [*Чхве Гёнхо*. Ритуалы *тончже* и деревенская идентичность после «ниспровержения суеверий»: на примере деревни Номулли в уезде Ёндок, провинция Северная Кёнсан] // 종교연구. 1997. 제 13 집. 67–87 쪽.

[435] 박진도, 한도현. 새마을운동과 유신체제 [*Пак Чиндо, Хан Дохён*. «Движение за новую деревню» и система Юсин] // 역사비평. 1999. 통권 47 호. 71 쪽.

[436] *Brandt V*. The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea. In: *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. №. 3–4. P. 205.

проведенный Хан Сынми, так же показывает, что ее эффективность во многом объясняется обращением власти к эгалитарному этосу, порожденному условиями модерности, в то время как конфуцианская иерархия, сохранявшаяся в сельском быту, подвергалась критике как неэффективная[437]. Тем не менее, именно эта иерархия, постепенно утратив свою повседневное значение, продолжала функционировать уже как идеологический инструмент укрепления авторитарной власти.

Таким образом, политика «ограниченной вестернизации» приводила к постоянно возникающим побочным, несистемным эффектам, и именно эти эффекты в дальнейшем сыграли существенную роль в формировании и развитии «молодежной культуры». Проблему представляла иерархическая модель восприятия мира сама по себе: ее наличие способствовало росту интереса и к популярной культуре развитых стран, прежде всего США. С начала 1960-х гг. в южнокорейской прессе появляется все больше материалов, посвященных западной молодежи и ее образу жизни, характерным примером чего была серия статей Ли Орёна под названием «*Поколения, живущие сегодня*», выходившая с март по май 1963 г. в газете «*Кёнхян Синмун*».

В определенном смысле контролировать процессы модернизации и вестернизации, в особенности учитывая капиталистическую модель управления культурой, было затруднительно. Сама дихотомия *хучжигук-сончжингук* стимулировала послевоенную молодежь, чей жизненный опыт был в меньшей степени связан с традиционными ценностями и историческим опытом старших поколений, к восприятию культуры молодежи «развитых стран», а культурное влияние США неизбежно проявилось одновременно и в образе жизни элиты, и в сфере массовой культуры[438]. Тем самым, отражая опасения южнокорейских интеллектуалов, «центрированность» на экономике имела далеко идущие последствия: пиетет перед развитыми странами в

---

[437] *Han S.* The New Community Movement: Park Chung Hee and the Making of State Populism in Korea. In: *Pacific Affairs*. 2004. Vol. 77. №. 1. P. 69–93.

[438] *Чхон Чжонхван*. Нарциссизм нации/нарциссизм призвания… С. 279–280.

конечном итоге вышел за рамки чисто экономических и прагматических измерений и вылился в другие сферы жизни, а именно в культурную сферу, распространившись не только на высокую, но и на популярную культуру.

По этой причине нельзя считать случайностью то, что дихотомия *хучжингук-сончжингук* активно присутствовала в рамках дискурса «молодежной культуры». Так Ким Бёнъик, сыгравший большую роль в популяризации этого концепта, еще в 1970 г. писал о том, что «несмотря на то, что наша страна является экономически отстающей (кор. 후진국), признаки молодежной культуры – возникают ли они спонтанно или являются продиктованными модой – появляются медленно, но широко, что свидетельствует о высокой чувствительности к восприятию культуры передовых страх (кор. 선진문화)[439]. А спустя четыре года, в пик дебатов о «молодежной культуре» газета «*Чунан Ильбо*» уже напишет о том, что «одним из неоспоримых фактов является то, что, хотя “молодежная культура” в нашей стране и появилась с опозданием на десятилетие по сравнению с западными странами, она уже заняла вполне самостоятельное место [в структуре нашего общества] и стала настолько заметной, что ее невозможно не увидеть»[440].

[439] *Ким Бёнъик*. Рождение «молодежной культуры».

[440] 청년문화는 존재하는가 [Существует ли молодежная культура в нашей стране?] // 중앙일보. 11.04.1974. 2 면.

ГЛАВА 4. «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА»/ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО, 1968–1979

Одним из наиболее часто цитируемых определений «молодежной культуры» является формулировка, предложенная Ким Чханнамом, который описывает ее как «тенденции, выражающиеся в подражании западному образу жизни и популярной культуре», отмечая при этом, что ее репрезентативными признаками выступают такие элементы, как акустическая гитарная музыка, разливное пиво, джинсы и длинные волосы[441]. Однако подобный подход не учитывает необходимость аналитического различения между «молодежной культурой» как *художественным* феноменом, связанным с развитием новых форм искусства («акустическая гитарная музыка»), и «молодежной культурой» как более широким *социокультурным* явлением, которое включало в себя стиль («джинсы» и «длинные волосы») и потребительские привычки («разливное пиво»).

С нашей точки зрения, «молодежная культура» – это социокультурный феномен, возникший в контексте модернизации южнокорейского общества, и этот феномен был неразрывно связан с определенными видами культурного потребления и производства, и у него были свои «представители» в таких сферах искусства, как музыка, литература и кинематограф. «Молодежная культура» на ранних этапах своего становления может быть понята как студенческая субкультура, организованная вокруг специфических форм культурного капитала[442], к которому студенты имели гораздо больший доступ, нежели нестуденческая молодежь: возможностью напрямую потреблять западную культуру и дорогие товары. Однако субкультурные границы «молодежной культуры» истончились всего за несколько лет, что было следствием развития ее социально-экономической базы, описанной в гл. 2.

---

[441] *Ким Чханнам*. Молодежная культура.

[442] *Бурдье П.* Различение: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. №. 3. С. 25–48.

Более того, сама модель управления культурой повлияла на то, что она была крайне быстро впитана в мейнстрим, став частью культуры *популярной*, «локализовав» этот культурный капитал и сделав его доступнее другим категориям молодежи – с сохранением важной переменной в виде поколенческой принадлежности, которая продолжала быть решающим фактором для восприятия таких тенденций.

Соглашаясь с Ким Чханнамом[443] и Ли Ёнми[444], мы утверждаем, что в основе этого явления лежал процесс смены культурных и эстетических ориентиров от «японского» к «американскому», что было связано со стремлением к современности среди молодежи того времени, а также желанием отделить себя от старшего поколения. Так, например, на протяжении 1960-х гг. доминирующим жанром популярной музыки являлась либо так называемая «легкая музыка» (англ. *easy listening*), либо *трот*, генетически связанный с музыкой колониальной эпохи и продолжающимся влиянием японской культуры на корейскую[445]. Послевоенное время, однако, ознаменовалось появлением еще одного «значимого Другого» для южнокорейской культуры: поп-культуры США. Первоначально современная американская музыка, такая как рок или соул, была в основном представлена в развлекательных клубах, находившихся при американских военных базах, и отношение к ней, как и к «культурному» присутствию США в целом, граничило с негативным[446]. Определенные «вкрапления» такой культуры за их

---

[443] *Ким Чханнам*. Ким Минги и формирование новой молодежной культуры. С. 14.

[444] 이영미. 포크, 순수와 오염의 이분법 [*Ли Ёнми*. Фолк-музыка: дихотомия «чистоты» и «загрязненности»] // 인물과사상. 2008. 제 6 월호. 116 쪽.

[445] Подробнее об этих жанрах см.: *Ли Ёнми*. История корейской популярной музыки. С. 139–186. Про отношение к Японии и ее культуре в послевоенной Республике Корея см.: 천정환. ‘1960’은 왜 일본문화를 좋아했을까? 일본문화에 대한 한국사회의 분열증 [*Чхон Чжонхван*. Почему южнокорейцы любили японскую культуру в 1960-е гг.? Двойственное отношение южнокорейского общества к японской культуре] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 508–549 쪽.

[446] Подробнее про отношение к *кичжичхонам* и ассоциировавшейся с ними американской популярной культуре см.: 김원. 냉전문화와 미군기지에 대한 한국사회의 시선 – 1960 년대 대중매체에 드러난 재현 양상을 중심으로 [*Ким Вон*. Культура Холодной войны и взгляд южнокорейского общества на военные базы США: на примере их репрезентации в масс-медиа в 1960-е гг.] // 1960 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные*

пределами существовали, например, в рамках шоу, показываемых по телевизору, и выступлений в клубах, ориентированных на людей среднего возраста из высшего класса; американская культура существовала и в пространстве университета: например, там проводились музыкальные конкурсы и джазовые концерты, а также танцевальные вечеринки в западном стиле. Однако это, как пишет О Чжеён, было лишь результатом «переноса» уже существовавших элементов *элитарной* культуры и такие элементы «практически не играли роли в культурном разграничении между молодежью и старшим поколением» [447]. Но с появлением «молодежной культуры» возникает новый жанр музыки, основанный на творческой интерпретации современной американской музыки – так называемая «фолк-музыка», которая уже будет служить средством отмежевания от культуры старшего поколения.

Итак, определим *спектр явлений* «молодежной культуры»:

- **Потребление**, включавшее в себя и *культурное* потребление: прослушивание специфических форм популярной музыки («*фолка», в меньшей степени – рок-музыки*), просмотр новых жанровых форм кинематографа («*молодежные фильмы*») и чтение литературы, написанной такими молодыми писателями, как Чхве Инхо, Чо Сончжак, Чо Хэиль.

- **Практики**, включавшие в себя новые формы взаимодействия с противоположным полом в рамках «слепых» коллективных (*митхин*) и индивидуальных встреч, гоу-гоу танцы и коллективное исполнение музыки на акустической гитаре. У таких коллективных практик также были свои специфические места,

---

изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1960-е гг.] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 77–127 쪽.

[447] 오제연. 1970 년대 대학문화의 형성과 학생운동 – ‘청년문화’와 ‘민속’을 중심으로 [*О Чжеён*. Формирование университетской культуры и студенческого движения в 1970-е гг.: на примере «молодежной культуры» и «народной культуры»] // 역사문제연구. 2012. 제 16 권. 제 2 호. 89–90 쪽.

отделенные от старшего поколения: например, музыкальные кафе (*табан*, кор. 다방) и гоу-гоу клубы.

- **Стиль**, проявлявшийся в ношении джинс и футболок у мужчин и женщин, мини-юбок у женщин, длинных волосы у мужчин и т. д.

Основная трудность, связанная с изучением «молодежной культуры», заключается в том, что центральным, «репрезентативным» образом молодежи в 1970-е гг. были студенты [448]. Под студентами большая часть медиа, социологов и журналистов подразумевали прежде всего учащихся наиболее престижных университетов, находящихся в Сеуле. Студенты этих университетов воспринимались как «образец», которому должны следовать учащиеся всей страны, а существовавшие при них студенческие газеты были крайне активны в обсуждении разного рода социальных проблем. В 1970-е гг. сама категория «молодежи» (кор. 청년) отождествлялась прежде всего со студентами, и такая ситуация приводила к тому, что не только голоса студентов других, менее престижных университетов и колледжей, но и в целом голоса нестуденческой молодежи системно игнорировались и не замечались.

Формирование такого представления о молодежи было обусловлено как традиционным пиететом перед образованием, так и конкретными историческими событиями, а именно Апрельской революцией 1960 г.[449], по итогам которой студенты были «созданы в качестве социального и культурного субъекта» [450], который в дальнейшем «закрепился» в ходе протестов против нормализации дипотношений между Республикой Корея и

---

[448] 이기훈. 청년아 청년아 우리 청년아 [*Ли Гихун*. Молодежь, молодежь, наша молодежь]. 서울: 돌베개, 2014. 285–311 쪽.

[449] Как показывает Квон Бодырэ, еще в 1950-е гг. отношение к студентам было преимущественно негативным, а на начальных этапах Апрельской революции ключевую роль играли либо школьники старших классов, либо классы низшие, такие как чистильщики обуви или уличные продавцы мелких товаров, а студенты взяли на себя лидирующую роль лишь на заключительных ее этапах. См.: *Квон Бодырэ*. Апрельская революция и военный переворот 16 мая: топосы свободы и хлеба. С. 29–36.

[450] Там же. С. 39.

Японией. Как показывает Ли Гихун, образ студенчества активно использовался и государством в пропаганде модернизации на ранних этапах[451]. Высокий статус студенчества был, однако, крайне важен для распространения «молодежной культуры»: сам факт того, что музыканты имели высшее образование или учились в университете отличал их от предыдущих исполнителей[452] и способствовал привлечению внимания СМИ. Более того, образ студенчества был привлекателен и для большого количества молодежи, что поспособствовало феномену подражания среди школьников [453] и рабочих[454].

Цитируя Ким Бёнъика, можно сказать, что другая главная проблема интеллектуального осмысления «молодежной культуры» в 1970-е гг. заключалась в том, что в ходе дебатов касательно нее «перемешивались понятия, касающиеся “того, что есть” и “того, что должно быть”», из-за чего «“молодежная культура” оказалась сведенной к поверхностному описанию внешних проявлений и стала объектом нападок сторонников политического догматизма и консервативной морали» [455] . В задачу этой главы входит избежать такого отношения к исследуемому феномену и проследить то, как развивались элементы «молодежной культуры» на протяжении 1970-х гг., выделить ее этапы развития и ключевые особенности, а также попытаться выяснить ценности, которые она в себе «заключала».

---

[451] *Ли Гихун*. Указ. соч. С. 295–302.

[452] *Ли Сонук*. Указ. соч. С. 51.

[453] *Ли Ёнми*. История корейской популярной музыки. С. 195.

[454] 1970 년대 산업화 초기 한국노동사 연구 [История рабочего класса в Республике Корее на раннем этапе индустриализации в 1970-е гг.]. 서울: 성공회대학교사회문화연구소, 2002. 274–275 쪽; 김원. 여공 1970, 그녀들의 反역사 [*Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория]. 서울: 이매진, 2005. 704–713 쪽.

[455] 金炳翼. 「青年」의 認識과 「文化」의 理解: 李重漠編「青年文化論」 [*Ким Бёнъик*. Сознание молодежи и понимание культуры: «Теории молодежной культуры» под ред. Ли Чжунхана] // 관훈저널. 1975. 제 21 호. 103 쪽.

4.1. «Молодежная культура»: рождение идеи/рождение феномена (1968–1972)

4.1.1. «Молодежная культура»: рождение феномена

Уже ко второй половине 1960-х гг. мы можем обнаружить культурное влияние процесса смены поколений, проявившемся в повышенном интересе к американской популярной культуре среди студенческой молодежи, что наиболее заметно выражалось в потреблении западной музыки. Прослушивание такой музыки в оригинале требовало определенных знаний английского языка, а потому основной аудиторией, «напрямую» потреблявшей американскую культуру, была студенческая молодежь. Местом прослушивания такой музыки чаще всего были кафе[456], и на раннем этапе развития «молодежной культуры» владельцы этих заведений предпринимали значительные усилия, чтобы достать такую музыку из-за границы[457]. Хан Дэсу, вернувшийся из Америки, где он учился фотографии, весной 1968 г., так вспоминает атмосферу того времени:

> «Вернувшись в Сеул, первым местом, куда я заглянул, была кофейня под названием “*Queen Salon*”. Когда я вошел, там за столиками сидели молодые студенты с чашками “фальшивого кофе” перед собой (это был чай с кофейным ароматом – из-за дороговизны импортного кофе в него подмешивали соевую муку), склонив головы и слушая *Beatles* и *Rolling Stones*. Я подумал про себя: “Ух ты! Вот и у нас, наконец, слушают хорошую музыку!”»[458].

Примерно в то же время происходит то, что Син Хёнчжун называет музыкальной «революцией 1968-го гг.»[459]: сутью ее было то, что впервые в

---

[456] 김용근. 서울시민의 여가생활 변천 [*Ким Ёнгын*. Изменения в досуговой жизни сеульцев] // 서울 20 세기 생활 문화변천사 [*Изменения в повседневной культуре Сеула в XX в.*]. 서울 : 서울시정개발연구원, 2001. 791; 811 쪽.

[457] 서울 새 風俗図 (211) 明洞 [11] 大型化 하는 다방 <上> [Новые нравы Сеула (211): Мёндон, Ч. 11. Кафе, которые становятся больше по площади (Ч. 1)] // 경향신문. 05.08.1971. 6 면.

[458] *Хан Дэсу*. Указ. соч. С. 94.

[459] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг. С. 253–255.

истории южнокорейской музыки в *местную* популярную музыку начали входить жанровые элементы такой современной западной музыки, как соул и рок. Началом этого процесса был успех проекта рок-музыканта Син Чжунхёна *Pearl Siste*rs с синглом «*Любовь моя*» (кор. 님아), сделанном в стиле западной современной музыки[460]. Такой разрыв был заметен и для молодежи: как вспоминает Ян Хиын, «в то время песни за авторством Син Чжунхёна сильно отличались от песен, которые мы обычно считали популярными, и они приобретали почти “революционную” популярность, не имеющую ничего общего с известными композиторами или певцами, создававшими хиты [до этого]»[461]. Успех Син Чжунхёна был важен, потому что он позволил и другим рок-группам, которые до этого в основном зарабатывали на американских военных базах, попытать свои силы на местном рынке музыки. Значительная их часть мигрировала в так называемые «салоны живой музыки» (кор. 생음악 상롱)[462], а затем, после начала государственных репрессий в начале 1970-х гг., в так называемые «гоу-гоу клубы», где их выступления служили своеобразным аккомпанементом для танцев[463].

Особенность гоу-гоу клубов заключалась в том, что они продолжали работу на протяжении всего комендантского часа[464], не выпуская посетителей наружу до утра. В то время как существовали и другие ночные заведения, такие как обычные «ночные клубы» (кор. 나이트 클럽), «кабаре» (кор. 카바레) или «танцевальные залы» (кор. 댄스홀), они в основном ориентировались на публику среднего и старшего возраста. Гоу-гоу клубы же, напротив, представляли собой культурное пространство преимущественно для

---

[460] Там же. С. 281–308.

[461] *Ян Хиын*. Недостижимая любовь. С. 55.

[462] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг. С. 350–355; 383–405.

[463] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг. С. 113–130.

[464] С момента установления Американской военной администрации в сентябре 1945 г. и до января 1982 г. в Республике Корее действовал комендантский час, запрещавший свободное передвижение граждан в ночное время (с полуночи до 4 часов утра). Лица, задержанные на улицах после установленного времени, доставлялись полицией в участки, где оставались до утра в камерах временного содержания.

молодежи[465], хотя изначально большинство первых таких клубов открывались при отелях и были формально ориентированы на иностранных туристов[466].

Приведем описание одной из таких гоу-гоу вечеринок:

> «Сверкающее галлюциногенное освещение, громкая психоделическая музыка, танцы до тех пор, пока все тело не промокнет от пота, топот ног, атмосфера флирта между мужчинами и женщинами, и отсутствие ограничений по времени работы – вот внешний облик гоу-гоу-клуба. Возможно, все это может показаться фестивалем романтики, где проявляется энергия молодости. Однако внутри таится декаданс, мимо которого порой невозможно пройти мимо. […] Согласно полицейским данным, среди посетителей гоу-гоу клубов больше всего тех, кому от 21 до 25 лет – около 70%. […] Молодые иногда приходят сразу парами, но нередко группами по 4–5 человек, при этом группы мужчин и женщин – отдельно. В клубе они ищут себе партнеров для танцев»[467].

Параллельно с описанными выше процессами, в конце 1960-х гг. в студенческой среде начинает появляться большое количество исполнителей-самоучек, играющих фолк-музыку на акустической гитаре. На первом этапе они, вдохновленные такими американскими исполнителями, как Боб Дилан, Джоан Баэз и *Simon & Garfunkel*, в основном играли кавер-версии на зарубежные песни[468]. Большинство корейских фолк-исполнителей были

---

[465] Там же. С. 117.

[466] Там же. С. 118–119.

[467] 고고클럽 [Гоу-гоу клуб] // 조선일보. 12.10.1972. 6 면. Цит. по: 김명환, 김중식. 서울의 밤문화: 낮과 다른 새로운 밤 서울로의 산책 [*Ким Мёнхван, Ким Чжунсик*. Ночная культура Сеула: прогулка по ночному Сеулу, открывающему с новой стороны]. 서울: 생각의 나무, 2006. 91–92 쪽.

[468] Пак Киён приводит данные, свидетельствующие о том, что в период становления акустической гитарной музыки (1968–1971 гг.) доля оригинальных композиций в корейских фолк-альбомах составляла лишь около 35%, в то время как основную массу песен занимали адаптации, представлявшие собой кавер-версии различных жанров, включая «стандартную» поп-музыку (англ. *standard pop*) и французский шансон, а не только фолк-музыку (박기영. 이식 그리고 독립: 한국 모던포크 음악의 성립과정 (1968~1975 년) [*Пак Киён*. Заимствование и обретение самостоятельности: процесс становления южнокорейской современной фолк-музыки (1968–1975 гг.)]. 단국대학교 석사학위논문, 2003. 121–123 쪽. Цит. по: *Ким Чханнам*. Культурная идентичность «молодежной культуры» 1970-х гг… С. 156). Говоря о жанровом своеобразии южнокорейского

дуэтами – например, *Twin Folio*, *Toi Et Moi*, *Lana Et Rospo* и *Two Koreans*. Судя по названию групп и репертуару исполняемых песен, они все еще были ориентированы на студенческую аудиторию, знавшую иностранные языки. Изначально основными площадками для их выступлений были заведения, ориентированные преимущественно не на получение прибыли, а на культурное взаимодействие и творчество, такие как, например, *C'est Si Bon*, расположенный в Мугёдоне. Важную роль в распространении такой музыки сыграли и церковные организации. Молодые исполнители могли послушать и исполнить фолк-музыку на таких коллективных мероприятиях, как *Sing Along Y* при корейском YMCA[469], а позднее при нем возникнет и «*Дом древесной лягушки*», некоммерческое пространство, где часто выступали фолк-исполнители[470].

Главной общей чертой и рок-, и фолк-музыки было то, что они занимали похожее положение по отношению к устоявшимся формам популярной музыки[471]. Несмотря на музыкальные различия, в частности, более «мягкое» звучание фолк-музыки в сравнении с экспрессивной рок-музыкой или эмоциональным соулом, гитарный фолк также воспринимался как часть «западного» музыкального влияния. Кроме того, фолк- и рок-сцены не были четко отделены друг от друга и часто пересекались. С одной стороны, рок в основном занял нишу «ночной» музыки для гоу-гоу клубов, с другой стороны,

---

«фолка» 1970-х гг., Ким Хёнчхан подчеркивает, что среди песен, обычно обозначаемых как «акустическая гитарная музыка» (кор. 통기타 음악), в действительности лишь около 10% репертуара можно квалифицировать как «фолк» (в американском значении этого термина). С его точки зрения, большинство таких песен представляли собой музыку, обладающую характеристиками, которые были скорее присущи поп-музыке, из-за чего он предлагает использовать более точный термин: «акустическая поп-музыка» (кор. 통기타 팝). 김형찬. 한국 초기 통기타음악의 사적 연구 [*Ким Хёнчхан*. Историческое исследование ранней южнокорейской музыки, играемой на акустической гитаре]. 한국예술종합학교 음악원 예술전 문사학위논문, 2002. 12–13 쪽. Цит. по: Там же. С. 159.

[469] *Ким Хёнчхан*. Инфраструктура акустической гитарной музыки и «молодежной культуры» в 1970-е гг. С. 160–163.

[470] Подробнее см.: <청개구리집>에 모이는 前衛들 [Авангардисты, собирающиеся в «Доме древесной лягушки»] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 199–206 쪽.

[471] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг. С. 425–427.

фолк-музыка была «дневной» музыкой, исполняемой в кафе и на других небольших площадках, но на начальных этапах разные исполнители вполне могли участвовать вместе в одних и тех же музыкальных фестивалях, конкурсах песен и даже пересекаться в рамках одних площадок. На ранних этапах развития «молодежной культуры» также не делалось разделения между популярными музыкантами и непопулярными, хорошим примером чего будет фестиваль в Чхонпхёне, который включал в свою программу не только фолк, но и широкий спектр другой новой музыки[472].

Первые коммерческие успехи музыки, намеренно сделанной «западной» по своей форме[473] (под этим скорее следует понимать музыку, которую можно сразу было отличить от *трота*) показали, что вкусы части молодежи, отличные от вкусов старшего поколения, могут быть коммерциализированы. Бурно развивающая музыкальная сцена и интерес молодого поколения к такой новой культуре привел к тому, что количество мест, где такая музыка может потребляться, начинает увеличиваться: количество музыкальных кафе, гоу-гоу клубов и прочих «молодежных мест» начинает расти в геометрической прогрессии[474], и вместе с этим полноценно возникает профессия диджея[475]. Первоначально большинство мест такого типа были сосредоточены в районе Мёндон, и из-за того, что их основными посетителями были студенты, его

---

[472] 이영미. 청년문화는 왜 하필 1970 년대였을까? [*Ли Ёнми*. Почему «молодежная культура» возникла именно в 1970-е гг.?] // 인물과사상. 2016. 180 쪽.

[473] Как замечает Вон Ёнчжин, в этот период между понятиями «Америка» (кор. 미국) и «американское» (кор. 미국적인 것) возникает важное различие. Если на предыдущем этапе американизации южнокорейской популярной культуры основным было «потребление “Америки”» (то есть потребление товаров и культурных продуктов, *созданных в США*), то теперь в центр внимания начинает выходить потребление «американского» как особой категории: не обязательно американских продуктов, а вещей, имеющих *американский облик* (кор. 미국의 모습). С точки зрения исследователя, этот процесс «воспроизводства» американского позднее приводит к «творческому подражанию/подражанию, приводящему к трансформации» (кор. 변형 흉내), которое сопровождается переосмыслением и адаптацией к местным культурным контекстам. *Вон Ёнчжин*. Указ. соч. С. 184. Также ср. с: *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг. С. 404.

[474] 서울 새 風俗図 (212) 明洞 [12] 人情보다 商魂 앞선 다방 [Новые нравы Сеула (212): Мёндон, Ч. 12: Кофейни, в которых стремление к коммерции преобладает над человечностью] // 경향신문. 09.08.1971. 6 면.

[475] 서울 새 風俗図 (213) 明洞 [13] 副業에서 새 職種된 DJ [Новые нравы Сеула (213): Мёндон, Ч. 13. Диджей: от подработки – к новой профессии] // 경향신문. 10.08.1971. 6 면.

также называли «вторым кампусом»[476], существовала и такая поговорка: «теория – в университете, практика – на Мёндоне»[477]. Такие места, согласно «*Чосон ильбо*», все больше превращались в «рассадник контркультуры, где господствуют поп-песни, длинноволосая молодежь, безудержные танцы гоу-гоу и оглушающий, будто разрывающий барабанные перепонки, громкий звук»[478].

В то же время среди студентов становится популярным так называемый «хиппи-стиль», а газеты сообщали о том, что в районе Мёндона можно было часто наблюдать «хиппи» как мужского, так и женского пола[479]. Тем не менее, само слово «хиппи» требует пояснений. В Республике Корея по факту никогда не существовало «настоящей» культуры хиппи (например, в формате хиппи-коммун[480]), а идейные составляющие субкультуры хиппи, по словам Ли Ёнми, не играли значительной роли в «молодежной культуре» того времени[481]. Под словом «хиппи» имелся в виду прежде всего стиль одежды и внешний вид, куда включались такие элементы, как длинные волосы у мужчин, джинсы, брюки-клеш и мини-юбки, а также любая яркая и эксцентричная одежда, даже

---

476 曺圭河, 金炳翼, 成栄紹, 權根述, 成旼宣. 오늘의 젊은 그들 (2) 第 2 의 캠퍼스 [*Чо Гюха, Ким Бёнъик, Сон Ёнсо, Квон Гынсуль, Сон Минсон*. Современная молодежь (2): «второй кампус»] // 동아일보. 15.04.1969. 1 면

477 <우리들뿐>이라는 생각의 땅 [Территория, где мы думаем только о нас самих] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 240 쪽.

478 茶房的 都市 문화 [Городская культура, похожая на кафе] // 조선일보. 08.03.1972. 5 면.

479 自省없는 「퇴폐地帶」 [«Декадентные районы», где нет места самоконтролю] // 조선일보. 01.10.1971. 7 면; 權根述. 弊習 (17) 流行 과민 [*Квон Гынсуль*. Наши дурные привычки (17): Чрезмерное увлечение модой] // 동아일보. 05.06.1972. 6 면.

480 Одно из немногих упоминаний о реальной хиппи-коммуне, существовавшей в Республике Корея можно найти в мемуарах Син Чжунхёна. Музыкант писал о том, что он некоторое время жил в такой коммуне вместе с хиппи, приехавшими в Южную Корею из-за рубежа. *Син Чжунхён*. Указ. соч. С. 117.

481 이영미. 청년문화와 정치적 진보성은 어떤 관계였는가? [*Ли Ёнми*. Какова была связь между «молодежной культурой» и политической прогрессивностью?] // 인물과사상. 2016. 제 3 월호. 177–178 쪽. Тем не менее, определенное влияние культуры хиппи проявилось в сфере искусства, в частности, в литературе. Подробнее об этом см.: 송은영. 사이키델릭 문학, 그리고 변방 히피들의 뒤틀린 성 — 68 정신의 문화적 영향과 1970 년대 문학의 대항문화적 실천 [*Сон Ынъён*. Психоделическая литература и искаженная сексуальность «периферийных хиппи»: культурное влияние духа движения 1968 г. и контркультурные практики литературы 1970-х гг.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 140–170 쪽.

футболки, и подобная «хиппи-мода» зачастую воспринималась общественностью негативно[482].

Вместе с тем стоит отметить, что музыка, ассоциирующаяся с хиппи, могла быть важной для конкретных людей, связанных с «молодежной культурой»: Хан Дэсу был очарован движением хиппи и новой музыкой во время своего пребывания в США[483], а Ли Чжонсон упоминал важность Вудстока, записи живых выступлений откуда он слушал на кассете[484]. Однако, по нашему мнению, в южнокорейском контексте категория «хиппи» функционировала не столько как обозначение конкретного субкультурного движения, сколько как символ более широкого интереса к современной культуре западных стран. Так, Ким Минги говорит об исключительной важности Боба Дилана для него[485], а Ли Чжанхи в одном из интервью на вопрос о том, как он воспринял культуру хиппи, ответил, что ему скорее нравился журнал *National Geographic*, а из книг он в основном читал нон-фикшн[486].

Как бы то ни было, несмотря на устойчиво негативное восприятие «хиппи-стиля» наряду с другими элементами «молодежной культуры» со стороны старшего поколения, среди части студенческой молодежи наблюдался устойчивый рост интереса к ним[487]. Тем не менее, некоторые формы развлекательных мероприятий, связанных с «молодежной культурой»,

---

[482] 林元子 교수와 鄭英善양 師弟 대화 캠퍼스의 流行과 사치 [Беседа профессора Им Вончжа и студентки Чон Ёнсон: мода и расточительство на кампусе] // 경향신문. 30.19.1971. 5 면; 女学生 캠퍼스웨어 [Одежда, которую носят студентки на кампусе] // 경향신문. 02.09.1971. 5 면; 男性의 멋 옷차림은이렇게 [Мужской стиль: как следует одеваться мужчинам] // 매일경제. 08.07.1971. 6 면.

[483] *Хан Дэсу*. Указ. соч. С. 49–66. Кроме того, Хан Дэсу был, по сути, единственным представителем «молодежной культуры», который не только *воспринимал* себя как хиппи, но и продолжал так считать даже спустя многие годы. 박준흠. 한대수 인터뷰 (1999 년) [*Пак Чунхым*. Интервью с Хан Дэсу (1999 г.)] // 사운드네트워크. 09.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://ksoundlab.com/xe/youthculture/64478?ckattempt=1 (дата обращения: 16.05.2025).

[484] 박준흠. 이정선 인터뷰 [*Пак Чунхым*. Интервью с Ли Чжонсоном] // 한국 음악창작자의 역사 1: 1970~1980 년대 [*История корейских творцов музыки. Т. 1: 1970–1980-е гг.*] / 박준흠 저. 서울: 한울, 2008. 117 쪽.

[485] *Кан Хон*. Указ. соч. С. 512–513.

[486] *Син Хёнчжун, Ли Ёну, Ким Хёнчхан*. Указ. соч. С. 464.

[487] 그들은 어떻게 느끼고 行動하는가 – 젊은이의 価伟意識 [Как чувствует и действует молодежь: ее ценностное сознание] // 조선일보. 18.11.1971. 5 면.

могли вызывать неоднозначное отношение даже среди студентов: например, появление на студенческом фестивале университета Корё «Танцевальной вечеринки в стиле гоу-гоу» вызвало негативную реакцию у студентов, которые сетовали на то, что она «не соответствовала традициям университета»[488]. То же самое касалось и длинных волос: как замечает Ли Саннок, реакция на репрессии против длинных волос у мужчин разделилась среди студентов, и существовали те, кто поддерживал их[489]. Часть студенток демонстрировала враждебное отношение к мини-юбкам[490], хотя мини-юбки и пользовались большой популярностью на кампусе[491].

Наименее негативную реакцию вызывали новые формы взаимодействия между полами, которые начали распространяться в среде студенчества в то время, в частности, коллективные слепые свидания, известные под названием «*митхин*» (кор. 미팅)[492]. Уже к концу 1960-х гг. наблюдается тенденция к «индивидуализации» подобных практик: появляются форматы предварительных встреч с потенциальным партнером, так называемые «*кабон*» (кор. 가봉, дословно «приме́рка»), которые происходили до участия в групповом свидании[493]. Примечательно, что в университетской среде тема отношений между мужчинами и женщинами, включая вопросы сексуальности,

---

488 自由意志 찾는 祝祭의 主人公들 [Главные герои праздника в поисках свободы воли] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 192–193 쪽. Также см. негативную реакцию на гоу-гоу танцы в ходе одной из студенческих дискуссий в YMCA: 해피 스모킹과 青年文化 = YMCA 서 大學生 討論會 [«Happy Smoking» и молодежная культура: студенческая дискуссия в YMCA] // 동아일보. 19.06.1970. 5 면.

489 *Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи... С. 353.

490 曺圭河, 金炳翼, 成栄紹, 權根述, 成旼宣. 오늘의 젊은 그들 (2) 第 2 의 캠퍼스 [*Чо Гюха, Ким Бёнъик, Сон Ёнсо, Квон Гынсуль, Сон Минсон*. Современная молодежь (2): «второй кампус»] // 동아일보. 15.04.1969. 1 면.

491 Выпуск 71 г.: мы тоже были «новым поколением» в те времена. С. 13–14.

492 Такие коллективные свидания занимают крайне важно место в воспоминания студентов, ходивших в университет в начале 1970-х гг. (Там же. С. 7–9; 164–165; 195–196; 246–248). Подробное описание того, как проходили свидания такого формата, и мнение студентов касательно них приведено в: 그룹미팅: 異性교제의 廣場 [Групповые свидания: площадка для знакомств с противоположным полом] // 한국일보. 14.05.1971. 5 면; 이경아. 미팅 [*Ли Гёна*. Митхин] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 15–17 쪽

493 曺圭河, 金炳翼, 成栄紹, 權根述, 成旼宣. 오늘의 젊은 그들 (3) 男(남)과 女(여) [*Чо Гюха, Ким Бёнъик, Сон Ёнсо, Квон Гынсуль, Сон Минсон*. Современная молодежь (3): отношения между мужчинами и женщинами] // 동아일보. 17.04.1969. 1 면.

обсуждалась сравнительно открыто, что уже свидетельствовало об определенной трансформации ценностных норм в этой среде[494].

С ростом интереса к «молодежной культуре» уже в начале 1970-х гг. начинает происходить постепенная коммерциализация фолка, и эта музыка начинает выходить за пределы студенческой среды и проникать в массовую культуру. Яркой иллюстрацией такого процесса будет успех таких дуэтов, как *Toi Et Moi* и *Lana Et Rospo*, а также сольной исполнительницы Ын Хи, которые уже с конца 1971 г. начали регулярно выпускать коммерчески успешные альбомы и появляться на телевидении и радио[495]. Хотя они и пели преимущественно кавер-версии зарубежных песен, иногда даже исполняя некоторые куплеты песен на английском[496], именно эти исполнители, как пишет Ли Ёнми, начинают «переворачивать расстановку сил в мире южнокорейской популярной музыки»[497].

В этот период происходит и важное внутреннее разделение внутри самой фолк-сцены между музыкантами, стремящимися к популярности, и теми, кто решил остаться в андерграунде. Среди исполнителей последнего круга можно выделить Пан Ыйгён, Ким Ыйчхоля, Ян Бёнчжипа и особенно Ким Минги, который уже в то время постепенно начинает отходить от активного участия в «молодежной культуре», переходя к политически мотивированному искусству, которое впоследствии получит развитие в рамках движения *минчжун*. Как пишет Син Хёнчжун, такое разделение проявлялось как в плане мест, где выступали музыканты, так и в музыкальном звучании: фолк, часто появлявшийся в медиа, становился все более «электрическим» и «ритмически насыщенным», в то время как андеграундные

---

[494] 젊은이는 지금 어디에 있는가 [Где сейчас находится молодежь?] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 147–153 쪽.

[495] См. список радио и телепрограмм, где появлялись ранние фолк-исполнители у Ким Хёнчхана: *Ким Хёнчхан*. Инфраструктура акустической гитарной музыки и «молодежной культуры» в 1970-е гг. С. 168–174.

[496] 김형찬. 김민기 – 한국 대중음악사 최초의 얼터너티브 [*Ким Хёнчхан*. Ким Минги: первая альтернатива в истории южнокорейской популярной музыки] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 479 쪽.

[497] *Ли Ёнми*. Почему «молодежная культура»… С. 178.

исполнители сохраняли верность «“пуризму” акустической гитары» и делали акцент на лиричности и «послании», заключенном в своих песнях[498]. При этом необходимо понимать, что эти два поля не были полностью отделены друг от друга: например, Ян Хиын и Ли Чжонсону удавалось сохранять как культовый статус в студенческой среде, так и быть популярными у более широкой аудитории.

Таким образом, первый этап развития «молодежной культуры» в Южной Корее можно охарактеризовать как «субкультурный» в узком смысле слова. На этой стадии молодежные практики были ограничены преимущественно студенческой средой, характеризовались *прямым* заимствованием западной культуры и даже физическим потреблением западных товаров. Так, джинсы были *импортным* и дорогим товаром, требующим значительных средств для покупки[499], а гоу-гоу вечеринки изначально предназначались для туристов (и именно по этой причине большинство первых гоу-гоу клубов открывались при отелях), и плата за вход на них была довольно большой[500]. Разливное пиво также было дорогим, и зачастую денег для его потребления не имели ни студенты[501], ни даже сами музыканты[502].

Тем не менее, уже на этом этапе происходит формирование большинства элементов «молодежной культуры»: ее стиля, практик и музыкальных жанров, которые являлись объектами культурного потребления. У этих явлений «молодежной культуры» сохранялась сильная связь с западной культурой:

---

498 신현준. 김의철 | 김의철 노래모음 [*Син Хёнчжун*. Ким Ыйчхоль: Альбом «Собрание песен Ким Ыйчхоля»] // *weiv*. 22.12.2002. [Электронный ресурс]. URL: https://www.weiv.co.kr/archives/10892 (дата обращения: 16.05.2025).

499 강경표, 김진숙, 김은진. 청바지: 세계의 물질문화 조사 보고서 [*Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Джинсы: исследование материальной культуры мира]. 서울: 국립민속박물관, 2014. 200 쪽.

500 Территория, где мы думаем только о нас самих. С. 243.

501 백영선. 고고장을 가득 채운 미국식 리듬과 선율 [*Пэ Ёнсон*. Ритмы и мелодии в американском стиле, наполнявшие гоу-гоу клубы] // *IMAZINE*. 1997. 제 4 월호. 117 쪽. Цит. по: *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т. 1. С. 200.

502 김은형. 기타야 사랑해 사랑해 [*Ким Ынхён*. Моя гитара, я люблю тебя] // 한겨레. 17.04.2002. [Электронный ресурс]. URL: https://h21.hani.co.kr/arti/COLUMN/13/4921.html (дата обращения: 16.05.2025).

например, фолк или длинные волосы и другие элементы внешнего облика молодежи воспринимались как *прямое* отражение западных тенденций, активно обсуждаемых в тогдашней прессе. Хотя доступ к этому культурному капиталу был ограничен и элитарен, последующие процессы популяризации и коммерциализации привели к размыванию субкультурных границ – к тому, что «молодежная культура» стала доступной более широкому кругу молодежи.

4.1.2. «Молодежная культура»: рождение идеи

Выражение «молодежная культура» был результатом перевода английского термина «*youth culture*», который начал набирать популярность в американской социологии со второй половины 1950-х гг. Молодежная культура как идея приходит в Республику Корея в конце 1960-х гг. Одним из первых, кто использовал это словосочетание, была Христианская Академия, которая в 1969 г. провела семинар, посвященный американской молодежной культуре[503], но уже в 1970 г. оно становится на слуху у более широкой аудитории, и, хотя и в небольшом количестве, начинает встречаться уже во всех основных СМИ. Можно сказать, что основная роль в популяризации этого термина принадлежала двум людям: Нам Чжэхи, который в февральском выпуске журнала «*Поколение*» напечатал статью «*Теория молодежной культуры*» и Ким Бёнъику, журналисту культурного отдела газеты «*Тона ильбо*», который несколько позже опубликовал заметку под названием «*Рождение "молодежной культуры"*». Эти две статьи представляют два очень разных взгляда на «молодежную культуру»[504], которые в дальнейшем

[503] 청년문화세미나르 [Семинар по молодежной культуре] // 경향신문. 17.05.1969. 5 면; 「청년 문화」 대화 [Диалоги о молодежной культуре] // 중앙일보. 17.05.1969. 5 면.

[504] Обратим внимание на то, что эти авторы использовали и разные слова для обозначения прилагательного «молодежный» в словосочетании «молодежная культура»: *чхончхун* (кор. 청춘) в случае Нам Чжэхи и *чхоннён* (кор. 청년) в случае Ким Бёнъика. Эти термины близки по значению, но различаются по коннотациям: *чхончхун* несет более романтический и ностальгический оттенок, ассоциируясь с «быстротечностью юности», тогда как *чхоннён* является более сухим и официальным обозначением. Как пишет Ли Ёнми, *чхончхун* акцентирует эмоциональные переживания, свойственные периоду молодости, а *чхоннён* подчеркивает «самостоятельность» этого периода и равноправие поколений в обществе. *Lee Y.* You Call That Music... P. 53.

станут основной осью восприятия этого явления и будут задавать динамику дискуссий вокруг него.

«*Теория молодежной культуры*» Нам Чжэхи в основном описывала идею «молодежной культуры» с точки зрения *политических ценностей*, и ее диагноз в отношении южнокорейской «молодежной культуры» заключался в том, что в Республике Корея такого явления пока не существует. Для Нам Чжэхи «молодежная культура» является фактически тождественной культуре студенческой: он начинает свою статью, обильно цитируя источники по деятельности студентов в рамках «внеаудиторной деятельности» по типу кружков, отмечает недовольство студсоветами и приходит к выводу, что студенческая деятельность в целом находится в застое[505].

Нам Чжэхи видит причину отсутствия местной версии молодежной культуры в том, что южнокорейское студенческое движение, в отличие от западных стран, разделяет фундаментальные установки корейского общества. Приводя в пример Апрельскую революцию и протесты против нормализации отношений с Японией в 1964 г., он пишет, что южнокорейские студенты выступают за демократию, национализм, для них важно чувство справедливости – а эти ценности присущи всему корейскому обществу, в том числе старшему поколению[506]. Студенческие движения в *развитых* странах отличаются прежде всего тем, что отвергают «общепринятые истины» (кор. 통념적 진리) и выдвигают новые ценности и идеалы, тем самым стремясь к «качественной революции»: созданию более гуманного общества[507]. Именно такие стремления и позволяют им формировать *молодежную культуру*, то есть культуру, *отличающуюся* от старшего поколения, культуру, которая, стремясь к новым ценностям, является «горнилом, создающим новое поколение»[508].

---

[505] 南載熙. 青春文化論 一 젊은 世代의 文化形成考 [*Нам Чжэхи*. Теория молодежной культуры: культурное развитие молодого поколения] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 教育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и сфера образования*]. 서울: 青藍文化社, 1976. 190–191 쪽.

[506] Там же. С. 192.

[507] Там же.

[508] Там же.

Скептически настроенный к существованию молодежной культуры в Республике Корея Нам Чжэхи, тем не менее, упоминает какие-то зарождающиеся ее формы, которые являются «копией тенденций, популярных за рубежом» (кор. 외국풍조의 모방): например, увлечение игрой на гитаре и прослушивание джаза. У южнокорейской молодежи появляются и собственные кумиры (Чо Ённам, Чхве Ёнхи)[509], но все эти признаки, строго говоря, не являлись, по его мнению, молодежной культурой.

Тем не менее, молодежную культуру *необходимо было сформировать*. Для формирования такой молодежной культуры необходимо было сочетать социальную, политическую и культурную деятельность[510]. В заключение своей статьи Нам Чжэхи так оценивает ее значение для всего общества:

> «Суть молодежной культуры заключается в определенном внутреннем настрое (кор. 정신적 자세): в духе отрицания существующего порядка и стремлении к новому. […] Повторяя слова Кеннета Кеннистона, можно сказать, что молодежная культура освобождает: освобождает от бездумного принятия устоев прошлого, от суеверий, от неразумного подчинения авторитетам (кор. 권위에의 불합리한 예속) и дает возможность свободно выражать свои чувства. Когда молодежь освобождается через эту культуру, она становится более человечной (кор. 인간적), более творческой и более свободной. Если же продолжать цепляться за прежние представления об “общепринятых истинах” и вести студенческое движение в едином, монотонном и шаблонном ключе, то оно так и останется бесплодным»[511].

Таким образом, для Нам Чжэхи главной чертой молодежной культуры являются ее *политические* ценности, и такой ценностный разрыв со старшим

---

[509] Там же. С. 195.

[510] Подробнее об этом см.: 南載熙. 三層피라밋型의 學生運動 [*Нам Чжэхи*. Трехуровневая пирамида студенческого движения] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 28–32 쪽.

[511] *Нам Чжэхи*. Теория молодежной культуры… С. 196–197.

поколением не просто предшествует созданию полноценной молодежной культуры, но и *производит* ее. Нам Чжэхи практически не рассматривает молодежную культуру в качестве социокультурного феномена: он не дает подробных пояснений относительно ее практик и того, как эти ценности могут проявляться в сферах, отличных от политики. Более того, отдельные явления он и вовсе исключает из нее: например, более свободное отношение к сексу в американской молодежной культуре является для него «необязательным элементом».

В ответ на работу Нам Чжэхи журналист культурного отдела «*Тона ильбо*» Ким Бёнъик публикует собственную статью, посвященную южнокорейской «молодежной культуре». В отличие от пессимистичной оценки социолога, Ким Бёнъик предлагает более позитивный и культурно укорененный взгляд: по его мнению, феномен молодежной субкультуры в Республике Корея не только существует, но и быстро развивается, и в этом смысле южнокорейская и западная молодежь обладают рядом схожих черт. Подход Ким Бёнъика отличается широтой: он включает в категорию «молодежной культуры» как интеллектуальный журнал «*Творчество и критика*», так и массовые практики (новая музыка и мода). Он также одним из первых подчеркивает ее связь с массовым потреблением, указывая на то, что именно студенты формируют основную потребительскую базу массовой культуры в стране[512].

Тем не менее, взгляд, представленный Ким Бёнъиком не получил отклика в глазах большинства интеллектуалов: для них молодежная культура являлась нормативным термином, связанным с общественной и политической деятельностью, а само существование таких категорий как «ценностные разрывы» между поколениями в западных странах и вовсе не подвергалось сомнению. Молодежные культуры, зародившиеся там, однако, безоговорочно признавались за силу, за значимое явление, которое через «протест против

[512] *Ким Бёнъик*. Рождение «молодежной культуры».

всего “установленного”»[513] было способно принести пользу общественному развитию. Несмотря на то, что, например, насилие в ходе студенческих протестов в США или «сексуальная распущенность» могли критиковаться некоторыми интеллектуалами[514], такая критика зачастую касалась лишь *применения* этих категорий к Республике Корея. Почти все интеллектуалы того времени сходились во мнении о значимости этого движения *для американского общества* и рассматривали его прежде всего через призму ментального разрыва между старшим и молодым поколениями. В этом смысле конкретные *культурные* различия были для большинства интеллектуалов чем-то второстепенным, а в их статьях можно крайне редко встретить подробные комментарии по поводу моды, музыки или практик американской молодежной культуры. Аналогичным образом оценивались молодежные движения во всех других индустриально развитых странах: они описывались не с критической дистанцией, а скорее с уважением и признанием их в качестве нормативной модели[515]. Эта общая тональность в восприятии западных молодежных культур хорошо ухвачена в обзоре на одну из популярных книг того времени:

> «*Охватившая весь мир* молодежная культура – это сомнение во всяком авторитете, отказ от устоявшихся авторитетов (кор. 자연적인 권위) – возможно, включая и отцовский авторитет – а также выражение антисистемного (кор. 반체제적) и анти-дисциплинарного (кор. 반계율적인) образа мышления.
>
> [...]

---

[513] 金鍾斌. 영 파워 [*Ким Чжонбин*. Young Power]. 서울: 新現實社, 1971. 62 쪽.

[514] *Хван Бёнчжу*. Дискурс движения 1968 г. у южнокорейских интеллектуалов в 1960-е гг. С. 35–71. О восприятии южнокорейским студенческим движением западных протестных движений конца 1960-х гг. также см.: 오제연. 1970 년 전후 한국 학생운동의 새로운 양상과 68 운동의 ‘스튜던트 파워’ [*О Чжеён*. Новые черты южнокорейского студенческого движения после 1970 г. и «студенческая сила» движения 1968 г.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 102–139 쪽.

[515] В качестве примеров см.: 스튜던트 파우어 [Student Power] / 曺街京 外著. 서울: 培英社, 1969. 230 쪽; 젊은이 젊은놈들 [Молодежь, молодые парни] / 崔禎鎬 編. 現代文明과 韓國. 서울: 現代思想社, 1970. 342 쪽; *Ким Чжонбин*. Young Power. 361 с.

> Они могут показаться еретиками XX в. Однако в их стремлении утвердить собственный стиль поведения, в их действиях, через которые они хотят ощутить любовь и мир [собственной] кожей, в их философии, ищущей “сакральность жизни” (кор. 생명의 신성성), можно уловить подлинную серьезность. Возможно, они вовсе не еретики XX в., а пророки своего времени»[516] (выделение наше. — *А.С.*).

Таким образом, уже на раннем этапе теоретического осмысления южнокорейской «молодежной культуры» можно наблюдать влияние западоцентричного дискурса: право на существование «аутентичной» молодежной культуры в Республике Корея связывалось с необходимостью продемонстрировать характеристики, похожие на те, что были в западных странах: в частности, ценностный разрыв между поколениями, сопряженный с политической активностью. Одним из ключевых доводов в пользу отсутствия подлинной молодежной культуры в стране выступала и сохраняющаяся традиционность общества, препятствующая, по мнению некоторых интеллектуалов, формированию радикально иного образа мышления, в результате чего южнокорейская молодежь могла лишь модифицировать существующие культурные формы, а не «преодолевать» их [517] . На первом этапе теоретического осмысления южнокорейской «молодежной культуры» интеллектуалы не воспринимали внешние проявления различий между старшим и молодым поколением, так как они, в отличие от западных молодежных культур, были лишь «внешними изменениями» и «не служили проявлением ценностной разницы»[518].

---

[516] 유석종. 북리뷰: 젊은이 젊은 놈들 [*Ю Сокчон*. Обзор на книгу «Молодежь, молодые парни»] // 한국 YWCA. 1971. 제 19 권. 제 4 호. 29 쪽.

[517] 젊음의 現實과 韓國的風土 [Реальность молодежи и корейская культурная почва] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 168–175 쪽.

[518] 韓東世. 青年文化의 妥當性 [*Хан Донсе*. Обоснованность «молодежной культуры»] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 56 쪽.

Тем не менее, по мере развития феномена «молодежной культуры» становилось все более очевидным, что ее проявления не только существуют, но и требуют концептуального осмысления, требуют *обозначения*. Именно в этом контексте в 1971 г. в рамках дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «*Поколение*», социологи признают, что в южнокорейском студенческом сообществе «процветают лишь некоторые аспекты молодежной культуры, такие как поп-культура и танцы»[519]. Тем не менее, такое выражение «энергии (кор. 정열) молодости» являлось, по словам Нам Чжэхи, лишь «искажением» (кор. 오도)», которое происходило от неправильного понимания того, чем является «истинная» молодежная культура[520].

Таким образом, уже на первом этапе развития «молодежной культуры» в Южной Корее в общественном дискурсе закрепляется ее восприятие как искаженной формы «подлинных» молодежных движений в западных странах. Тем не менее, несмотря на то, что данное явление первоначально воспринималось как временное и не заслуживающее серьезного внимания, отдельные интеллектуалы выступали против государственных репрессий в отношении таких элементов нового стиля как мини-юбки или длинные волосы у мужчин, а также не признавали их частью дискурса «упаднических тенденций» в южнокорейском обществе[521].

Позиция Нам Чжэхи, однако, впоследствии окажется визионерской: студенческая среда, где с начала 1970-х гг. активно происходили процессы политизации, действительно начнет воспринимать «молодежную культуру» как разновидность искажения «подлинной» студенческой культуры. Это,

---

519 金鍾彬.南載熙.李御寧.李英鎬. 韓國의 靑年文化 [*Ким Чжонбин, Нам Чжэхи, Ли Орён, Ли Ёнхо*. Южнокорейская молодежная культура] // 世代. 1971. 제 9 호. 130 쪽.

520 Там же.

521 客談 [Всякая всячина] // 조선일보. 10.10.1971. 3 면;「퇴폐」는 長髮 고고춤이 아니라 "精神的 방황" [«Упадок» – это не длинные волосы и гоу-гоу танец, а «духовное блуждание»] // 조선일보. 30.03.1972. 5 면; 崔錫架. 世代 마찰서 온것 [*Чхве Сокчхэ*. Причина – в межпоколенческом конфликте] // 매일경제. 30.03.1972. 6 면; 표재명. 머리 속의 퇴폐 [*Пхё Чжэмён*. «Упадок» – в головах] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 14 쪽; 청년문화와 퇴폐 풍조 [«Молодежная культура» и упаднические тенденции (пересказ лекции Хан Вансана)] // 한국 YWCA. 1973. 제 21 권. 제 5 호.18–21 쪽.

однако, произойдет лишь после того, как «молодежная культура» перестанет быть исключительно студенческой субкультурой и начнет распространяться среди более широких масс молодежи. И именно на этом, следующем этапе ее развития, «молодежная культура» полноценно вступит, как замечает Син Хёнчжун, в диалог с культурой устоявшейся[522].

4.2. Революция в сфере популярной культуры и дебаты о «молодежной культуре» (1973–1975)

4.2.1. Пик развития «молодежной культуры» в контексте популярной культуры

На втором этапе развития «молодежной культуры» происходит ее полноценное вхождение в популярную культуру, что привело к нескольким значительным сдвигам как в плане художественной формы, так и в плане практик и моды, ассоциирующихся с ней. Для начала, гитарная фолк-музыка, замеченная большими лейблами еще в начале 1970-х гг., пережила свою ключевую трансформацию и перестала, с музыкальной точки зрения, быть жанром, сосредоточенным исключительно на звучании акустической гитары. Большие лейблы начали выпускать сборники популярных фолк-песен, такие как *Golden Folk Album*, *Oasis Folk Festival* и *Young Festival*, чаще всего включавшие в себя произведения нескольких музыкантов, и в рамках одного альбома могли встречаться как песни на акустической гитаре, так и «обычные» поп-песни. Здесь мы можем наблюдать интересный парадокс: несмотря на то, что южнокорейский «фолк» вобрал в себя элементы рока, сложных аранжировок с использованием струнных и духовых инструментов, ритмические и прочие особенности других жанров и т. д., он все равно продолжал называться и рассматриваться как «фолк», даже если песни под аккомпанемент акустической гитары занимали лишь незначительное место на выпускаемых альбомах. В результате этого и Ли Чжанхи, и Ким Сехван, и Сон

[522] *Син Хёнчжун*. Ли Чжанхи и 1970-е гг… С. 63.

Чхансик, и Ким Чжонхо и даже *Onions* продолжали рассматриваться как «исполнители фолк-музыки», как «группа [исполнителей, играющая музыку на] акустической гитаре» (кор. 통기타 부대), хотя на самом деле их песни скорее представляли из себя жанрово крайне разнообразную музыку.

Вероятно, наиболее важным было то, что большинство популярных поп-песен такого формата могло быть без труда *исполнено*, то есть *воспроизведено* на акустической гитаре. Подавляющее большинство этих песен были уже полностью – и *самостоятельно* – написаны на корейском языке[523], а такие темы как «плагиат» были предметом рефлексии[524], в отличие от фолк-песен начала 1970-х гг. Акустическая гитара и относительная легкость игры на ней играла и важную роль распространителя такой музыки – она теперь могла передаваться из уст в уста, причем даже те песни, которые были запрещены государством. Именно так, например, в студенческой среде стали популярны песни Ким Минги. Популярность игры на гитаре и фолк-музыки описывалась в материале «*Чунан ильбо*» следующим образом: «В наши дни почти каждый молодой человек, даже если у него нет слуха, может спеть хотя бы одну фолк-песню. Теперь “фолк” стал чем-то вроде символа молодости и с любовью исполняется молодежью самых разных слоев»[525]. Признаком популярности такой музыки будет массовое появление этих исполнителей на телевидении[526], которое вызвало неоднозначную реакцию старшего поколения. Приведем отрывок из газетной статьи за 1974 г.:

---

[523] См. рефлексию об этом у певицы Ли Сонэ: 李成愛. 선데이 에세이: 대중가요. 미국인도 못알아듣는 영어 노래 불러야 하나 독일 사람들은 절대 외국어로 노래하지 않아 [*Ли Сонэ*. Воскресное эссе: Популярная музыка. «Обязательно ли нам петь песни на английском, который даже американцы не понимают? Немцы, например, никогда не поют свои песни на иностранном языке»] // 선데이서울. 1974. 7 권. 25 호. 37 쪽.

[524] 宋昌植. 혀짜래기 꼬마 [*Сон Чхансик*. Картавый ребенок] // 世代. 1975. 제 9 호. 22–24 쪽.

[525] 이은윤 . 피서지 필수품 「포크송」 [*Ли Ынъюн*. Необходимая вещь на отдыхе – «фолк-песня»] // 중앙일보. 02.08.1974. 4 면.

[526] См. описание процесса подготовки одной из таких программ у Ли Бэкчхона, принимавшего непосредственное участие в ее создании: 이백천. 이연실에서 전인권까지… 노래를 위해 삶을 벗다 [*Ли Бэкчхон*. От Ли Ёнсиль до Чон Ингвона… Пожертвовать жизнью ради музыки] // 新東亞. 2003. 제 5 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://shindonga.donga.com/culture/article/all/13/102441/1 (дата обращения: 16.05.2025).

> «Прошлым воскресеньем многие взрослые выразили удивление после просмотра специальной программы KBS TV под названием "*Марш молодежи*". Для старшего поколения, которое привыкло считать молодых людей с гитарами – в кричащей одежде, с растрепанными длинными волосами, *поющими на английском языке* – пустоголовыми бездельниками, было неожиданным увидеть этих молодых участников «группы [исполнителей, играющая музыку на] акустической гитаре» спокойно сидящими и тихо *исполняющими собственные песни на корейском языке*. Их особенность состоит и в том, что большинство из них сами пишут тексты, сочиняют музыку и исполняют свои песни»[527] (выделение наше. — *А.С.*).

Появлению этих музыкантов на телевидении предшествовал выпуск коммерчески успешных альбомов. Так 1973 г. становится временем прорыва для таких музыкантов, как Ли Чжанхи, Ким Сехван, и Ян Хиын – из всего ряда фолк-музыкантов они одними из первых выпускают альбомы с песнями, которые не просто входят в хит-парады чартов, а занимают там верхние позиции. В 1974 г. за ними последуют Сон Чхансик, Юн Хёнчжу, *Onions*, Ким Чжонхо и многие другие, в частности, рок-музыкант Син Чжунхён. Начиная с этого момента они становятся не просто «кумирами студентов», а кумирами значительной части городской молодежи в целом (в этом смысле особенно заметным было расширение их музыкальной аудитории на школьников и школьниц)[528]. К концу 1974 г. фолк-музыканты уже начали попадать в списки

---

[527] 金善珠. 요란 – 長髮, 탈피 自然을 노래 [*Ким Сончжу*. Бурная реакция на длинные волосы и эскапистские песни о природе] // 조선일보. 03.02.1974. 5 면.

[528] 포크·송 音樂性 없이 퇴패助長 青年문화의 旗手 자처 [Фолк и поп-песни, где отсутствует музыкальность, поощряют упадок: о самоназванных лидерах «молодежной культуры»] // 경향신문. 02.10.1974. 8 면.

По воспоминаниям Юн Хёнчжу, одной из самых заметных популярных групп того периода были *Onions*, которые стремительно завоевали известность после выхода дебютного альбома в 1973 г. Сравнивая их успех с дуэтом *Twin Folio*, в котором он участвовал в конце 1960-х гг., он отмечал: «Если основную аудиторию *Twin Folio* составляли в основном студенты университетов, то песни *Onions* легко находили отклик у самой широкой публики» – в том числе привлекая множество молодых девушек, которые образовывали целые «отряды поклонниц». *Юн Хёнчжу*. Указ. соч. С. 259.

больших музыкальных премий, проводившихся телеканалами, тем самым «окончательно изменив ландшафт популярной музыки»[529].

Похожие процессы происходят и с миром литературы: в 1973 г. молодой писатель Чхве Инхо заканчивает выпуск романа «*Родина звезд*», который затем издается отдельным тиражом и становится бестселлером, за короткое время достигшим практически 200 тыс. проданных экземпляров[530]. В 1974 г. Чо Сончжак выпускает популярный сборник рассказов «*Дни расцвета Ёнчжа*», а Чо Хэиль – «*Америку*». Тем самым они становятся в один ряд с литераторами прошлого: по революционности в изображении чувственности произведения Чхве Инхо, например, сравнивали с «*Мадам Свободой*»[531].

1974 г. стал переломным моментом в развитии южнокорейской «молодежной культуры». Именно в это время можно говорить о ее окончательном переходе от субкультурного явления к полноценному элементу массовой культуры, и символом таких процессов стала статья Ким Бёнъика «*Сегодняшние молодые идолы*»[532], вызвавшая большой резонанс во всем южнокорейском обществе. Автор акцентировал внимание на том, что, в отличие от ранее почитаемых *зарубежных* звезд по типу *Beatles* или Дастина Хоффмана, «молодые идолы» были корейцами и полностью осуществляли культурную деятельность в поле *корейской* популярной культуры. Кроме того, Ким Бёнъик подчеркивал, что «молодежная культура» выходит за пределы университетских кампусов и начинает охватывать более широкие социальные слои[533]. В то же время газета «*Чунан ильбо*» так описывала состояние «молодежной культуры»:

---

[529] 트로트風 퇴조 팝송 크게 脚光 올해의 歌謠界 [Тенденции в мире музыки в этом году: уход трота, стремительный подъем популярности «поп-песен»] // 경향신문. 18.12.1974. 8 면.

[530] 74 年의 「最高」 [Лучшее за 1974 г.] // 경향신문. 27.12.1974. 4 면.

[531] 金炳翼. 七○年代 感性을 明快하게 묘사 小說家 崔仁浩 [*Ким Бёнъик*. Писатель Чхве Инхо, ясно изображающий чувственность 70-х гг.] // 동아일보. 29.03.1974. 5 면.

[532] *Ким Бёнъик*. Сегодняшние «молодые идолы».

[533] Там же.

> «“Молодежная культура” уже заняла ведущие позиции в таких сферах, как литература и шоу-бизнес. Современная молодежь обладает явно отличающимся от старшего поколения стилем одежды, музыкой, языком и формами досуга. «Молодежная культура» в Корее стала массовым и повседневным явлением, *в которое активно включился и коммерческий сектор*. Ярким примером этого служит то, что ранее дорогие районы центра города, служившие местом досуга и торговли взрослых, теперь постепенно заполняются молодежью»[534] (выделение наше. — *А.С.*).

Отражением таких культурных трансформаций стала и знаковая статья упомянутого выше писателя Чхве Инхо «*Декларация “молодежной культуры”*», в которой он подчеркивал, что с возникновением феномена «молодежной культуры» прежняя модель элитарного культурного производства начинает терять свое значение, уступая место новым формам культурного выражения, исходящим от самого молодого поколения, которое, по его мнению, обладает и новым этическим сознанием.

> «Современная “молодежная культура” – это уже не культура, представленная немногими представителями элиты. Сегодняшняя “молодежная культура” возникает из стремления сократить разрыв между разными людьми. […] Раньше культура была нисходящей (от элит к массам) – культурой, где элита могла вести за собой большинство. Но, откровенно говоря, *сегодняшняя “молодежная культура” – это восходящая культура, идущая от “молчаливого большинства” наверх*»[535] (выделение наше. — *А.С.*).

Ключевым медиумом, объединившим различные элементы искусства, связанного с «молодежной культурой», стал кинематограф. Первым прецедентом стал беспрецедентный успех романтической мелодрамы «*Родина*

---

[534] Существует ли молодежная культура в нашей стране?.

[535] *Чхве Инхо*. Декларация «молодежной культуры».

звезд», снятой Ли Чжанхо в 1974 г.: ей удалось привлечь наибольшее на тот момент количество зрителей во всей истории южнокорейского кинематографа (более чем 450 тыс. человек). Особое значение имел тот факт, что сценарий фильма был основан на одноименном произведении Чхве Инхо, а саундтрек к фильму написал один из самых популярных молодых музыкантов того времени, Ли Чжанхи[536]. Такая модель синтеза популярной литературы, новой фолк-музыки и кинематографа была затем повторена в других успешных «молодежных фильмах», таких как «*Вчерашний дождь*», «*Марш дураков*», «*Дни расцвета Ёнчжа*»: все они возглавили прокат в 1975 г., саундтреки к ним издавались отдельно на виниле и занимали высокие позиции в музыкальных чартах. Таким образом, все это создавало единое культурное поле «молодежной культуры», где новые виды литературы, кинематографа и музыки интенсивно взаимодействовали друг с другом, где происходило, как выражался музыкант Кан Гынсик, «перетекание [художественного содержания] между различными средствами массовой информации» (кор. 매체의 넘나듦)[537].

Содержание этих фильмов, изображавших чувственность и эмоциональные переживания молодежи из разных социальных слоев, отражало изменения фокуса «молодежной культуры». Тогда как ранние образцы «молодежного кино»[538] не достигали широкой аудитории, «*Родина*

[536] Подробнее о процессе создания фильма см. воспоминания самого режиссера: *Ли Чжанхо*. Будто дурак, будто странник. С. 81–97.

[537] 공영민. 1970 년대 대중음악과 대중문화의 변화: 음악인 강근식 [*Кон Ёнмин*. Эволюция популярной музыки и популярной культуры в 1970-е гг.: музыкант Кан Гынсик] // *KMDB*. 20.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kmdb.or.kr/history/contents/2604 (дата обращения: 16.05.2025).

[538] Так фильмы «*Студенческая пора*» (1973), «*Первая любовь на Мёндоне*» (1974), «*Автомобиль на воде*» (1974), «*Лето, когда никого не было рядом*» (1974), концентрировались исключительно на университетской молодежи и были скорее репрезентативны для раннего, субкультурного этапа «молодежной культуры». Подробнее см.: 송효정. 감각의 전변, 1970 년대 중반 청년 음악영화의 전개 [*Сон Хёчжон*. Преобразование чувств: развитие молодежных музыкальных фильмов середины 1970-х гг.] // 어문논집. 2023. 제 98 호. 131–166 쪽; 오영숙. 1970 년대 한국영화의 청년표상과 정동정치 [*О Ёнсук*. Образ молодежи и политика аффекта в южнокорейском кино 1970-х гг.] // 한국극예술연구. 2021. 제 71 권. 103–138 쪽.

звезд» сместила внимание на более широкий круг молодежи[539]. Более того, именно благодаря этому фильму жанровое наименование «молодежное кино» стало употребляться в публичном дискурсе[540]. В дальнейшем такие фильмы окажут влияние на образы молодежи в популярном кинематографе в целом. Они, в частности, приведут к «буму» фильмов про хостесс, которые заимствовали типаж главной героини «*Родины звезд*», закрепив его как доминирующий визуальный образ для актрис[541].

Сформировавшее к середине 1970-х гг. культурное поле «молодежной культуры» сопровождалось ростом интереса к ее представителям и изменению их статуса. С начала 1970-х гг. в желтой прессе активно публикуются материалы про певцов, актеров, режиссеров и писателей, ассоциировавшихся с «молодежной культурой»: от интервью[542], рисунков и рассуждений о жизни[543] до колонок, где обсуждались их личная жизнь или слухи, связанные с ними[544], что было еще одним свидетельством их популярности. Эти

---

[539] 경아와 영자와 바보의 告白. 히트 映畵낸 30 代監督 3 人이 털어 놓은 秘話 [Исповедь «Кёна», «Ёнжа» и «дурака»: откровенные признания трех режиссеров в возрасте за 30, снявших кассовые хиты] // 선데이 서울. 1975. 제 8 권. 제 31 호. 14–15 쪽.

[540] 李柱赫.「青年映畵」에는 英雄이 없다 [*Ким Чжухёк*. В «молодежном кино» нет героев] // 조선일보. 30.04.1974. 5 면; 김병렬. 青年文化와 青年映畵 [*Ким Бённёль*. «Молодежная культура» и «молодежное кино»] // 영화. 1974. 제 2 권. 제 7 호. 67–68 쪽;

[541] 女俳優는 淪落女라야 출세한다 [Актриса добивается успеха, только если играет «падшую женщину»] // 선데이서울. 1975. 8 권. 13 호. 59 쪽. 28–29 쪽. Киновед Ли Хоголь подчеркивает, что именно молодые режиссеры закрепили нарративные и стилистические каноны «фильмов про хостесс». Через репрезентацию жизненного пути оказавшейся на периферии общества героини-хостесс они тем самым стремились аллегорически показать процессы эксплуатации социально уязвимых групп в условиях авторитарной модернизации, хотя и, по ее мнению, часто сексуально объективизировали женщин (*Ли Хоголь*. Указ. соч. С. 115). В свою очередь, Ю Сонъён указывает на то, что жанр «фильмов про хостесс», который несмотря на кризис «молодежной культуры» после 1975 г. переживал расцвет вплоть до конца 1970-х гг., возможно понимать в русле «анти-системной тенденции [внутри] “молодежной культуры”» и изменившейся сексуальности молодого поколения. Тем не менее, такие изначально присущие «молодежным фильмам» «элементы контркультурности» были «коммерчески и художественно переосмыслены», в том числе и благодаря самим ключевым фигурам «молодежной культуры». *Ю Сонъён*. Проект «сверхнационализации» и фильмы про хостесс. С. 349–351.

[542] 일러스트 인터뷰 – 가수 金世煥 [Иллюстрированное интервью: музыкант Ким Сехван] // 선데이서울. 1974. 7 권. 3 호. 59 쪽. 80–81 쪽.

[543] 인기포크싱어 DJ 개그맨의 戲画 落書展 [Выставка рисунков популярных фолк-певцов, диджеев и комиков] // 선데이서울. 1974. 7 권. 30 호. 88–89 쪽.

[544] 장가들고 바빠요 李章熙 1 人 10 役 [«Женился – стал занят»: Ли Чжанхи, исполняющий 10 ролей одновременно] // 선데이서울. 1974. 7 권. 33 호. 12–13 쪽.

знаменитости становятся своеобразными «проводниками» западной культуры: например, писатель Чхве Инхо в 1974 г. издал книгу о своем кругосветном путешествии, где Америка и Европа представлялись «потрясающим, захватывающим дух миром»[545]. Многие популярные музыканты начинают пробовать себя и в качестве диджеев музыкальных радиопередач[546].

Популяризация «молодежной культуры» сопровождалась и трансформациями в потребительских практиках. Начинает расти количество магазинов, продающих джинсы в районах около университетов[547], отделы, продающие этот товар, также начали появляться универмагах, а в обычных ателье одежды стали предлагать дизайн в «джинсовом стиле»[548]. Большинство таких джинс было уже местного производства, и они лишь *выдавались* за импортный американский товар[549]. Расширяется стилевой диапазон моды, связанной с «молодежной культурой», например, особую популярность среди молодежи также получают футболки[550], в том числе и футболки с надписями, которые были «очевидным заимствованием из западной моды»[551]. Все эти процессы стали возможными благодаря развитию индустрии готовой одежды, которое со стремительной скоростью происходит в 1970-е гг.[552]

스타의 프라이버시〈李長鎬〉 [Личная жизнь звезд: Ли Чжанхо] // 선데이서울. 1975. 8 권. 13 호. 59 쪽.

[545] *Ли Сонук*. Указ. соч. С. 101. Вместе с тем, как показывает Юн Чжонхва, такой «культурный перевод» основывался на *адаптации* западных реалий для южнокорейской аудитории и зачастую осуществлялся с *критической* точки зрения. 윤정화. 1970 년대 최인호 소설에 나타난 '미국문화' [*Юн Чжонхва*. Образ «американской культуры» в романах Чхве Инхо 1970-х гг.] // 비평문학. 2012. 제 53 호. 155–182 쪽.

[546] Среди таких музыкантов Син Хёнчжун приводит в пример Ко Ёнсу, Ли Пхильвона, Ли Чжанхи, Юн Хёнчжу, Ли Чжин и группу *Shegreen*. *Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа. С. 401. Добавим, что одним из самых известный диджеев была и Ян Хиын.

[547] 金東炫. 르뽀: 젊은 世代 [*Ким Донхён*. Репортаж: молодое поколение] // 新東亞. 1974. 제 7 호. 152 쪽.

[548] 진스타일 專門店 [Магазины, специализирующиеся на джинсах] // 매일경제. 08.11.1975. 6 면.

[549] *Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Указ. соч. С. 200. Одна из газетных статей также приводит данные, что 80% «импортных» джинс на самом деле были произведены в Южной Корее и являлись подделками (Магазины, специализирующиеся на джинсах), а некоторые журналы публиковали руководства, как отличить поддельные джинсы от настоящих. 젊음의 멋 – 블루진 [Стиль молодости: джинсы] // 선데이서울. 1974. 7 권. 17 호. 38–39 쪽.

[550] 패션의 흐름 (9) T 샤쓰 [Тенденции в мире моды (9): Футболки] // 매일경제. 18.05.1974. 6 면; 패션의 흐름 (11) T 샤쓰 [Тенденции в мире моды (11): Футболки] // 매일경제. 15.06.1974. 6 면.

[551] 스포티한차림 유행 [Мода на спортивный стиль] // 매일경제. 13.04.1974. 6 면.

[552] *Ким Сохён, Ём Хечжон*. Указ. соч. С. 324; 326. Среди южнокорейских марок джинсов, появившихся в то время, следует выделить такие бренды, как «*Пэн Пэн*», «*Чанвон*», *Big Boy* и *Hound*. 이정덕. 외국문화요소의

Примечательно, что южнокорейское дизайнерское сообщество реагировало на такие изменения в моде крайне положительно:

> «Жизнь молодых людей в плане одежды стала гораздо более чувственной. Волна хиппи-моды и джинсов стала уже обыденным явлением и в нашем обществе, и изящная молодежная мода Запада начала активно приживаться среди нашей молодежи. Дизайнер Нора Но по этому поводу отметила, что считает это положительным явлением, потому что так мы быстрее можем дышать в унисон с молодежью других стран» [553].

Некоторые из дизайнеров, например Андре Ким, занимались созданием костюмов для выступлений музыкантов [554]. Мода «молодежной культуры» активно появлялась на первых страницах еженедельных журналов, а некоторые популярные музыканты (например, Ким Сехван) даже участвовали в показе мод[555]. Они становятся важными источниками распространения моды «молодежной культуры», так как многие молодые люди начинают подражать их внешнему стилю [556]. Например, многие молодые музыканты-мужчины носили длинные волосы, и тем самым, как с тревогой отмечала «*Кёнхян синмун*», «волна длинноволосых охватила всех – от популярных звезд до разносчиков угля и банщиков»[557].

수용과 소비의 문화정치학: 청바지의 사례 [*Ли Чжондок*. Принятие элементов зарубежной культуры и культурная политика потребления: случай джинсов] // 한국인의 소비와 여가생활 [*Потребление и досуг корейцев*]. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2012. 94 쪽.

[553] Мода на спортивный стиль.

[554] *Син Хёнчжун*. Ли Чжанхи и 1970-е гг… С. 59.

[555] 앙드레金 남성모드쇼 [Мужской показ мод от дизайнера Андре Кима] // 동아일보. 23.07.1974. 5 면.

[556] *Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Указ. соч. С. 229. Ли Чжондок. Указ. соч. С. 94. Одним из самых известных представителей «молодежной культуры» была фолк-исполнительница Ян Хиын, носившая джинсы. Изначально она делала это из-за удобства, однако впоследствии джинсы стали главным компонентом ее образа (*Ян Хиын*. Недостижимая любовь. С. 146–152). Подробнее про прогрессивное значение образа Ян Хиын в контексте «молодежной культуры» 1970-х гг. см.: 이영미. 청년문화에 여성의 자리는 있는가? [*Ли Ёнми*. Какова была роль женщин в «молодежной культуре»?] // 인물과사상. 2016. 제 6 월호. 154–157 쪽.

[557] 그실태와 震源을 알아보면 숨바꼭질 長髮단속 [Реальное положение дел и источник волнений: *чанбаль тансок* и «игра в прятки»] // 경향신문. 26.07.1975. 4 면

Расширялись и романтические практики, связанные с «молодежной культурой»: ранее ограниченные университетской средой, они стали достоянием более широких слоев молодежи. Популярность набирали коллективные свидания в формате «*гоу-гоу митхин*», которые сочетали в себе поход в гоу-гоу клуб или *табан* с групповыми свиданиями, а также другие форматы свиданий[558], появляется и новый специфический сленг, связанный с романтическими отношениями[559]. Сам формат отношений между молодыми мужчинами и женщинами также проходил через быстрый процесс трансформации: например, по наблюдению СМИ, исчезал длительный «период нерешительности» перед отношениями, характерный для 1960-х гг., и теперь решения о начале отношений принимались гораздо быстрее – до такой степени, что Ким Донхён сравнивает их с «продуктами быстрого приготовления»[560].

Инфраструктурное развитие «молодежной культуры» проявилось и в формировании новых районов ее распространения: к середине 1970-х гг. ее центром стал район Чонно, который отличался более низкими ценами по сравнению с Мёндоном[561]. Здесь также возникали кафе, гоу-гоу клубы и прочие места встреч молодежи, и, несмотря на жесткие меры, предпринимаемые властями, количество таких мест не сокращалось, а основными их посетителями уже были сами корейцы, а не иностранцы[562]. Более того, их посещали не только студенты, но и школьники[563], что свидетельствовало о полном слиянии «молодежной культуры» с массовой.

---

[558] 李丙疇. 미팅 [*Ли Бёнчжу*. Митхин] // 한국일보. 10.04.1974. 5 면; *Ким Донхён*. Указ. соч. С. 154.

[559] 徐廷範. "良心은 外出하고 盜선생은 보초서고" [*Со Чжонбом*. «Совесть вышла погулять, а вор стоит на страже»] // 조선일보. 25.06.1974. 5 면.

[560] *Ким Донхён*. Указ. соч. С. 160.

[561] 이영미. 광화문 연가 [*Ли Ёнми*. Песня о любви к Кванхвамуну]. 서울: 예담, 2008. 177 쪽.

[562] 頹敗의 温床…고고클럽 實態 [Плодородная почва для развития упадка… Реальность гоу-гоу клубов] // 경향신문. 04.11.1974. 6 면.

[563] 高校生에 돈받고 고고춤가르쳐 [Подозреваемый получал деньги за обучение старшеклассников танцу гоу-гоу] // 경향신문. 29.04.1975. 6 면; 200 여 남녀高校生 대낮에 「고고파티」 카바레主人 등 둘 拘束 [Около 200 старшеклассников участвовали в дневной гоу-гоу вечеринке: задержаны двое подозреваемых, включая

4.2.2. Хан Вансан, дебаты о «молодежной культуре» и маргинализация концепта молодежной культуры

Наиболее влиятельной и самой цитируемой работой, посвященной южнокорейской «молодежной культуре» 1970-х гг., является книга Хан Вансана «*Современное общество и молодежная культура*», вышедшая в конце 1973 г. В этой книге Хан Вансан рассматривает не только широкий спектр современных ему теорий молодежных культур, но и пытается применить их к анализу западных молодежных движений, таких как хиппи, а затем и к феномену южнокорейской «молодежной культуры». Для него ключевой проблемой, которую «решает» участие в молодежной культуре, является проблема идентичности молодого поколения [564], а сами формы молодежных культур являются укорененными в социокультурной структуре самого общества[565].

Хан Вансан подчеркивает, что в строгом смысле доминирующего типа культуры в Республике Корея не существует, поскольку корейская культура была «слишком запутанной, нестабильной и внутренне противоречивой». Это, с его точки зрения, делало трудным появление «полноценной субкультуры молодежи», которая будет «содержать [в себе] нормы, позволяющие различать морально допустимое и недопустимое», а также «сдерживать чрезмерные и необоснованные желания» [566]. Такими характеристиками, по его мнению, обладали только западные молодежные культуры. «Здоровая» южнокорейская «молодежная культура» оказывалась тем, что *необходимо было сформировать*, и Хан Вансан дает ей следующие характеристики:

> «Сегодняшняя молодежная культура должна укореняться в народной культуре (кор. 서민문화), что означает разрыв с культурой коммерциализма (кор. 상업주의문화). Молодежная культура – это не

владельца кабаре] // 조선일보. 16.12.1975. 7 면; 行樂과 퇴폐風潮의 距離 [Улица развлечений и упаднических тенденций] // 경향신문. 04.11.1975. 2 면; *Ким Мёнхван, Ким Чжунсик*. Указ. соч. С. 257.

[564] *Хан Вансан*. Современное общество и молодежная культура. С. 13.

[565] Там же. С. 24.

[566] Там же. С. 93–94.

товар для продажи, не стандартизированный продукт, предназначенный для рынка. Молодежная культура – это культура, которую необходимо постоянно творить. Она должна служить источником энергии (кор. 원동력), устраняющим застой (кор. 침체) и абсурд (кор. 부조리) в нашем обществе, способствовать его развитию, делать его разумным и упорядоченным (кор. 조리 條理). Я уже упоминал, что, в отличие от США, южнокорейская “молодежная культура” – это не просто субкультура внутри доминирующей культуры (кор. 주도문화). Как я уже неоднократно указывал ранее, [наша] доминирующая культура сама по себе не может избежать [внутреннего] конфликта (кор. 상극성) и находится в кризисе, поэтому корейская молодежная культура должна внести свой вклад в создание справедливой и адекватной ведущей культуры. Именно в этом заключается историческая миссия (кор. 시대적 사명) корейской молодежной культуры.

Если молодежная культура становится похожа на дешевую коммерческую культуру (кор. 상업 문화) или остается на уровне легкой культуры развлечений (кор. 가벼운 오락문화), то мрачным окажется не только будущее корейской молодежи, но и всей корейской нации. Корейская молодежная культура должна уметь творчески разрешать скрытые противоречия между массовой культурой (кор. 대중문화) и доминирующей культурой (кор. 지배문화)»[567].

Уже здесь можно увидеть негативное отношение к существующим формам молодежной субкультуры в Республике Корея, которые Хан Вансан не упоминает, но, очевидно, подразумевает. Такая оценка южнокорейской «молодежной культуры» основывалась на очень специфическом и идеализированном восприятии западных молодежных культур, не

[567] Там же. С. 105.

учитывающим их реальные особенности развития[568]. Хан Вансан, по сути, воспроизводит западоцентричный дискурс *хучжингук-сончжингук*: западные молодежные движения функционировали как контркультуры, направленные на преодоление разрыва между провозглашенными идеалами и социальной реальностью, мобилизующие энергию молодежи на цели культурного переустройства, то есть были *значимым культурным явлением* (отметим и то, что Хан Вансан не анализирует конкретные культурные практики западной молодежи). В противоположность этому, южнокорейская «молодежная культура» (практики которой он также даже не упоминает) в его трактовке оказывается явлением, лишенным положительных характеристик. Он лишь допускает ее потенциальное наличие в форме субкультуры, не аргументируя это, однако, эмпирически.

Другой причиной, по которой «здоровая» молодежная культура должна была быть создана, заключалась в том, что в Республике Корея уже существовала «достаточно сильная нездоровая (кор. 불건전하다), девиантная (кор. 비행적) молодежная культура», под которой он понимал прежде всего преступную субкультуру молодежи[569]. По его мысли, молодежь, сталкиваясь с «блужданием» и разочарованием, могла легко стать частью этой девиантной субкультуры, пытаясь «нетворчески» решить возникшие перед ними проблемы [570]. Мысль о том, что невозможность создать «здоровую» молодежную культуру приведет к развитию девиантных форм субкультурной деятельности очень важна: именно она, пусть и в несколько измененном виде, займет доминирующее положение во второй половине 1970-х гг.

Катализатором обсуждения сущности «молодежной культуры» в Республике Корея станет публикация статьи «*Сегодняшние "молодые идолы"*» за авторством уже упомянутого Ким Бёнъика в конце апреля 1974 г.

---

[568] В частности, о роли коммерциализации в эволюции движения хиппи см.: *Frank T.* The Conquest of Cool: Business Culture, Counterculture, and the Rise of Hip Consumerism. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 322 p.

[569] *Хан Вансан*. Современное общество и молодежная культура. С. 100–101.

[570] Там же. С. 69.

Теоретическая концепция «молодежной культуры», предложенная Ким Бёнъиком, представляет собой попытку описания молодежи как «нового социокультурного субъекта» [571] посредством выделения специфических культурных признаков, отличающих молодежь от старшего поколения. В отличие от других участников дискуссии о «молодежной культуре», Ким Бёнъик не идет от нормативного понятия «молодежной культуры», а, как он сам позднее выразиться, попытался взять на вооружение «культурологический, почти археологический подход к исследованию сознания»[572]. В этом смысле для Ким Бёнъика, чтобы понять социальную и политическую активность молодежи (то, что старшее поколение называет «девиацией»), нужно сначала понять и выявить ценности, скрытые в их повседневных привычках[573].

Ким Бёнъик называет джинсы, различное пиво и акустическую гитару «новой “одеждой” молодежного движения» и выделяет пять «идолов» молодежи, куда входят музыканты (Ян Хиын, Ким Минги и Ли Чжанхо), литераторы (Чхве Инхо), комики (Ли Соннён) и даже игрок в бадук Со Бонсу. Ким Бёнъик понимает «молодежную культуру» как максимальный широкий спектр, который включал в себя диапазон от популярной культуры (например, гоу-гоу танцев) до тенденций по переосмыслению корейской традиции, выражавшихся, к примеру, в движении по возрождению *тхальчхум*[574]. Для него, однако, все такие культурные изменения служат индикатором глубоких сдвигов в системе ценностей и сознания молодежи. Он критикует применение категорий «упадка» к современной молодежи и, называя современную молодежь «скорее контркультурной (кор. 반문화적), нежели некультурной

---

[571] *Ли Гихун*. Молодежь, молодежь, наша молодежь. С. 306–307.

[572] 金炳翼. 青年文化와 매스컴 [*Ким Бёнъик*. «Молодежная культура» и масс-медиа] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 敎育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и сфера образования*]. 서울: 靑藍文化社, 1976. 229 쪽.

[573] Там же.

[574] *Тхальчхум* (кор. 탈춤) – корейское традиционное театрализованное представление, объединяющее танец, пение и элементы драмы. В ходе таких преставлений исполнители, надевая изображающие персонажей или животных маски, сатирически воспроизводят повседневные типажи и поднимают различные социальные вопросы. В 1970-е гг. *тхальчхум* получил значительную популярность в университетах. Подробнее см.: *О Чжеён*. Формирование университетской культуры и студенческого движения в 1970-е гг. С. 93–97.

(кор. 비문화적)», и говорит о том, что молодежь, «высмеивая бессилие старшего поколения и “замкнутую на себе реальность”, проявляет наивную дикость (кор. 순진한 야성)», и эта дикость в дальнейшем может стать «новым вином», которое «должно наполнить новые мехи, способные преодолеть политические разочарования и общественный пессимизм»[575]:

> «Их сила заключается в ненависти к лжи, насмешке над пустословием (кор. 허황함), критике праздности (кор. 안일), нападках на шаблонность (кор. 상투성) и грусти о том, что им приходится молчать. Иногда их отношение к жизни проявляется в крайнем нигилизме, иногда – развивается в духе радикального экспериментаторства, иногда они блуждают в наивной чувственности (кор. 관능) и фантазиях или участвуют в яростных демонстрациях, но при всем этом в них последовательно течет неприкрытая любовь к человеку, стремление к обществу, где все равны, и горячее стремление к свободе»[576].

Статья Ким Бёнъика вызвала острую полемику в СМИ, которая в дальнейшем получит название «дебатов о “молодежной культуре”». Критика социологов, участвовавших в этой дискуссии, была направлена на два аспекта: во-первых, на придание повседневным действиям по типу ношения одежды избыточного, по их мнению, критического значения, и во-вторых, на позитивную оценку популярной культуры как пространства проявления «молодежной культуры». Среди студентов особенно резкую реакцию вызвало включение в категорию «молодых идолов» именно представителей поп-культуры, таких как Ли Чжанхи, Ян Хиын и Ли Саннёль, а также утверждение о связи «молодежной культуры» с практиками потребления и модой.

Так в рамках дискуссий о феномене «молодежной культуры» Хан Вансан во многом воспроизводит ключевые положения, ранее изложенные им в работе «*Современное общество и молодежная культура*». Он подчеркивает,

---

[575] *Ким Бёнъик*. Сегодняшние «молодые идолы».
[576] Там же.

что в условиях отсутствия в корейском обществе устойчивой доминирующей культуры, так называемая «молодежная культура» оказывается лишь поверхностным заимствованием западных образцов, а поэтому лишена подлинной творческой самостоятельности. В результате, интегрируясь в сферу массовой культуры, она теряет аутентичность и превращается в искажение (кор. 굴절) и «низкопробную массовую культуру» (кор. 저질 유행 문화)[577].

В ходе дебатов основной массив критики «молодежной культуры» исходил от интеллектуалов и студентов, и в их критическом взгляде проявлялась двойственность восприятия «молодежной культуры»: она, с одной стороны, она была поверхностной и бессодержательной, с другой – была и угрозой, подрывавшей корейские традиции. Тема традиции в целом возникает с того времени, как обретает популярность искусство, ассоциирующееся с «молодежной культурой» [578], однако в рамках этой дискуссии она начинает проявляться гораздо более остро. Так, южнокорейские интеллектуалы обвиняют «молодежную культуру» в том, что она была не только «культурой западного “молодежного бунта”, принесенная в Корею под именем свободы», но и «троянской лошадью, несущей элементы агрессии, которые безжалостно разрушают традиционные ценности Кореи»[579]. Критические оценки были характерны для подавляющего большинства

---

[577] 韓完相. 旣成複寫品의 젊음엔 來日이 없다 [*Хан Вансан*. У молодости, которая является копиями готовых шаблонов, нет будущего] // 조선일보. 02.05.1974. 5 면. Подобная мысль в слегка измененном виде встречается в практически всех работах Хан Вансана того времени. См., например: 韓完相. 青年文化는 創造的이라야 [*Хан Вансан*. «Молодежная культура» должна быть творческой] // 경향신문. 22.05.1974. 5 면; 韓完相. 現代青年文化의 種問題 [*Хан Вансан*. Проблемы современной «молодежной культуры»] // 新東亞. 1974. 제 7 호. 112–128 쪽; 韓完相. 青年文化와 敎育風土 [*Хан Вансан*. Молодежная культура и образовательная среда] // 社會變化에 對應하는 生活指導 [*Наставничество, реагирующее на социальные изменения*]. 서울: 서울特別市敎育委員會, 1975. 74–90 쪽; 韓完相. 創造的인 大學文化 [*Хан Вансан*. Творческая университетская культура] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 128–134.쪽.

[578] *Чон Мичжо, Ян Хиын, Пак Ёнгу, Хан Донсе, Хван Чжонтхэ*. Указ. соч. С. 194–203.

[579] 李圭秦, 崔永鎬, 李永德. 西歐에 오염된 아시아의 恥部 [*Ли Гютхэ, Чхве Ёнхо, Ли Ёндок*. Позорная сторона Азии, «загрязненной» Западом] // 조선일보.13.07.1974. 3 면.

интеллектуалов, с той лишь разницей, что некоторые из них с пиететом относились к *западной* молодежной культуре, тем самым воспроизводив дихотомию между «хорошей» молодежной культурой на западе и «некачественной» молодежной культурой в Республике Корея[580].

Группой, наиболее активно критиковавшей молодежную культуру, было студенчество[581]. Репрезентативным примером критического отношения к этому феномену была статья «*Пришло время услышать истинные голоса*», написанная студентами Сеульского университета. Приведем оттуда цитату:

> «Такие *токкэби*-подобные[582] термины [как “молодежная культура”] получили широкое распространение именно благодаря огульному применению чуждых нашему обществу западных моделей. Именно по этой причине неказистые гитары или джинсы могли по отдельности претендовать на подлинность. Однако столь пышно начавшаяся в масштабах всей страны “эпоха молодежной культуры”, похоже, постепенно подходит к концу. Как бы ни провозглашали ежедневные газеты и телестанции лозунги вроде “развития молодежной культуры” или “возрождения молодежной культуры”, все это в итоге не

[580] 青年文化의 세계 [Мир «молодежной культуры»] // 동아일보. 01.05.1974. 2 면; 朴英惠. 青年文化 [*Пак Ёнхе*. «Молодежная культура»] // 조선일보. 15.05.1974. 5 면.

[581] Обзор взглядов студентов и преподавателей на «молодежную культуру приведен в: 青年文化 誤導되고있다 [Молодежная культура идет по ложному пути] // 경향신문. 07.05.1974. 5 면. Стенограмму одной из студенческий дискуссий см. в: 金雄光, 閔丙淑, 李亨在, 張建春. 통기타-청바지가 旗手는 될수없다 [*Ким Унгван, Мин Бёнсук, Ли Хёнчжэ, Чан Гончхун*. Гитара и джинсы не могут быть знаменем «молодежной культуры»] // 조선일보. 14.05. 1974. 5 면. Обзор на ответ студенческих медиа см. в: *Сон Ыньён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры… С. 428–429; *Чу Чханъюн*. Политика поколенческого дискурса... С. 89–91; *Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления… С. 141–145.

[582] *Токкэби* (кор. 도깨비) – обладающий магической силой мифологический персонаж корейского фольклора, способный как помогать людям, так и шалить, испытывая их смекалку и нравственные качества. Подробнее см.: 임동권. 도깨비 [*Им Донгвон*. Токкэби] // 한국민족문화대백과사전. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0015527 (дата обращения: 16.05.2025).

способно преодолеть [собственную] ограниченность, подобную *ккактуги*[583], перемешанным с маслом»[584].

Парадоксальным образом проникнутая национализмом критика «молодежной культуры» со стороны студентов и интеллектуалов по своей логике оказалась во многом тождественной позиции государства, которое воспринимало ее исключительно как проявление западных «упаднических влияний»[585]. В ходе дебатов о «молодежной культуре» существовали попытки отделить «аутентичные» формы «молодежной культуры» от коммерческой массовой культуры: например, Хан Вансан предложил разделение на три типа «молодежной культуры» (активистов; тех, кто сосредотачивается на переосмыслении традиционной культуры; ориентированной на массовую аудиторию «молодежной культуры» как части популярной культуры)[586]. Тем не менее, само введение такого тройного деления фактически означало окончательную маргинализацию самого этого понятия. Еще с начала 1970-х гг. в интеллектуальной среде этот термин начал отождествляться с «вульгарной массовой культурой», что способствовало его постепенному вытеснению из публичного дискурса, а впоследствии первые два типа «молодежной культуры» (которые, заметим, себя «молодежной культурой» не считали) были интегрированы в концепцию *минчжун*, в разработке которой Хан Вансан будет непосредственным образом участвовать[587].

Итоги дебатов о «молодежной культуре» были максимально прямолинейно зафиксированы Ли Чжухёком, корреспондентом «*Чосон ильбо*»: «Действия, разрушающие существующие культурные рамки, разумеется, не

---

[583] *Ккактуги* (кор. 깍두기) – разновидность *кимчхи*, представляющая собой нарезанную крупными кубиками редьку, ферментированную в смеси соли, красного перца, чеснока, имбиря и других приправ.

[584] 지금은 眞正한 목소리가 들려야 할 때다 [Настал момент услышать истинные голоса студентов] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 敎育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и сфера образования*]. 서울: 靑藍文化社, 1976. 224 쪽.

[585] *Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»… С. 217.

[586] *Но Чжэбон, Ли Орён, Чхве Инхо, Хан Вансан, Хён Ёнхак, О Гапхван*. Указ. соч. С. 146.

[587] 정수복. 한완상과 비판사회학의 형성 [*Чон Субок*. Хан Вансан и формирование критической социологии в Республике Корея] // 한국사회학. 2017. 제 51 권. 제 1 호. 359–398 쪽.

всегда подкреплены “новым сознанием”. Многие люди слепо бросаются в болото чувственности и удовольствий»[588]. Таким образом, как верно отмечает Ким Сонхван, феномен молодежной культуры, который в других странах получил статус «революции» и в целом стал мировым событием, в Республике Корее «был сведен к проявлению незрелости, выражающейся в буйстве чувств и маргинальности»[589]. Как впоследствии говорил Чхве Инхо, «в студенческом движении “молодежную культуру” рассматривали как проявление коммерциализма, тогда как власть видела в нас [проявление] упадка. Так получилось, что “молодежная культура” оказалась в “серой зоне” (кор. 회색분자). Для одних мы выглядели так, будто, выпивая и поя песни, стараемся забыть о системе Юсин, для других же – как распущенные юнцы с длинными волосами, курящие марихуану»[590].

Маргинализация «молодежной культуры», произошедшая в ходе дебатов 1974 г., имела далеко идущие последствия, так как окончательное концептуальное отождествление ее явлений исключительно с упаднических влияниями западной культуры и коммерциализма, а также представления о ее «незначимости» и «внутренней пустоте» нормализовали не только любую критику, но и репрессивные меры против нее. Именно в этом контексте стоит рассматривать события конца 1975 г., известные как «марихуановый скандал», во время которого значительное число музыкантов, актеров, режиссеров и комиков, ассоциирующихся с «молодежной культурой», было арестовано по обвинению в употреблении марихуаны[591]. И хотя их тюремное заключение

---

588 이주혁. 탈선 관광・고고춤이 몰고온 문제들 [*Ли Чжухёк*. Проблемы, вызванные девиантным туризмом и гоу-гоу танцами] // 새가정. 1974. 12 월호. 69 쪽.

589 *Ким Сонхван*. Чаяния массовой литературы… С. 50.

590 이근미. 初老에 접어든 30 년 전 青年文化의 騎手들을 찾아서 [*Ли Гынми*. В поисках постаревших деятелей «молодежной культуры», которые 30 лет назад были ее ведущей силой] // 월간 조선. 1997. 제 7 호. [Электронный ресурс]. URL: https://monthly.chosun.com/client/news/viw.asp?ctcd=&nNewsNumb=199907100036 (дата обращения: 16.05.2025).

591 Подробнее см.: *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т. 2. С. 298–202; 박태균. 연예인 대마초 사건 논쟁 [*Пак Тхэгюн*. Дискуссии вокруг знаменитостей, попавших в «марихуановый скандал»] // 논쟁으로 읽는 한국 현대사 [*Новейшая история Республики Корея, рассмотренная сквозь призму споров и дебатов*] / 김호기, 박태균 지음. 서울: 메디치미디어, 2019. 175–181 쪽.

было краткосрочным, почти все из них подверглись остракизму, и впоследствии им было запрещено заниматься какой-либо публичной деятельностью. Сама логика, по которой такие репрессии были допустимы и могли быть оправданы, была подготовлена именно дебатами 1974 г. Как писал один из обозревателей «*Тона ильбо*» в 1978 г.:

> «Так называемые “марихуановые певцы” стали социальной проблемой не просто потому, что они курили марихуану, а потому, что, вместо того чтобы выражать сопротивление (кор. 저항) и протест (кор. 반발) против существующего порядка и социальной системы, они бездумно копировали (кор. 수용) и подражали (кор. 모방) внешней оболочке западной молодежной культуры. Они столкнулись с общественным осуждением потому, что не создали (кор. 창조) продуктивной культуры (кор. 생산적 문화) и не имели внутренней ценностной ориентации (кор. 내재적인 가치지향성)»[592].

Дебаты о «молодежной культуре» имели и другие важные последствия с точки зрения парадигмы восприятия молодежи. Как замечают Ким Синиль и Кан Дэгын, завершение этих дебатов ознаменовало собой переход от попыток *понимания* молодежи с ее собственной, субъективной точки зрения к восприятию молодежи как *объекта воспитания и управления*, и уже ко второй половине 1970-х гг. акцент общественных дискуссий сместился на выработку «мер против молодежных проблем»[593].

---

[592] 金洪信. 서울凹凸 (54) 대마초 가수 [*Ким Хонсин*. Неровности Сеула (54): «марихуановые певцы»] // 동아일보. 22.12.1978. 4 면.

[593] 김신일, 강대근. 한국의 청년과 청년문화에 관한 연구경향과 방향 [*Ким Синиль, Кан Дэгын*. Тенденции и направления молодежных исследований и исследований молодежной культуры в Республике Корея] // 청년연구. 1983. 제 6 집. 19 쪽

4.3. Распад и кризис «молодежной культуры» в контексте моральной паники (1976–1979)

С нашей точки зрения, если до «марихуанового скандала» «молодежная культура» в Корее существовала как относительно *целостное явление в рамках популярной культуры*, сочетавшее в себе движение в искусстве, моду и практики, характерные для молодежи, то после него эта однородность была существенно нарушена. В частности, наибольшим образом пострадало искусство, связанное с «молодежной культурой», хотя и сами жанровые явления этой культуры не исчезли, продолжив свое существование в трансформированном виде. Причина этого лежит в том, что они были интегрированы в поле массового потребления, и трансформации таких художественных форм были продиктованы не только политическим давлением извне, но и внутренними факторами. В качестве примеров можно привести проводившиеся при поддержке крупных телеканалов во второй половине 1970-х гг. «*Фестиваль университетской песни*» и «*Пляжный музыкальный фестиваль*», где выступали фолк- и рок-исполнители, хотя сами эти фестивали существовали в рамках институционального контроля государства и были консервативны с эстетической точки зрения [594], а студенческое протестное движение проявляло крайнюю враждебность к такой «молодежной культуре», создаваемой масс-медиа[595].

Наиболее ярко такая трансформация проявилась на телевидении: с середины 1970-х гг. участие в телепрограммах стало возможным лишь при условии соблюдения жестких требований. Стиль, ассоциируемый с «хиппи», исключался по умолчанию, а тематика песен должна была быть лишена «декадентских» и протестных мотивов. На первый план выдвигалось то, что Вон Ёнчжин называет «гигиеничностью» (кор. 위생성) образа: хотя большинство участников таких фестивалей были студентами и выступали с

[594] 이영미. 대마초사건, 그 1975 년의 의미 [*Ли Ёнми*. Значение “марихуанового скандала” 1975 г.] // 역사비평. 2015. 제 112 호. 227 쪽.

[595] *Син Хёнчжун, Вирия Саванчот*. Указ. соч. С. 462.

акустическими гитарами, они избегали театрализованных жестов, провокаций в одежде или в текстах, и их образы демонстрировали высокий уровень унификации и стандартизации[596]. Тем не менее, жанровые черты фолка и его поэтическая интонация продолжали существовать, хотя и в смягченной форме. Как отмечает Ли Ёнми, созерцательная интонация (кор. 사색적인 태도), характерная для фолка до «марихуанового скандала», сохранялась в творчестве таких исполнителей, как Ли Чжонсон, Чо Донджин и Чон Тхэчхун, однако, по ее мнению, даже они уже не демонстрировали силы (кор. 기세) и стремительного подъема, характерных для начала 1970-х гг.[597]

Похожая ситуация наблюдалась и с жанром «трот гоу-гоу», который представлял из себя синтез трота и рок-музыки. Именно он стал на какое-то время музыкой, в основном звучавшей в гоу-гоу клубах, причиной чего было сохранение им танцевальной ритмической основы рок-музыки. Однако в отличие от «дикого» имиджа ранних рок-групп [598], «трот гоу-гоу» характеризовался «уравновешенностью», умеренной радостью и легкой меланхолией: тематика таких песен, как правило, фокусировалась на личных и абстрактных переживаниях, исполнители появлялись на сцене в строгой одежде, с аккуратными прическами, а их поведение отличалось предельной сдержанностью [599]. Такой сдвиг способствовал частичному снижению межпоколенческого конфликта: новые музыкальные жанры воспринимались старшим поколением не столь негативно, как это было раньше[600]. Тем не менее,

---

[596] 원용진. 1970 년대 대중음악과 방송 권력 [*Вон Ёнчжин*. Популярная музыка 1970-х гг. и власть радио и телевидения] // 대중서사연구. 2025. 제 31 권. 제 1 호. 458–460 쪽.

[597] 이영미. 유신 말기의 나비 효과 [*Ли Ёнми*. «Эффект бабочки» конца периода Юсин] // 인물과사상. 2016. 제 8 호. 143 쪽.

[598] К примеру, Син Чжунхён был известен тем, что в 1970-е гг. появлялся на сцене в довольно эпатажном образе: в поношенной одежде и с помятой шляпой на голове. Этот стиль позже получил название «мода *пхумба*» (кор. 품바 패션), по аналогии с уличными бродячими артистами-попрошайками (*пхумба*), существовавшими в прошлом. *Ким Чжипхён*. Указ. соч. С. 166.

[599] *Вон Ёнчжин*. Популярная музыка 1970-х гг. и власть радио и телевидения. С. 461–462.

[600] Подробнее см.: 김수경. 무주공산(無主空山)의 시대: 대마초 파동 이후 트로트 고고의 유행 [*Ким Сугён*. Период «никем не занятой пустоты»: популярность жанра «трот гоу-гоу» после «марихуанового скандала»] // 대중음악. 2011. 제 8 호. 126–154 쪽.

именно молодежь оставалась основной аудиторией этих жанров, а потому значимость такой музыки сохранялась прежде всего в этой среде.

Почему произошли такие изменения? «Марихуановый скандал» привел к ряду *дискурсивных трансформаций* вокруг «молодежной культуры»: так закрепление связи между «молодежной культурой» и курением марихуаны начинает формироваться именно с момента начала государственных репрессий в отношении музыкантов в 1975 г. В этот период в прессе появляются публикации, в которых утверждалось, что значительная часть исполнителей новой популярной музыки употребляет наркотики[601]. И хотя новости о проникновении марихуаны в студенческие районы встречались и до этого времени[602], теперь устанавливается *прямая* ассоциация между такой музыкальной формой и курением марихуаны. Эту связь, подчеркнем, *инициирует* государство, однако медиа активно способствуют ее распространению и закреплению в глазах общественности.

В газетных публикациях того времени начинает закрепляться устойчивая цепочка смыслов, связывающая «фолк-музыку», «стиль хиппи», например, длинные волосы и «неряшливую одежду» с «обликом маргиналов», а музыкантов начинают обозначать такими стигматизирующими ярлыками как «марихуановые певцы» (кор. 대마초 가수) и «декадентские певцы» (кор. 퇴폐풍 가수)[603]. Эта связка получает дальнейшее развитие в высказываниях части интеллектуалов: например, профессор Сеульского университета Ким Духи прямо связывал «эксцентричную манеру исполнения» фолк-певцов с употреблением марихуаны, тем самым замыкая логическую связь между внешним обликом, музыкальной эстетикой и употреблением наркотиков[604].

---

[601] 演藝人 80%가 대마초 피워 [80% исполнителей курят марихуану] // 조선일보. 04.12.1975. 7 면.

[602] 대학가에 스며든 환각제 [Галлюциногены, проникшие в университетскую среду] // 중앙일보. 10.04.1974. 2 면; 젊은이의 함정 魔의 마리화나 [Ловушка для молодежи: «дьявольская» марихуана] // 선데이서울. 1974. 7 권. 13 호. 20–21 쪽; *Ким Донхён*. Указ. соч. С. 165.

[603] 放送街의 새苦悶 歌手 고갈 [Новая головная боль теле- и радиоиндустрии: нехватка певцов.] // 경향신문. 26.02.1976. 8 면.

[604] 演藝 칼럼 [Колонка о шоу-бизнесе] // 경향신문. 10.12.1975. 8 면.

Таким образом, как отмечает Ли Ёнми, исполнение западной музыки и внешний вид, ассоциирующийся с «молодежной культурой», начинают трактовать не просто как эстетический выбор, а как потенциальную угрозу общественному и моральному порядку[605]. Кроме того, после закрепления связи между «молодежной культурой» и курением марихуаны, предметом тревоги старшего поколения становилась и «эпидемия» курения марихуаны среди молодежи в целом[606]. В этом смысле репрессивная стратегия властей, выбранная для подавления «молодежной культуры», оказалась крайне эффективной: практически ни одна газета и ни один интеллектуал не выступили в защиту представителей «молодежной культуры», а единственными исключением были еженедельные журналы, которые продемонстрировали определенное сочувствие к подвергшимся преследованию исполнителям[607].

Тем не менее, несмотря на заметные изменения в искусстве, связанном с «молодежной культурой» и усилившееся государственное давление, некоторые элементы стиля, практик и потребительских привычек «молодежной культуры» не только не исчезли, но и продолжили развиваться, приобретая все более широкое распространение среди молодежи. Рефлексируя судьбу «молодежной культуры», Ян Сонгиль уже в 1976 г. писал, что «[и сейчас] молодежь Южной Кореи, безусловно, формирует некий однородный мир, отличающийся от мира старшего поколения»[608].

По мере того, как некоторые элементы «молодежной культуры», такие как мода и формы досуга, становились более заметными, они полностью

---

[605] *Ли Ёнми*. Значение “марихуанового скандала” 1975 г. С. 220.

[606] 閔秉根. 青少年·젊은 世代의 再創造 (7) 意識白書 대마초 흡연 [*Мин Бёнгын*. К проблеме «пересоздания» молодого поколения (7) «Белая книга», посвященная ценностям молодежи: курение марихуаны] // 경향신문. 12.01.1977. 4 면.

[607] 노래되찾은 金秋子 "밤舞臺는 싫어" [Ким Чхучжа, вернувшаяся к исполнению песен: «Ночная сцена мне не по душе»] // 선데이 서울. 1978. 제 11 권. 제 8 호. 22–23 쪽; 대마초 연예인들 날개 잃은 4 년 [Четыре года с подрезанными крыльями: «марихуановые артисты»] // 선데이 서울. 1979. 제 12 권. 제 48 호. 108–109 쪽.

[608] 梁成吉. 「6.25 世代」의 길 [*Ян Сонгиль*. Путь поколения, родившегося после Корейской войны] // 조선일보. 16.05.1976. 4 면.

перешли в разряд «упадочных тенденций» и стали объектом *моральной паники*. Такая упаднической «молодежная культура» рассматривалась в одном ряду с феноменом молодежной преступности[609]. Основной фокус моральной паники был направлен на места, где собиралась молодежь: кафе, гоу-гоу клубы, закусочные и т. д. Теперь все они обозначались как способствующие «распространению упадочной культуры», «разрушающие атмосферу учебы», там «торговали алкоголем для несовершеннолетних», «крутили запрещенную музыку» и «заставляли танцевать под гоу-гоу музыку»[610]. Наличие в этих пространствах иностранных вывесок лишь укрепляло представление о «молодежной культуре» как об угрозе общественной морали:

> «Как видно уже из засилья иностранных слов на вывесках, именно здесь распространяется искаженная культура джинсов и акустической гитары, и некоторые из этих центров скопления, маскируясь под “обновление нравов”, по сути несут деструктивную функцию как для общественного строя, так и для [здоровой] “молодежной культуры”»[611].

Особую озабоченность вызывали такие формы досуга, как посещение гоу-гоу клубов и прочих развлекательных заведений: СМИ с тревогой сообщали, что каждый пятый подросток посещает такие места, вход в которые официально был запрещен несовершеннолетним[612]. Одновременно усиливается и гендерный аспект моральной паники: в публичном пространстве интерес молодежи к вопросам сексуальности начинает маркироваться как признак морального упадка, а романтические отношения

---

609 教育週間 심포지움 健康한 社會를 위한「教育」 [Симпозиум в рамках «Недели образования»: Образование ради здорового общества.] // 동아일보. 05.07.1976. 6 면; 青少年범죄 「善道의달」맞아 생각해본다 ② 罪의식마비…."動機없다" [Преступность среди подростков: размышления по случаю «Месяца наставничества»] // 조선일보. 04.05.1976. 3 면.

610 勉學 분위기 좀먹는 大學街 유흥업소 "퇴폐" 盛業 [«Упадническое» процветание развлекательных заведений в университетских районах, подрывающих учебную атмосферу] // 조선일보. 28.07.1975. 7 면.

611 Чэсусэны (6): Места их скопления и девиантное поведение.

612 姜信龜. 충격던진 中央大醫大 閔秉根 박사 조사결과 청소년 5 명중 1 명이 遊興街 출입 [*Кан Сингви*. Шокирующие результаты исследования профессора Мин Бёнгына из Медицинского института при университете Чунан: 1 из 5 подростков посещает развлекательные районы] // 경향신문. 20.01.1978. 7 면.

интерпретировались как проявление «сексуальной распущенности» подростков.

Таким образом, места, раннее ассоциирующиеся с «молодежной культурой», начинают ассоциироваться с преступлениями и «развращением» молодежи и становятся «очагами подростковой девиантности». Отметим, что такое поведение понималось максимально широко: туда включались как криминальные проступки (мелкое воровство, драки), так и чрезмерное увлечение современной поп-культурой, длинные волосы, «вызывающий» стиль одежды, «дурное увлечение противоположным полом» и т. д.[613] В статьях того времени регулярно воспроизводилась связка между местами, куда ходили подростки, «декадентской музыкой», сексуальной аморальностью и насильственными преступлениями[614], а также между символами «молодежной культуры (например, длинными волосами и гитарой) и случаями отклоняющегося поведения[615], что выступало инструментом символического подавления «молодежной культуры». Это легло и в основу критики популярной культуры в целом: в академическом поле увлечение поп-культурой все чаще связывалось с ростом девиантного поведения[616].

---

[613] Например, согласно исследованию досуга сеульских старшеклассников, проведенном учителем старшей школы в Ёндынпхо, из 572 человек почти 80% опрошенных имели опыт просмотра «непристойных книг или изображений», 74% – употребления алкоголя, 15% – «неподобающих романтических отношений», 8,7% – посещения гоу-гоу клубов, а 14,5% – посещения игровых залов для взрослых. 問題點 福祉制 활용·土着化 [Проблемные вопросы: активное использование системы соцобеспечения и ее адаптация к местным условиям] // 경향신문. 18.04.1977. 5 면.

[614] Среди таких материалов см.: Чэсусэны (6): Места их скопления и девиантное поведение; 滿員 서울 무엇이 問題인가 ⑨ 퇴폐 風潮 [Какие проблемы у переполненного Сеула? (9): упаднические тенденции] // 조선일보. 06.04.1976. 3 면; 金忠根. 오늘의 青少年 脫線豫防과 善導를 위한 緊急動議 (5) 脫線 아지트 [*Ким Чхунгын*. Чрезвычайное предложение по предупреждению девиантного поведения и надлежащему наставлению современной молодежи (5): места, где собирается девиантная молодежь] // 동아일보. 11.04.1978. 3 면.

[615] 脫線가득 賞春열차 連休의 서울 郊外線 行樂 실태 [«Поезд весенних удовольствий», полный девиантного поведения: пригородная линия Сеула в период длинных выходных] // 경향신문. 06.04.1976. 7 면; 郊外線서 고고추고 소란피운 21 명 即審 [21 человек, устроивших беспорядки с танцами гоу-гоу в пригородном поезде, предстанут перед судом] // 경향신문. 10.04.1978. 7 면; 통기타·고함·패싸움…술취한男女 獨舞臺 난장판 休日郊外線 열차 [Акустические гитары, крики, групповые драки… Пьяные мужчины и женщины устроили беспорядок в поезде пригородной линии в выходной день] // 동아일보. 22.05.1978. 7 면.

[616] 李相禧. 韓國의 社會的 狀況과 그 文化의 特性 [*Ли Санхи*. Социальная ситуация в Республике Корея и особенности южнокорейской культуры] // 관훈저널. 1977. 제 25 호. 142 쪽.

Тем не менее, такая моральная паника не приводила к тому, что элементы «молодежной культуры» приходили в упадок и теряли в популярности. Например, несмотря на ужесточение контроля над внешним видом учащихся школ и университетов и увеличение масштабов кампаний против «неподобающих причесок», длинные волосы у мужчин сохраняли популярность и во второй половине 1970-х гг.[617] Кроме того, расширение масштаба такого контроля не только на столицу, но и на другие крупные и средние города свидетельствовало о том, что власть *реагировала* на их увеличившуюся популярность. Хотя борьба с образами длинноволосых мужчин на телевидении была относительно успешно, но, например, в кино она не приносила успехов – несмотря на цензуру, главные герои-мужчины, носящие длинные волосы, присутствуют в огромном количестве фильмов того времени. Более того, распространение этих образов через медиа привело к тому, что и в сельской местности начинают появляться молодые люди, копирующие моду «молодежной культуры». Как замечал Сон Чжиён:

> «Еще десяток лет назад сельские пейзажи, виднеющиеся из окна поезда, сильно отличались от городских. Молодые люди, отдыхавшие на склоне горы, курили корейские трубки и играли в традиционные игры. Сегодня такие сцены уже невозможно увидеть – теперь они с длинными волосами, в брюках-клеш и с сигаретой во рту бренчат на гитарах»[618].

С другой стороны, какие-то элементы стиля «молодежной культуры» хотя и могли продолжаться считаться чем-то нежелательным, но, в конечном счете, перестали быть предметом контроля со стороны государства: к примеру, во второй половине 1970-х гг. контроль за длиной мини-юбок полностью

---

[617] Такая популярность отмечалась, к примеру, писателем Ким Донгилем, который в конце 1970-х гг. писал, что «в последнее время длинные волосы у мужчин является характерной для нашей эпохи модой, а среди молодежи почти не встретишь причесок в спортивном стиле». 김동길. 한국 청년에게 고함 [*Ким Донгиль*. Взывая к южнокорейской молодежи]. 서울: 한빛문화, 1979. 15 쪽.

[618] 宋志英. 頹廢風潮, 모두의 責任이다 [*Сон Чжиён*. Упаднические тенденции – это наша общая вина] // 世代. 1976. 제 3 호. 304 쪽. Также см.: 收穫期 農村을 가다 (5) 달라진 生活環境 [Поездка в сельскую местность в период сбора урожая (5): Изменившиеся условия жизни.] // 동아일보. 11.11.1978. 2 면.

исчезает. Очевидно, что здесь мы имеем дело с *нормализацией* этих элементов стиля, их окончательным уходом в нормализованную повседневность[619]. Наиболее ярким примером такой нормализации были джинсы: уже ко второй половине 1970-х гг. они окончательно вышли за пределы категории «студенческой одежды» (и даже дарились в качестве официальных подарков от властей[620]), а к 1980-м гг. они и вовсе стали стандартной «одеждой для школьников»[621]. Длинные прически у мужчин также сохраняли свою популярность и на протяжении 1980-х гг.[622]

Похожие процессы наблюдались и в потреблении: например, разливное пиво, ранее доступное ограниченным слоям населения, стало более массовым продуктом к концу 1970-х гг., а бары, где его подают, открываются даже в Карибоне[623], который на тот момент считался районом, где проживали в основном выходцы из рабочего класса. В этом же районе можно было увидеть

---

[619] Описывая это явление, антрополог Ли Чжондок предлагает использовать термин «феномен привыкания» (кор. 익숙화 현상), обозначающий процесс, когда какой-либо символ или вещь, став чем-то общепринятым, т. е. частью повседневности, теряет свое изначально провокативное значение. По ее мнению, это понятие отчасти перекликается с английским *naturalization* («оестествление»), но не совпадает с ним полностью: *naturalization* обычно означает восприятие чего-то необычного или чуждого как естественного, тогда как «феномен привыкания» акцентирует внимание именно на *частотности повторения*. Когда идея, слово или визуальный образ начинают регулярно воспроизводиться и входят в повседневный обиход, люди постепенно «привыкают» к ним, и первоначальная провокационность исчезает. При этом не имеет значения, была ли их изначальная аудитория узкой или массовой – при достаточной частоте повторений эффект неизбежно возникает (*Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 96). С нашей точки зрения, линейная зависимость между частотой употребления и возникновением «эффекта привыкания» требует уточнений: она определяется не только степенью распространенности *per se*, но и общим социально-политическим контекстом. Так, учитывая идеологический ландшафт периода Юсин, протестное значение мини-юбок, джинсов, длинных волос у мужчин и т. д. будет в какой-то мере сохраняться даже после их массового распространения.

[620] 버스 안내양에게 방한복 하사 [Торжественное вручение зимней униформы кондукторкам] // 대한뉴스 제 1166 호. 12.30.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10137&mediadtl=20767&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).

[621] *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 94–96; *Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Указ. соч. С. 230–240.

[622] *Курбанов С.О*. Указ. соч. С. 550. Популярность длинных волос у юношей в 1980-е гг. была обусловлена двумя факторами: во-первых, власти отказались от проведения уличных рейдов на длинноволосых мужчин; во-вторых, были отменены строгие ограничения, регулирующие внешний вид школьников. Эти изменения сыграли значительную роль в формировании и развитии молодежного стиля того периода. Подробнее см.: 김언순. 교복·두발 자율화 조치 [*Ким Онсун*. Меры по либерализации школьной одежды и причесок] // 한국민족문화대백과사전. [Электронный ресурс]. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0076165 (дата обращения: 16.05.2025).

[623] 工團에 減員 바람 [Сокращения на промышленных предприятиях] // 동아일보. 17.07.1979. 7 면.

и рабочих с акустическими гитарами[624]. Гоу-гоу танцы, несмотря на особенно сильное давление со стороны государства, также не исчезли – их популярность, напротив, возросла, особенно во второй половине 1970-х гг., когда многие из гоу-гоу клубов трансформируются в диско-клубы, которые были намного доступнее[625]. Это было связано и с развитием развлекательных районов за пределами Чонно и Мёндона, например в Ёндынпхо – как отмечает Чон Чханиль, находящиеся там гоу-гоу клубы были «зоной освобождения»[626] для рабочей молодежи. При этом сами виды танцев могли изменяться: например, к концу 1970-х гг. начинает набирать популярность диско-танец[627] и другие виды танцев, но все они представляли собой модификацию несложного «ритма гоу-гоу»[628].

Именно благодаря тому, что элементы «молодежной культуры» стали частью повседневных практик молодежи, уже в 1980-е гг. Ян Сон будет фиксировать, что «повсеместное увлечение поп-музыкой, мода на джинсы, танцы вроде диско, увлечение разливным пивом, любовь к акустической гитаре […] достаточно широко распространились среди нашей молодежи»[629]. Тем самым такие культурные формы, сохранившиеся и после периода Юсин, продолжили выполнять свою социальную функцию инструмента

---

[624] 현재의 일손활용, 品質高級化 주력 [Использование рабочей силы сегодня: акцент на повышение качества продукции] // 경향신문. 19.06.1979. 2 면.

[625] *Ким Мёнхван, Ким Чжунсик*. Указ. соч. С. 95.

[626] 정찬일. 삼순이. 식모, 버스안내양, 여공 시대가 만들고 역사가 잊은 이름 [*Чон Чханиль. Самсуни*: домработницы, кондукторки, женщины-рабочие – имена, созданные эпохой и забытые историей]. 서울: 책과함께, 2019. 433 쪽. Также см. воспоминания диджея, работавшего в расположенных в этом районе музыкальных кафе: 현역 유일 '음악다방 DJ' 장민욱: 외롭고, 높고, 쓸쓸한 50 년 음악 인생 [Единственный действующий «DJ музыкального кафе» Чан Минук: его 50-летняя музыкальная карьера, полная периодов одиночества, взлетов и моментов грусти] // 네이버 블로그. 13.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.naver.com/1kgcoffee/222468131838 (дата обращения: 16.05.2025).

[627] 디스코춤 한국에 드디어 상륙 [Диско-танец наконец-то появился в Республике Корея] // 선데이서울. 1978. 11 권. 41 호. 71 쪽.

[628] *Ли Сонук*. Указ. соч. С. 118.

[629] *Ян Сон*. Указ. соч. С. 92–93.

повседневного самовыражения для молодежи, однако их политическое значение изменится по сравнению с 1970-ми гг.[630]

В отличие от молодежных культур западных стран, где процесс распространения молодежной культуры и ее коммерческой эксплуатации мог сопровождаться «обезвреживанием», южнокорейская «молодежная культура» периода Юсин продолжала находиться в напряженных отношениях с доминирующей идеологией, а моральная паника вокруг нее не только была «спонтанной» реакцией общества, но и формировалась усилиями государства. Масс-медиа в 1970-е гг. в том числе были инструментом воспроизводства такой господствующей идеологии государства, что сближает южнокорейский случай с теорией моральной паники, разработанной в рамках культурных исследований в книге «*Наводя порядок в кризис*»[631].

4.4. Южнокорейская молодежь 1970-х гг., ее ценности и практики: социальное значение «молодежной культуры»

Исследование социально-политического значения «молодежной культуры» неизбежно приводит к вопросу, о том, существовали ли *реальные* ценностные отличия между молодежью, принадлежащей к поколению *хангыля*, и старшим поколением, родившимся в период японского колониального господства. Перефразируя слова Ким Бёнъика, мы можем поставить перед нами следующий вопрос: была ли «молодежная культура» проявлением «зачатков новых ценностных установок»[632] – и, если да, то как эти ценностные установки проявлялись в ней?

---

[630] Некоторые элементы стиля «молодежной культуры», однако, будут сохранять свое политическое значение и в 1980-е гг. Например, Хан Хонгу обращает внимание на то, что требование разрешить носить длинные волосы было одним из важных пунктов, выдвигаемых южнокорейскими рабочими в ходе забастовок во второй половине 1980-х гг. 한홍구. 한홍구의 청소년 역사 특강 [*Хан Хонгу*. Специальный курс лекций по истории молодежи]. 서울: 철수와영희, 2016. 126–130 쪽.

[631] *Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B*. Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order. London; Basingstoke: Macmillan, 1978. 425 p.

[632] *Ким Бёнъик*. «Молодежная культура» и масс-медиа. С. 229.

Следует отметить методологическую ограниченность многих исследований ценностных трансформаций южнокорейского общества того времени: они преимущественно фокусировались на студентах, одной из наиболее «вестернизированных» социальных групп. Так, Хан Вансан уже в работе «*Современное общество и молодежная культура*», опираясь на данные второй половины 1960-х гг., указывает на межпоколенческие различия в отношении к семейным ритуалам и повторному вступлению в брак [633]. Небольшие исследования начала 1970-х гг. также выявляли недовольство студентов внешним контролем со стороны родителей и образовательных институтов [634], а также относительно открытую позицию по вопросам отношений между полами, хотя идеи вроде «свободной любви» считались неприемлемыми[635]. Несколько англоязычных работ указывают на высокую степень отчужденности [636] и субъективно ощущаемых межпоколенческих конфликтов [637] среди южнокорейского студенчества того времени. Аналогичные результаты показывали и кореязычные исследования конца 1970-х гг., проведенные на студенческой выборке[638].

Тем не менее, крупные исследования, проведенные на более общем массиве молодежи, демонстрировали похожие результаты: поколение бэби-бумеров обладало отличной от родительского поколения системой ценностей. Одно из первых масштабных исследований поколенческих различий, проведенное Чха Чжэхо в 1979 г., показывало, что между старшим и младшим поколением наблюдалась *значительная* разница в отношении к сыновней

---

[633] *Хан Вансан*. Современное общество и молодежная культура. С. 94–96.

[634] 가치관 갈등 속의 대학생 [Студенты и ценностные конфликты] // 중앙일보. 22.05.1970. 4 면; *Пак Ёнхон*. Поколение *хангыля* среди тревог и конфликтов.

[635] 이은윤. 변모하는 대학생의 가치관 | 성균관대학 주최 심포지엄 [*Ли Ынъюн*. Меняющееся мировоззрение студентов: симпозиум, организованный университетом Сонгюнгван] // 중앙일보. 24.04.1974. 4 면.

[636] *Kim K*. Alienation among College Students in Korea and the United States: An Empirical Reconceptualization. In: *Journal of East and West Studies*. 1978. Vol. 7. № 1. P. 95–113.

[637] *Hong S*. Perceived Intergenerational Value Gaps: Korea and Hong Kong. In: *Journal of East and West Studies*. 1974. Vol. 3. № 1. P. 101–121.

[638] 김태완. 한국대학생의 세대의식 [*Ким Тхэван*. Поколенческое сознание южнокорейских студентов] // 청년연구. 1978. 제 1 집. 69–98 쪽; *Им Хисоп*. Социальные изменения и ценности в Корее. С. 91–136.

почтительности, приоритетах между семьей и государством, стремлении к индивидуальному успеху и восприятии авторитета, и хотя традиционные представления о целомудрии и добрачной верности продолжали сохранять определенную значимость, их восприятие молодежью становилось гораздо менее догматичным[639]. Чон Вонсик, анализируя результаты нескольких больших исследований, посвященных романтическим практикам молодежи (1978 г.), указывал на несоответствие между официальным непризнанием подростковых отношений старшим поколением и их широкой распространенностью на практике[640]. Схожие данные приводились и в государственной «*Белой книге по вопросам молодежи*» (1976 г.), где также подчеркивалось стремление подростков к самостоятельному выбору романтического партнера[641] и ослабление традиционного культа сыновней почтительности:

> «Идея сыновней почтительности (кор. 효도), лежащая в основе корейской морали, также претерпевает заметные изменения. На вопрос о послушании родителям только 3% подростков выразили традиционную установку на безоговорочное повиновение, в то время как около 40% заявили, что не станут следовать указаниям родителей, если сочтут их неверными. Подобная тенденция особенно сильно проявляется среди девушек и учащихся из сельской местности»[642].

Среди молодежи наблюдался крайне высокий уровень неудовлетворенности по отношению к ситуации в семье: более 60% подростков, независимо от уровня образования, сообщали о наличии

---

[639] 車載浩. 70 年代末에서의 價值, 態度 및 信念으로 본 한국인의 世代差 [*Чха Чжэхо*. Поколенческие различия у корейцев в конце 1970-х гг.: их ценности, установки и убеждения] // 社會心理學研究. 1985. 제 2 집. 제 2 호. 129–168 쪽. Анализируя данные этого исследования, сам Чха Чжэхо в 1980 г. писал, что приведенные данные показывают, что «молодое поколение в целом гораздо глубже проникнуто идеями индивидуализма, чем старшие поколения, и постепенно отходит от кланово- или семейно-ориентированного мышления, смещаясь к взглядам, ориентированным на общество». *Cha J*. Op. cit. P. 170.

[640] 정원식. 한국청년의 심리적 발달특징 [*Чон Вонсик*. Особенности психологического развития южнокорейских подростков] // 청년연구. 1978. 제 1 집. 11–12 쪽.

[641] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 82–84.

[642] Там же. С. 85.

различных трудностей и конфликтов в семье, и значительная часть таких проблем происходила потому, что родители, по мнению самой молодежи, не проявляли интереса к внутреннему миру подростков и не стремились их понять[643]. Такая отчужденность выражалась и на более общем уровне: лишь 5% молодых людей были полностью «удовлетворены» и 17% «скорее удовлетворены» текущим состоянием южнокорейского общества, и этот показатель *значительно* уступал уровню развитых стран [644].

Как в свете этих данных мы можем интерпретировать «молодежную культуру»? Пространства, ассоциирующиеся с «молодежной культурой», обладали общей ключевой характеристикой: они были фактически единственными местами, где молодежь могла взаимодействовать между собой *без контроля со стороны взрослых*. Подчеркнем, что для Республики Корея 1970-х гг. это явление носило новый характер, и стремление попасть в такие места было не в последнюю очередь связано с желанием утвердить свою автономию.

В этом смысле беспокойство родительского поколения было вызвано тем, что такие пространства способствовали *неформальному*, в том числе романтическому общению между юношами и девушками. Примером этого может служить практика посещения гоу-гоу вечеринок, на которых происходили танцы и свободное знакомство между представителями разных полов. Мать студентки, которую дочь привела на такую вечеринку, так описывала свои эмоции от увиденного: «Я не могла и представить, что

---

[643] Там же. С. 89.

[644] Там же. С. 99–100. Ю Чжонхэ также приводил данные общенационального опроса 1500 человек в 1975 г.: около 64% молодых респондентов заявили, что готовы подчиняться интересам государства лишь в той мере, в какой это не противоречит их личным интересам, тогда как среди старшего поколения этот показатель составлял лишь 33 %. Кроме того, 63% опрошенных младше 25 лет выражали недоверие к обществу (劉鐘海. 韓國人의 意識構造 [*Ю Чжонхэ*. Структура сознания южнокорейцев] // 世代. 1976. 제 10 호. 92–93. Цит. по: *Ю Сонъён*. Проект «сверхнационализации» и фильмы про хостесс. С. 383). Также см. данные соцопросов среди молодежи, проведенных в 1977 и 1978 г., которые показывают крайне высокую степень недовольства обществом и обстановкой в семье у молодежи: 青少年들 不滿이 많다 [Среди подростков много недовольства] // 동아일보. 12.01.1977. 5 면; 李圭錫. 오늘의青少年 脫線豫防과 善導를위한 緊急動議 (7) 意識構造 [*Ли Гюсок*. Неотложное предложение по предотвращению девиантного поведения и надлежащему наставлению современной молодежи (7): структура их сознания] // 동아일보. 13.04.1978. 3 면.

молодежь будет танцевать парные танцы (кор. 사교춤). И когда они начали танцевать какие-то их разновидности, даже не “настоящие” бальные танцы – я просто закрыла глаза»[645].

В этом смысле ограниченность внутренним кругом людей *одного возраста* была характерным аспектом «молодежной культуры» в целом, касавшимся и ее моды[646], и практик[647], включая языковое поведение[648]. Подобно этому, такие элементы «молодёжной культуры», как, например, прослушивание популярной музыки, ассоциировались не с интересами взрослых, а с интересами сверстников[649]. Более того, такие практики могли выполнять функцию снятия психологического напряжения и той самой высокой степени недовольства, которое во многом было вызвано не только ситуацией в семье, но и жесткой образовательной средой с высокой конкуренцией – тем самым, заметим, участие в этих практиках могло являться символическим протестом против давления такой среды.

---

[645] 딸자랑 [Гордость за свою дочь] // 선데이서울. 1975. 8 권. 16 호. 59 쪽.

[646] Например, Ли Чжондок пишет, что джинсы в 1970-е гг. играли важную роль в формировании чувства общности среди молодежи. В качестве примера она приводит слова одного представителя поколения бэби-бумеров: «Конечно, можно говорить о стремлении выйти за рамки привычного, но лично для меня ношение джинс было не столько сопротивлением старшему поколению, сколько *желанием почувствовать себя частью молодежи*, ведь многие молодые их носили, и я тоже надевал джинсы, чтобы ощутить эту принадлежность» (выделение наше. — *А.С.*). *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 101.

[647] Обратим внимание на то, что отдельные практики «молодежной культуры» могли способствовать сглаживанию статусных и социальных различий. Так, в гоу-гоу клубах было затруднительно определить социальное положение посетителей, исходя лишь из их внешнего облика. Как писал один из журналистов, «большинство танцующих гоу-гоу – это, несомненно, молодые люди двадцати с небольшим лет. Невольно задумываешься, сколько среди них студентов» (밤을 새워가며 춤추는 고고클럽 [Гоу-гоу клуб, где танцуют всю ночь напролет] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 12 쪽). В конце репортажа автор, однако, делает вывод, что гоу-гоу клубы не могут считаться «естественной средой обитания студентов»: «дело не только в том, что самих студентов там трудно встретить, но и в том, что в этих местах невозможно уловить хоть какое-то “студенческое” духовное присутствие». Там же. С. 14.

[648] 이현복. 한국 청소년의 언어생활 [*Ли Хёнбок*. Языковые практики южнокорейской молодежи] // 청년연구. 1980. 제 3 집. 87–122 쪽.

[649] Как отмечал социолог Ким Синиль, до 1970-х гг. не существовало музыкальных произведений, известных исключительно подростковой аудитории и незнакомых взрослым, отсутствовали и концерты, ориентированные исключительно на молодежь. Появление таких феноменов сигнализировало о том, что в корейской истории впервые возник самостоятельный мир подростков, из которого «исключены» взрослые. 김신일. 청소년문화의 의미와 성격 [*Ким Синиль*. Смысл и особенности молодежной культуры] // 청소년문화론 [*Молодежная культура*] / 최윤진 외(편). 서울: 한국청소년연구원, 1992. 2 쪽.

Искусство, связанное с «молодежной культурой», также служило отражением таких ценностей: например, фолк-песни не только предлагали новую, более эмоциональную интерпретацию чувств, в том числе и романтических, но и могли выражать протест против репрессивной социальной среды[650]. Син Хёнчжун и Чхве Чжинсон отмечают, что уже ранние фолк-песни, в отличие от трота, в котором тема любви «оставалась на уровне абстрактных слов и повторяющихся мотивов», представляли из себя разрыв с прошлыми романтическими представлениями, уже представляя из себя «диалог о любви между независимыми личностями»[651]. В то же время «молодежные фильмы», в отличие от популярных мелодрам 1960-х гг., которые в основном касались *семейных* проблем, «сосредотачивались на изменениях, происходящих в жизни *отдельного* человека, практически не учитывая семейный фон»[652] (выделение наше. — *А.С.*). Тем самым они выводили на передний план не только новые типы персонажей (чаще всего это были молодые люди в возрасте около 20 лет), но и новые модели социальных взаимодействий (например, новые формы отношений между мужчинами и женщинами, существующие вне института брака)[653].

Одной из важнейших функций «молодежной культуры» было стремление отделить себя от старшего поколения, и это стремление выражалось в различных аспектах повседневной жизни, включая внешность, стиль поведения и потребительские предпочтения. Характерным примером этого была мода на длинные волосы у мужчин: значительная часть старшего поколения относилась к ним негативно, а в 1970-е гг. школы и другие

---

[650] *Ли Ёнми*. История корейской популярной музыки. С. 200–207.

[651] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг. С. 440.

[652] *Yecies B. & Shim A*. The Changing Face of Korean Cinema, 1960 to 2015. New York; London: Routledge, 2016. P. 130.

[653] По наблюдению Ли Хоголя, центральное место в «молодежных фильмах» занимали персонажи, чье поведение отклонялось от традиционных норм семейной этики, лежавших в основе мелодрам 1960-х гг. Исследователь отмечает, что несмотря на внутренние противоречия подобных образов «молодежное кино» 1970-х гг. можно рассматривать как форму культурного сопротивления эстетике «идеологии семьи», активно навязывавшейся южнокорейскому обществу режимом Пак Чонхи. *Ли Хоголь*. Указ. соч. С. 98–99. Также см.: *Хан Ёнхён*. Указ. соч. С. 147–158; 167–170.

институты (например, рабочие места) строго регулировали длину волос, а потому молодежь часто прибегала к использованию париков, чтобы поддержать желаемый образ и выразить индивидуальность. В этом смысле ношение длинных волос можно считать не только модной тенденцией, но и символическим протестом против доминирующих норм того времени, в особенности учитывая тот факт, что длинные волосы ассоциировались с широкой категорией девиантного поведения и даже с преступлениями. Подобное *рефлексируемое* восприятие хорошо проиллюстрировано ответами самих юношей, приведенными в журнале «*Воскресный Сеул*» за 1977 г.:

«“А почему длинные волосы – это плохо? Разве если отрастить волосы, то ты автоматически начинаешь совершать плохие поступки?”

“Смешно, что длинные волосы у взрослого выглядят красиво, а у несовершеннолетнего – делают его потенциальным преступником. Осуждать длинные волосы – это форма дискриминации”.

“Мне стало лень ухаживать [за волосами] – и я просто наголо побрился. А после этого все начали спрашивать, показывая пальцем: «Зачем ты так сделал?» Вот и получается, что отрастишь – проблема, пострижешься – тоже проблема. Лучше уж лысым родиться”.

“Если длинные волосы стали модой – кто же тогда эту моду ввел? Уж точно не мы, глупые подростки”.

“Говорят, мужчины любят блондинок, а дамы вроде бы не против длинных волос. Наверное, если я подстригу волосы, то девушка решит, что я деревенщина”.

“Я не знаю, где именно проходит граница между несовершеннолетним и взрослым, но взрослые, кажется, ужасно тревожатся за молодежь. Хотелось бы, чтобы хотя бы наши волосы оставили в покое”.

“Длинные волосы – это искусство. Не связывайте их с моральным разложением”»[654].

Аналогичную символическую нагрузку имели и другие элементы молодежной моды, например джинсы. Отметим, что джинсы позиционировались не просто как «модный» атрибут молодежи или как «практичная одежда»[655], а как одежда, «не связанная с какими-либо строгими формальностями» [656], как одежда, «говорящая “нет” половым различиям, разнице в возрасте, формальным правилам и разделению на времена года»[657]. При этом старшее поколение относилось к джинсам негативно, как пишет Ли Чжондок:

«Старшеклассники не могли носить джинсы, потому что если учитель их замечал [в такой одежде], то за этим следовало наказание. Поэтому джинсы носили лишь те ученики, которых считали “плохими”, “наглыми”, “распущенными” или “хулиганами” – они надевали их, избегая учителей. Они гуляли в джинсах после уроков, стараясь выглядеть как можно стильнее, и гордились этим, демонстрируя, что живут по своим правилам и не подчиняются установленному порядку.

[...]

Представление о джинсах как о западной одежде, которую носят “сексуально раскрепощенные” люди, которые стремятся поступать по-своему, было распространено в обществе. Поэтому “надзор” взрослых за ношением джинсов [молодежью] был крайне строгим»[658].

---

[654] 왜 그럴까에 대한 이유있는 覆面告白. 술마시고 춤추고 투닥거리고 고민하는 진짜 속마음 [Анонимные, но аргументированные признания в ответ на вопрос «Почему вы такие?»: настоящие чувства молодежи, которая пьет, танцует, ссорится и испытывает переживания] // 선데이 서울. 1977. 제 10 권. 제 38 호. 42 쪽.

[655] 패션의 흐름 (10) 靑바지 [Тенденции в мире моды (10): Джинсы] // 매일경제. 08.06.1974. 6 면; Стиль молодости: джинсы. С. 38.

[656] 블루진 [Джинсы] // 조선일보. 11.03.1976. 6 면.

[657] 배천범. 진즈: 성별 • 나이 • 규칙 • 계절 없는 4NO 의 옷 [*Пэ Чхонбом*. Джинсы: одежда, которая говорит «нет» половым различиям, разнице в возрасте, формальным правилам и разделению на времена года] // 선데이 서울. 1974. 7 권. 1 호. 105 쪽.

[658] *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 93. Одна из студенток Женского университета Ихва в 1970-е гг. вспоминала, что некоторые преподаватели выражали резко негативное отношение к ношению джинсов девушками

С одной стороны, ответы людей, которые были студентами в 1970-е гг., приведенные в исследовании Ли Херим, показывают, что для большинства молодых людей ношение джинсов, как и длинных волос, ассоциировалось с «модой», и не в последнюю очередь это происходило из-за того, что так поступала западная молодежь. Однако, с другой стороны, такой стиль имел ярко выраженную связь с ощущением свободы и непринужденности, которые можно было «почувствовать на практике»[659]. Более того, по ходу развития «молодежной культуры» такая *прямая* ассоциация с американскими хиппи и другими молодежными культурами западных стран становилась менее актуальной, и доминирующим становилось «местное» значение, укорененное в специфических реалиях южнокорейского общества того времени. Стоит отметить и то, что степень восприимчивости к таким тенденциям зависела от конкретной ситуации внутри семьи, в которой находился молодой человек или молодая девушка, от их отношений с родителями и общим климатом в семье: такой контекст мог усиливать, либо, наоборот, сдерживать стремление к самореализации с использованием элементов «молодежной культуры»[660].

Следует, наконец, отметить, фундаментальную черту «молодежной культуры», которая может быть выведена из изложенного выше. Ее практики были, в отличие от доминирующих форм взаимодействия в предыдущий период исторического развития Кореи, намного более *горизонтальными*, что подтверждается и тем фактом, что новое поколение в гораздо большей степени, чем поколение старшее стремилось к равноправному, а не иерархическому

(Выпуск 71 г.: мы тоже были «новым поколением» в те времена. С. 23). «Пропаганда против джинсов» была и на промышленных предприятиях: исследователь Ким Вон приводит цитату одного из инструкторов, который настоятельно призывал женщин-рабочих не носить джинсы, поскольку «в джинсах вы будете выглядеть как *консуни* (уничижительное обозначение женщин, работающих на заводе; примечание наше. — *А.С.*) и производить впечатление людей без воспитания». *Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория. С. 698.

[659] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 19. О связи ношения джинсов с идеей свободы также см.: *Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Указ. соч. С. 220; *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 98–100.

[660] Например, спустя несколько десятков лет один из представителей поколения *хангыля* объяснял свое негативное отношение к джинсам, сложившееся в 1970-е гг. тем, что он перенял взгляды своих дедушки и бабушки, с которыми жил. *Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Указ. соч. С. 214.

взаимодействию в повседневной жизни[661]. Этому способствовало сама среда, в которой росла молодежь: школа, университет и даже рабочие места создавали условия для постоянного взаимодействия между людьми одного возраста, что укрепляло приоритет горизонтальных связей над вертикальными.

Такая горизонтальность «молодежной культуры» проявлялась и в том, что ее элементы были несложны для восприятия и воспроизведения. Так, гоу-гоу был «не требующим сложных движений народным танцем, который легко выучить»[662], с развитием местного производства мода на джинсы стала «объединять рабочих женщин на промышленных предприятиях и студентов университетов»[663], а длинные волосы так же *теоретически* могли носиться любым молодым мужчиной. Кроме того, игра не гитаре не требовала, в отличие от других музыкальных инструментов, особенно сложных навыков, а сами гитары были относительно дешевы и доступны[664].

Горизонтальность была связана с *коллективностью* этих практик, например, коллективного исполнения гитарной музыки (уже Ли Орён отмечал, что чувствует в игре на гитаре «демократический дух»[665]), которое могло

---

[661] *Чон Вонсик*. Указ. соч. С. 9–11. Также см.: 조긍호. 현대 한국 청년의 정체의식 [*Чо Гынхо*. Идентичность современной южнокорейской молодежи] // 청년연구. 1979. 제 2 집. 71–107 쪽.

[662] *Ким Донхён*. Указ. соч. С. 159; *Ким Мёнхван, Ким Чжунсик*. Указ. соч. С. 89.

[663] *Ким Донхён*. Указ. соч. С. 154. Журналист Ким Донхён также замечал, что сама категория «джинс» имела довольно размытые границы: штаны назывались джинсами даже в тех случаях, когда они изготавливались не из хлопка, а из синтетических материалов, использовали не саржевое, а полотняное переплетение и имели окраску, отличную от синего цвета (Там же). Антрополог Ли Чжондок также упоминает феномен «подражания» джинсам, когда некоторые приобретали или делали на заказ брюки из костюмной ткани с синеватым оттенком. *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 93.

[664] *Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры. С. 214.

[665] *Но Чжэбон, Ли Орён, Чхве Инхо, Хан Вансан, Хён Ёнхак, О Гапхван*. Указ. соч. С. 144.
Приведем также мнение Ким Минги, отмечавшего следующее: «Акустическая гитара стала своего рода поворотным пунктом в истории нашей массовой культуры и важным посредником, ведущим к демократизации культуры. До этого слушатели лишь пассивно воспринимали песни, которые исполняли [профессиональные] певцы, однако взяв в руки “оружие” под названием акустическая гитара, они смогли реализовать себя одновременно и как потребители, и как создатели музыки. Акустическая гитара позволила выйти за рамки индивидуального потребления культуры и, пусть в небольших масштабах, создала условия для коллективного единения (кор. 공동체적인 어울림): она перенесла музыку из закрытых пространств вроде питейных заведений на открытые площадки на свежем воздухе. То, что широкая публика могла коллективно участвовать [в музыке] не как пассивный потребитель, а как люди, сами создающие ее – именно в этом, я думаю, и была демократическая сущность культуры акустической гитары» (*Кан Хон*. Указ. соч. С. 510). Певица Ян Хиын, в свою очередь, вспоминала: «До этого времени исполнители выступали под аккомпанемент оркестра. Даже если кто-то хотел подражать им, без оркестра это было невозможно, но с появлением

привести к формированию «пространства сопереживания», которое изначально не имело политического значение, но позднее стало важным политическим элементом в дискурсе *минчжун*[666]. Даже Хан Вансан, который был настроен к «молодежной культуре» критически, признавал, что интерес к новой популярной музыке среди молодежи был связан с тем, что она создает атмосферу коллективного эмоционального единения, в которой молодежь ощущает «освобождение»:

> «Очарование поп-музыки в ее доступности. Причем *она не просто вызывает личное удовольствие, а пробуждает радость коллективного участия*, то есть совместную радость. […] [В коллективном исполнении такой музыки на гитаре] нет принудительного порядка, где все поют по очереди. Наоборот, под звуки гитары невольно возникает желание подпевать, рождается азарт. Возникает чувство освобождения, радость, с которой исчезает накопленное напряжение. Это радость совместного переживания, которая особенно проявляется в атмосфере участия»[667] (выделение наше. — *А.С.*).

Тем не менее, такие ценности молодежи и «молодежная культура» как их проявление входили в конфликт с идеологической программой периода Юсин, в рамках которой, как писал Ким Сонхван, «слабый и упаднический дух молодежи стал объектом реформ»[668].

акустической гитары все изменилось. Стоило взять ее в руки и начать играть, и уже можно было почувствовать себя певцом. Думаю, именно это ощущение и стало одной из причин особой любви публики к исполнителям с акустической гитарой». *Ли Гынми*. Указ. соч.

[666] 박애경. 한국 포크의 도시민요적 가능성 탐색 [*Пак Эгён*. Южнокорейская фолк-музыка как городские «народные песни»] // 한국민요학. 2014. 제 41 호. 53–77 쪽; 조태성. 연대의 노래, 공감장의 형성. 1970 년대 이후 민중가요를 중심으로 [*Чо Тхэсон*. Песни солидарности и формирование пространства сопереживания: на примере *минчжун гаё* после 1970-х гг.] // 인간.환경.미래. 2017. 제 19 호. 29–51 쪽.

[667] 韓完相. 娛樂과 再創造의 사이: 共樂文化의 형성을 위하여 [*Хан Вансан*. Между развлечением и обновлением: к формированию культуры совместного наслаждения] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 52 쪽.

[668] *Ким Сонхван*. «Марихуановый скандал»... С. 294.

ГЛАВА 5. «МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА» И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА МОЛОДЕЖЬ, В ПЕРИОД ЮСИН (1972–1979)

Проблема молодежи являлась одним из наиболее насущных вопросов, стоявших перед южнокорейским государством в 1970-е гг. Учитывая нацеленность государства на мобилизацию всего общества в период Юсин, молодежь рассматривалась в качестве одной из ключевых категорий населения, которая должна была принять участие в осуществлении проекта модернизации. Внимание к проблеме молодежи уже отмечалось рядом исследователей, например И.А. Толстокулаковым[669]. М.Н. Пак объяснял его как ролью молодежи в свержении режима Ли Сынмана, так и желанием «поставить его (молодого поколения; примечание наше. — *А.С.*) энергию на службу военно-бюрократическому режиму»[670]. В этом контексте государство на протяжении всего периода Юсин последовательно проводило молодежную политику, под которой следует подразумевать не просто разрозненный набор мер, направленных на эту возрастную группу, а системную стратегию, охватывающую молодежь в целом как особую социальную категорию.

Государство вне всяких сомнений осознавало различия между поколениями. Так «*Белая книга по вопросам молодежи*» указывала, что «вслед за разрушением и трансформацией существующего общественного строя, социальными изменениями и формированием нового общественного порядка должны произойти значительные изменения в сознании и установках молодежи» и предлагала рассматривать проблему молодежи как «важнейшую государственную задачу, требующую признания необходимости разработки эффективной политики по ее “здоровому” воспитанию и защите»[671]. Согласно официальной риторике, «динамичный дух» молодежи должен был быть

---

[669] *Толстокулаков И.А*. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. С. 341.
[670] *Пак М.Н*. Указ. соч. С. 26.
[671] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 1.

«интегрирован [в общество] и смягчен зрелой осторожностью старшего поколения»[672], а энергия молодости – использована «здоровым образом»[673].

Как правило, при разговоре о молодежи в 1970-е гг., исследователи уделяют внимание лишь политически активным студентам, противостоящим системе Юсин. Студенчество действительно было одной из наиболее заметных сил такого рода, а власти в самом деле воспринимали студенческое движение как одну из главных угроз, что предопределило крайне жесткую реакцию на протесты и деятельность политически активных студентов[674]. Характерным примером репрессивной политики властей стала ликвидация в 1974 г. «Общекорейского союза демократической молодежи и студентов», объявленного «коммунистической организацией»: 180 его участников были привлечены к суду, 10 из них приговорены к смертной казни, из которых 8 были приведены в исполнение[675].

Тем не менее, в 1970-е гг. политически активные студенты были меньшинством даже среди самих студентов. В этом смысле подавляющее большинство молодых людей оставались вне политики, и именно по отношению к этой «пассивной» молодежи государство выстраивало повседневные и менее заметные формы контроля и воспитания. Хотя уже в начале 1960-х гг. властями были созданы поддерживающие режим молодежные организации[676], с введением системы Юсин молодежная политика приобрела более системный и всесторонний характер. Мы можем выделить два ориентира, которые стали основой для молодежной политики в период Юсин: во-первых, «*Устав народного образования*» 1968 г., на идеях которого надлежало воспитывать молодое поколение[677], и начавшееся в 1970-

---

[672] *Kim D*. Renovation of Ethical Views in Korea. In: *Korea Journal*. 1973. Vol. 13. №. 2. P. 6.

[673] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 230.

[674] *Ермолаева Е.М*. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. С. 124–126.

[675] *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т. 2. С. 128–136; *Хан Хонгу*. Юсин: эпоха одного человека. С. 104–116.

[676] *Хон Соннюль*. Указ. соч. С. 199–200.

[677] *Самсонов Д.А*. Основные идеологические… С. 133–134. Подробный анализ идеологических аспектов содержания «*Устава народного образования*» см. в: 황병주. 국민교육헌장과 박정희 체제의 지배담론 [*Хван*

м г. «Движение за новую деревню», которое стало главной моделью коллективной мобилизации, куда активно вовлекалась и молодежь.

Следует подчеркнуть, что государственная политика воспринимала молодежь как относительно однородную категорию. Несмотря на различия в социальном положении между учащимися и рабочей молодежью, обе группы подвергались аналогичным формам мобилизации, а основы государственной воспитательной политики носили универсальный характер и применялись ко всей молодежи, что, в известном смысле, отражало своеобразную форму государственного эгалитаризма. Развивая мысль Хван Бёнчжу[678], можно утверждать, что и молодежная политика находила молчаливое согласие отчасти потому, что такие репрессивные меры, как комендантский час, запрет на ношение длинных волос у мужчин и мини-юбок у женщин, касались всех молодых граждан одинаково, что вело к возникновению парадоксального эффекта «равенства в ограничениях», который так же служил искаженным отражением дискурса эгалитаризма, игравшего ключевую роль в идеологии периода Юсин.

В то же время культурная политика Пак Чонхи, целью которой, как отмечает Чхон Чжонхван, была «*унификация* чувств и сознания масс»[679] (выделение наше. — *А.С.*), сталкивалась с вызовом в лице «молодежной культуры». Последняя, как было показано в предыдущем разделе диссертации, основывалась на *отличающихся* от старшего поколения ценностях и формах самовыражения. Как верно указывает Ли Саннок, в плане прямой угрозы режиму политически активные студенты действительно представляли гораздо большую опасность, но «молодежная культура» была несравнимо более сложным объектом для контроля – именно потому, что она вступала в

Бёнчжу. «Устав народного образования» и доминирующий дискурс режима Пак Чонхи] // 역사문제연구. 2005. 15 권. 129–175 쪽.

[678] *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение... С. 482.

[679] *Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи... С. 427.

противоречие с самой сутью «проекта по формированию лояльного и покорного гражданина»[680].

5.1. «Всеобщая гармония», «очищение общества» и «упаднические тенденции»: доминирующая идеология периода Юсин

Ряд южнокорейских исследователей называют *чхонхва* (кор. 총화 總和, «всеобщая гармония», «всеобщее единство»; часто встречается как *чхонхва тангёль* (кор. 총화 단결)) «господствующей идеологией»[681] или «лозунгом»[682] периода Юсин, однако большая часть работ ограничивается лишь ее кратким упоминанием. Тем не менее, «всеобщая гармония» была отлична от других идеологических маркеров тем, что она (в отличие от, например, антикоммунизма, начавшего формироваться еще с 1940-х гг., или «национального субъективизма» (кор. 주체성), акцент на котором делался с 1960-х гг.[683]) являлась специфически связанной с системой Юсин: первое ее упоминание относится к началу перехода к ней[684], августу 1971 г.[685], а после смерти Пак Чонхи в 1979 г. следы ее использования практически полностью исчезают. Более того, она непосредственно входит в одну из вариаций *самоназвания* системы Юсин – *чхонхва Юсин*, «[система] Юсин, [где царит] “всеобщая гармония”» – фраза, которая часто встречалась в школьных учебниках, президентских речах и официальных документах того времени.

---

[680] *Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи... С. 357.

[681] 최광승. 유신체제기 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [*Чхве Гвансын*. Создание «патриотических граждан» в период Юсин на примере «Хварандо» и Образовательного центра «Хваран»] // 한국학연구. 2014. 제 33 집. 270 쪽.

[682] 은정태. 박정희시대 성역화사업의 추이와 성격 [*Ын Чжонтхэ*. Динамика и особенности политики по созданию «сакральных мест» в эпоху Пак Чонхи] // 역사문제연구. 2005. 제 15 권. 268 쪽; *Чу Чханъюн*. Структура и процесс формирования современной южнокорейской культуры... С. 9; *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи: на примере дискурса модернизации. С. 186.

[683] *Прошин А.А., Тимонин А.А*. Указ. соч. С. 114–121.

[684] Подробнее про политический переход к системе Юсин см.: *Im H*. The Origins of the Yushin Regime… P. 233–261.

[685] 박정희. 제 26 주년 광복절 경축사 [*Пак Чонхи*. Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения] // 대통령기록관. 15.08.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306283 (дата обращения: 16.05.2025).

Что же подразумевалось под такой «всеобщей гармонией»? Сам Пак Чонхи так описывал дух «гармонии» или «слаженности» (кор. 조화 調和), который является «сутью уникального образа жизни [корейцев]»: «Его характеристикой является рассмотрение человеческих или социальных отношений не на основе конфликта и борьбы, а на основе гармонии (кор. 융화 融和) и сотрудничества. Это вера в то, что, хотя конфликты и конфронтации часто отделяют человека от человека, человека от государства или страну от страны, всегда существует общая основа, где можно достичь гармонии, и, помогая и дополняя друг друга на этом общем основании, мы можем способствовать взаимному развитию» [686] . Таким образом, «всеобщая гармония» была нацелена на *нейтрализацию конфликтов* и пестование сотрудничества и взаимопомощи (которые, заметим, были одними из ключевых слов в рамках системы Юсин)[687].

Пак Чонхи писал и о том, что «идея о том, что каждый может достичь гармонии (кор. 인화 人和), преодолевая различия личностей и мнений, отражает веру в то, что *люди по своей природе одинаковы и фундаментально равны* (выделение наше. — *А.С.*). В отличие от узко [понятого] индивидуализма, где люди думают только о своих интересах, это исходит от настоящего, искреннего сердца, которое любит других так же, как и себя, и относится к боли других людей так, как к своей собственной. Можно сказать, что из этого духа в конечном итоге выросла традиция сотрудничества, помощи друг другу, когда другие попадают в беду или возникают трудные ситуации»[688]. Соответственно, такая гармония была, с одной стороны, связана

---

[686] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 65.

[687] «Цель [системы] Юсин состоит в том, чтобы гармонизировать личность и целое, а также обеспечить всем гражданам чувство общности, взаимопомощи и гармоничного сотрудничества всех (кор. 총화 협동). […] Именно [на основе] этих ценностей мы защищаем страну, чтобы [и дальше] жить [в ней], стремимся к развитию страны, чтобы увеличить нашу свободу. С этой целью мы стремимся к “всеобщей гармонии” граждан (кор. 국민 총화) и координации государственной мощи посредством взаимной помощи и сотрудничества». Путь защиты свободы. С. 25–26.

[688] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 67.

со своеобразным дискурсом эгалитаризма (заметим, определенная социальная однородность была одной из предпосылок такой «всеобщей гармонии»)[689], то есть с дискурсом номинального *равенства* в рамках такой гармонии, с другой стороны – играла роль помощи уязвимым слоям населения.

«Всеобщая гармония» имела несколько уровней: Пак Чонхи говорил о гармонии в малом масштабе, проявляющейся в «единстве (кор. 단결) рабочего места, организации или региона», и более высоком уровне «всеобщей гармонии», где происходит «взаимопонимание и солидарность между людьми с разными позициями» [690] . В политическом смысле наличие гармонии рассматривалась как неотъемлемое условие легитимности власти[691], а также было важным способом противодействия психологической войне, которую вела Северная Корея, и основой для дальнейшего мирного объединения[692]. Анализируя памятники, установленные в период Юсин, Ын Чжонтхэ упоминает еще одну важную функцию «всеобщей гармонии»: подчеркнуть «единство военных, правительства и гражданского населения»[693].

«Всеобщая гармония» предполагала не просто отсутствие конфликтов, а требовала общих, разделяемых всеми, ценностей, или, как точнее выражался Ко Ёнбок, «иерархию ценностей», которая и делала возможным поддержание общественного порядка[694]. Даже если демократия не отрицалась идеологами системы Юсин, главным оставалось понятие «центральной ценности», которая должна была объединять все общество, преодолев классовые и прочие

---

[689] «Прочное национальное единство (кор. 국민적 일체) невозможно представить без предпосылки социальной однородности (кор. 동질성)». Идеи системы Юсин. С. 156.

[690] *Пак Чонхи*. Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения.

[691] «Лидерство, не обладающее гармонией (кор. 인화 人和) и мандатом Неба (кор. 천명 天命), не может достичь “всеобщей гармонии” народа (кор. 국민 총화), а политика, не имеющая базы [в] общественной поддержке, не может выполнить [стоящую перед] современным государством задачу по превращения народа в [независимый] субъект [исторического процесса] (кор. 국민 주체화)». Идеи системы Юсин. С. 155.

[692] 李聖根. 國民總和論 [*Ли Сонгын*. «Всеобщая гармония»] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 261–280 쪽.

[693] *Ын Чжонтхэ*. Указ. соч. С. 253.

[694] *Ко Ёнбок*. Теория «всеобщей гармонии». С. 252–253.

различия [695] . Наиболее идеальной формой «всеобщей гармонии» была ситуация, когда народ, основываясь на общих ценностных ориентирах, «соблюдает нормы, ведет упорядоченную жизнь и совместно стремится к целям, которых желает нация»[696].

Тем не менее, послевоенные социальные трансформации в Южной Корее сопровождались кризисом ценностей, получившим в официальной риторике обозначение как «хаос в системе ценностей». Причиной такого хаоса было разнообразие ценностных ориентиров: и иностранная культура, и СМИ, и школа, и семья были способны одновременно оказывать влияние на мировоззрение людей, в особенности молодежи – однако между ними отсутствовала «внутренняя согласованность». Соответственно, все внешние, заимствованные ценности должны были быть «упорядочены», и только так можно было избежать путаницы в системе ценностей[697]. В этом контексте «всеобщая гармония» представляла собой идеологическую стратегию, направленную на обуздание и контроль социальных изменений, сопутствующих процессу модернизации.

В глазах властей «*беспорядочное* распространение иностранной культуры и иностранных ценностей» привело к повсеместному возникновению таких «нездоровых явлений», как роскошь, расточительство и стремление к праздности, а также к повсеместному «стимулированию уровня желаний» [698] , и являлось пороком, разлитым по всему обществу. Однако ключевым реципиентом таких «материалистических» ценностей было именно молодое поколение, что предопределило, например, упор на осуждение этих

---

[695] Там же. С. 255–256. Среди пропагандистских работ, посвященных идеологическим основам системы Юсин, следует отметить объемный труд Ким Гённэ и Хон Чжиёна, в котором уделяется большое внимание концептуальному согласованию таких категорий, как «всеобщая гармония», национализм, демократия, индивидуализм и коллективизм. 金景來, 洪志英. 總和와 維新 [*Ким Гённэ, Хон Чжиён*. «Всеобщая гармония» и система Юсин]. 서울: 금란출판사, 1975. 385 쪽.

[696] *Ко Ёнбок*. Теория «всеобщей гармонии». С. 253; 高永復. 國民 總和와 社會 淨化 [*Ко Ёнбок*. «Всеобщая гармония» и «очищение общества»] // 世代. 1976. 제 4 호. 114 쪽.

[697] *Ко Ёнбок*. Теория «всеобщей гармонии». С. 254.

[698] *Ко Ёнбок*. «Всеобщая гармония» и «очищение общества». С. 115.

трендов в школьных учебниках и официальной риторике властей при обращении к проблемам молодежи. Приведем цитату из «*Белой книги по вопросам молодежи*» за 1978 г.:

> «Возникающая в последнее время проблема подростковой преступности во многом обусловлена влиянием деформированных (кор. 변형된), упаднических (кор. 퇴폐적) и абсурдных (кор. 부조리한) [аспектов] западной культуры (кор. 서구문물), а также ослаблением национального морального духа (кор. 국민도의심의 희박). Под воздействием этих социальных противоречий чувствительные и восприимчивые подростки склонны формировать либеральное (кор. 개방적) и бунтарское (кор. 반항적) мышление, что вызывает у нас тревогу.
>
> […]
>
> Не вызывает сомнений, что социальная среда оказывает большое влияние на подростков. Причинами подростковой девиантности являются неблагоприятное (кор. 불건전한) воздействие масс-медиа и вредных (кор. 유해한) развлекательных заведений, распущенное поведение взрослых, а также влияние гедонистических (кор. 향락적) тенденций, [атмосферы] недоверия и абсурда в обществе. Все это приводит к “загрязнению” (кор. 오염) молодых людей, что подрывает общественную стабильность»[699].

Хотя в качестве возможных причин подобного поведения рассматривались и структурные изменения («дегуманизирующие тенденции» в современном образовании[700], недостаток «здоровой культуры отдыха»[701],

---

[699] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 230–231.

[700] “오늘의 教育課程 改編되어야 한다” [«Необходимо реформировать сегодняшний образовательный процесс»] // 조선일보. 23.08.1978. 5 면.

[701] 金命祚. 餘暇善用과 青少年善導策. Recreation 問題의 提起 [*Ким Мёнчжо*. К постановке проблемы отдыха: правильное использование свободного времени и воспитательная политика в отношении молодежи] // 한국체육학회. 1975. 11 권. 147–157 쪽.

социальная или семейная среда[702]), основной причиной распространения таких установок считалось само экономическое развитие Республики Корея, которое приводило к росту уровня потребления и желаний[703]. Парадоксально, но, по мнению властей, рост благосостояния не должен был приводить к увеличению потребления, а напротив, требовал жесткого контроля за ним:

> «Сейчас, когда общество становится все более изобильным, каждому из нас следует тем более стремиться к бережливости, скромности и самодисциплине. В условиях стремительного экономического роста мы должны проявлять мудрость: активно копить деньги и формировать облик достойного гражданина развитой страны (кор. 선진국 국민다운 면모). Так как избыток материальных благ легко может породить роскошь, расточительство и эгоизм, сейчас как никогда важно приложить максимальные усилия, чтобы защититься от этих негативных влияний» [704].

«Центральными ценностями» системы Юсин, которые должны были гармонизировать отношения внутри общества и между обществом и

---

[702] «Независимо от того, насколько хорошо школьное образование, если семейная среда не способствует развитию [молодежи], если оно не может идти в ногу со временем, то и школьное образование не будет успешным. Также, как бы хорошо школа и семья ни обеспечивали образование, если социальная среда такова, что в обществе процветают различные так называемые “иррациональные явления”, негативно влияющие на образование молодежи, или нездоровые тенденции, то очень впечатлительные молодые люди могут легко “заразиться” ими, что нанесет большой ущерб их образованию». *Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1977 г.

[703] «Нельзя отрицать, что начатое еще до достаточного пробуждения духа трудолюбия, самопомощи и сотрудничества экономическое развитие нашей страны частично породило ориентацию на количественные показатели и материалистическое отношение к жизни. Стремление к лучшему жилью и более удобным бытовым предметам само по себе может побуждать людей трудиться усерднее, но в случае, *если при этом не утвердились [твердые] нравственные принципы*, подобные устремления легко перерастают в идеологию всевластия материальных ценностей и культа денег. […] Когда, слушая радио или смотря телевизор, человек сталкивается с ярким стилем жизни, ранее ему незнакомым, его чувствительная натура легко поддается соблазну, и он начинает желать того, что выходит за пределы его личных возможностей. В итоге подобные стремления легко перерастают в убеждение, будто, стоит только заработать деньги – и можно получить все, чего пожелаешь» (выделение наше. — *А.С.*). Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин. С. 143–144.

[704] 박근혜. 올바른 가치관의 정립 [*Пак Кынхе*. Создание правильных ценностей] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 127 쪽.

государством, были специфически интерпретированные властями [705] традиционные корейские ценности, такие как *чхун* (кор. 충 忠, «верность по отношению к правителю/государству») и *хё* (кор. 효 孝, «сыновья почтительность»), которые начинают активно распространяться в этот период и рассматривались в качестве главных элементов «всеобщей гармонии»[706]. Именно они были той силой, которая была «способна излечить пороки общества, пораженного культом материального»[707], а также поддерживать социальный порядок в целом, а не только семейные отношения[708]. Следование таким ценностям должно было *гармонизировать* не только отношение молодежи с обществом – но и, в конечном итоге, с государством, тем самым бесконфликтно вписав молодое поколение в проект модернизации.

Способом борьбы с элементами, не вписывающимися в рамки «всеобщей гармонии», было так называемое «очищение общества» (кор. 사회정화), которое понималось как «процесс интеграции национального духа, при котором система общественных норм приводится в соответствие с системой ценностей, к которой стремится нация, и все граждане добровольно следуют этой системе норм»[709]. Такая идея «очищения» возникла не в 1970-е

---

[705] О специфической интерпретации таких традиционных ценностей говорил, в частности, Ким Чхунъёль, преподававший философию в университете в 1970-е гг. Он писал, что в то время преподавателей восточной философии фактически обязывали обосновывать легитимность системы Юсин через категории *хё* и *чхун*, которые интерпретировались как мораль безусловного повиновения. Сам Ким Чхунъёль подчеркивал, что в изначальном конфуцианском учении они имели гуманистический характер и отражали более горизонтальные отношения и взаимные обязательства, но позднее (в эпоху Хань) были искажены для укрепления власти и сведены к одностороннему подчинению (김충열. 김충열 교수의 유가윤리강의 [*Ким Чхунъёль*. Курс лекций о конфуцианской этике]. 서울: 예문서원, 1994. 14–16 쪽). Об изменении в восприятии и переосмыслении категорий конфуцианской философии в 1970-е гг. – в частности, о важности категории «*у*» (дружбы) для развития демократического общества – см. статью Хон Сынмёна (홍승면. “충”과 “효”와 “우” [*Хон Сынмён*. «Чхун», «хё» и «у»] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 211–218 쪽). На русском языке см. фундаментальную работу С.О. Курбанова о значении категории сыновней почтительности в корейской истории: *Курбанов С.О.* Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. Корейское восприятие универсальной категории «почтительности к родителям». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 280 с.

[706] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 68–71.

[707] 박근혜. 효(孝)에 대하여 [*Пак Кынхе*. О сыновней почтительности] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 17–18 쪽.

[708] Там же С. 19.

[709] *Ко Ёнбок*. «Всеобщая гармония» и «очищение общества». С. 116.

гг.: как показывает Ли Саннок, Пак Чонхи использовал такой вокабуляр начиная с 1960-х гг., однако если ранее процесс «очищения» ограничивался отдельными кампаниями, то в период Юсин он принимал перманентный характер[710].

Целью «очищения» становилось искоренение так называемых «упаднических тенденций» (кор. 퇴폐 풍조), под которыми власти понимали «любые действия, подрывающие наши традиционные нормы нравственности и добропорядочности (кор. 민족고유의 미풍양속)» и «поведение, нарушающее объективный (кор. 객관성있는) и обоснованный (кор. 타당성있는) существующий общественный порядок» [711]. Такие тенденции, как подчеркивалось, становились социальной проблемой не только в странах развитых, но и в развивающихся[712]. Сферой, где было наиболее заметно наличие таких «упаднических тенденций», была сфера культуры. Как отмечает Чу Чханъюн, функция «всеобщей гармонии» в области культуры и искусства фактически заключалась в служении интересам государства, что сводилось трем основным задачам: вытеснению «неправильного» иностранного культурного влияния, искоренению упаднических явлений и возрождению национальной культуры[713].

5.2. Массовые организации периода Юсин и государственная политика в отношении «молодежной культуры»

С момента возникновения феномена «молодежной культуры» государство относилось к ней негативно и воспринимала как потенциальную

---

[710] *Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи... С. 339–351. Перманентность этого процесса подчеркивалась и самим Пак Чонхи. Обращаясь к теме «молодежной культуры» и «нездоровых элементов, нередко проявляющихся в музыке, кино и литературе», он подчеркивал, что «чем выше уровень жизни, тем легче возникают подобные явления, поэтому необходимы *постоянные* усилия для борьбы с ними» (выделение наше. — *А.С.*). 朴대통령 새해에도 庶政刷新 더욱 박차 [Президент Пак Чонхи: «В новом году мы будем еще активнее прилагать усилия к обновлению управления государством] // 경향신문. 27.12.1975. 1 면.

[711] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 214.

[712] Там же.

[713] *Чу Чханъюн*. Структура и процесс формирования современной южнокорейской культуры... С. 9.

угрозу общественному порядку: она была одной из наиболее заметных частей «упаднических тенденций» в южнокорейском обществе и маркировалась как нарушающая «всеобщую гармонию» [714] . Уже в начале 1970-х гг. государственные деятели, в том числе министр культуры, выступали с критикой новых культурных явлений, ассоциируемых с молодым поколением [715], и ответ государства на их стремительное распространение среди молодежи был довольно скорым. В 1970 г. вводятся первые ограничительные меры, включая кампанию против длинных волос у мужчин (*чанбаль тансок,* кор. 장발 단속) и мини-юбок, в рамках которых мужчин и женщин останавливали на улицах города и измеряли длину юбок/волос и заставляли исправлять своей внешний вид[716], регулирование содержания радиопередач[717], а также попытки контролировать показываемые по телевизору образы молодежи[718]. Кроме того, уже в начале 1970-х гг. власти начинают устраивать облавы на места, ассоциируемые с «молодежной культурой», такие как гоу-гоу клубы и кафе[719].

Тем не менее, вплоть до введения системы Юсин такие меры не были систематическими. 1972 г. являлся рубежным для «молодежной культуры», когда начинаются полномасштабные репрессии в отношении нее,

---

[714] *Ли Саннок*. Сфера культуры: в поисках обходного пути для сопротивления единообразию. С. 137.

[715] *Чу Чханъюн*. Политика поколенческого дискурса... С. 92–94; *Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи... С. 353–354.

[716] *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т. 2. С. 314.
Примечательно, что для осуществления наказаний за ношение длинных причесок у мужчин и мини-юбок у женщин активно использовалась система регистрации населения: граждане обязаны были постоянно иметь при себе удостоверяющие личность карточки. По сути, именно такие облавы стали одним из первых массовых прецедентов применения этой системы в качестве репрессивного инструмента. Подробное описание взаимодействия полиции и молодежи в ходе таких проверок см. в: Выпуск 71 г.: мы тоже были «новым поколением» в те времена. С. 86–89. Кроме того, идентификация граждан преследовала и другую цель – отделить корейцев от японских туристов, которые не подлежали как *чанбаль тансок*, так и наказанию за ношение слишком коротких юбок. 全東植. 長髮 퀴즈 [*Чон Донсик*. Викторина на тему длинных волос у мужчин] // 기독교사상. 1973. 제 6 월호. 125 쪽.

[717] 김성환. “너, 참 텔레비전이로구나” [*Ким Сонхван*. «Ну ты и телевизор…»] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 55–56 쪽.

[718] 長髮 등 엄격히 규제 放倫, 퇴폐 정화 방안 마련 [Строгий контроль над длинными волосами у мужчин и подготовка мер по очищению от вседозволенности и упадничества] // 경향신문. 02.10.1971. 6 면.

[719] 퇴폐 掃蕩 작전개시 [Начало кампании по искоренению упадка] // 경향신문. 01.10.1971. 7 면; 觀光 호텔 나이트클럽등 徹夜 고고춤 단속 [Надзор за ночными дискотеками в отелях и ночных клубах] // 경향신문. 24.09.1971. 8 면.

оформленные несколькими приказами [720] . Согласно ним места, ассоциирующиеся с «молодежной культурой», маркировались как «неблагоприятная и нездоровая среда», которая способствовала «моральному разложению молодежи или даже ее вовлечению в преступную деятельность» [721] . Кафе рассматривались как места, «предназначенные исключительно для представителей “длинноволосой молодежи”», связывались с курением марихуаны, а атмосфера там «наносила вред здоровому воспитанию молодежи» [722] . Гоу-гоу клубы характеризовались «воспроизведением вульгарной музыки» и «поведением, нарушающим общественную мораль» [723] . Продолжались кампании по надзору за длиной волос у мужчин и миниюбок у женщин. Примечательно, что подчеркивалась связь между этими репрессивными кампаниями и «Движением за новую деревню»: к примеру, людям, которые подверглись *чанбаль тансок*, выдавали документ, гласящий: «Надеемся, что вы осознаете, что подвергаетесь осуждению со стороны общества из-за ношения длинных волос в стиле хиппи, нарушающего общественную мораль и нравы, и призываем вас активно участвовать в “Движении за новую деревню” – великом национальном движении за подъем нации» [724] .

Вместе с введением системы Юсин принимаются и поправки к Закону о мелких правонарушениях, которые регулировали внешний вид граждан. В

---

[720] Среди нормативных актов, принятых в то время, следует выделить: 국가 비상사태에 따른 퇴폐풍조 정화실천 강화 지시 [Приказ об усилении борьбы с упадочническими тенденциями в условиях чрезвычайного положения] // 충청북도 제천시 기획담당관. 12.01.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286869 (дата обращения: 16.05.2025); 반시민적 직분사조사범 추방 계획 [План по борьбе с преступлениями, нарушающими гражданский долг и нравственные нормы] // 대통령 비서실. 05.06.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0000003110 (дата обращения: 16.05.2025); 대학생풍기단속에따른지시 [Приказ о надзоре за нравственностью студентов] // 전라남도 환경보건국위생과. 17.07.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286870 (дата обращения: 16.05.2025).

[721] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 211–212.

[722] План по борьбе с преступлениями, нарушающими гражданский долг и нравственные нормы.

[723] Там же.

[724] Там же.

самом проекте поправок их цель обозначалась как «искоренение распространенных в обществе упадочных тенденций и социальных пороков», что должно было способствовать «установлению жизнерадостного (кор. 명랑한) общественного порядка»[725]. П. 44 нового закона гласил о том, что необходимо штрафовать «людей, которые вызывают чувство отвращения у других, чрезмерно демонстрируя свое тело в публичных местах, надевая вызывающую одежду или показывая интимные части тела», а п. 49 затрагивал «мужчин, которые носят длинные до такой степени волосы, что нельзя узнать их пол»[726] и «людей, которые носят вульгарную одежду или украшения, которые наносят вред общественной морали»[727]. Включение элементов «молодежной культуры» в список административных правонарушений делало возможным поставить ее в один ряд с другими преступлениями, такими как азартные игры, проституция или распространение порнографии[728].

Критика стиля «молодежной культуры» была построена на нескольких пунктах, аргументах как этического, так и внеэтического характера. Например,

---

[725] 경범죄처벌법중 개정법률 [Законопроект о внесении поправок в Закон о мелких правонарушениях] // 법제처. 08.02.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286758 (дата обращения: 16.05.2025).

[726] Обратим внимание на то, что критерии «длинных волос», закрепленные в законе, отличались крайней расплывчатостью, на что неоднократно указывала пресса. В условиях такой неопределенности журнал «*Воскресный Сеул*» в 1974 г. давал читателям следующие ориентиры: «если волосы сбоку закрывают более одной трети уха» и «если длина волос на затылке превышает 4 см» (미니스커트 • 장발: 어디까지 괜찮나? [Мини-юбки и длинные волосы: какая длина допускается?] // 선데이 서울. 1974. 7 권. 16 호. 38-39 쪽). В 1975 г. Главное управление полиции в преддверии новой облавы уточнило правила: наказанию подлежали мужчины, у которых «волосы сбоку закрывают уши» и «волосы сзади настолько длинные, что перекрывают воротник рубашки» (長髮族 단속령 [Приказ о борьбе с длинными волосами у мужчин] // 매일경제. 14.04.1975. 7 면). В официальных документах от 1976 г., помимо общей формулировки о «длинных волосах, из-за которых невозможно отличить мужчину от женщины», перечислялись и более конкретные случаи: мужчины с «волосами, закрывающими уши», с «волосами на затылке, перекрывающими воротник», а также с «химической завивкой или короткой стрижкой в женском стиле (каре)». 장발단속 계획보고 [План кампании по борьбе с длинными волосами у мужчин] // 총무처. 20.05.1976. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286881 (дата обращения: 16.05.2025).

[727] Законопроект о внесении поправок в Закон о мелких правонарушениях.

[728] Например, см.: 퇴폐풍조를 몰아내자 [«Давайте изгоним упаднические тенденции!»] // 대한뉴스 제 846 호. 25.09.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=731&mediadtl=5683 (дата обращения: 16.05.2025).

длинные волосы были не только «негигиеничны»[729], вредны, по словам министра культуры Ким Сончжина, «для физического и психического здоровья»[730], но и входили в противоречие с целью «воспитать в людях чувство “национального субъективизма” (кор. 주체의식) и утвердить здоровую социальную мораль»[731]. Сам Пак Чонхи неоднократно высказывался по поводу длинных причесок у юношей, считая, что они мешают развитию профессиональных навыков[732], а также являются маркером «психической неустойчивости» и «попыткой заполнить ментальную пустоту»[733].

С принятием Конституции Юсин в 1972 г. культурная политика государства приобрела более централизованный и репрессивный характер. Уже начале следующего года были приняты поправки к Закону о вещании[734] и новый Закон о кинематографе[735], ознаменовавшие переход к систематическому контролю над сферой культуры. Тем не менее, до 1975 г. элементы «молодежной культуры», такие как ее стиль и музыка, еще сохраняли видимое присутствие в публичном пространстве – в частности, на телевидении – поскольку процесс «очищения общества» не был одномоментным и требовал времени. Однако дальнейшее ужесточение контроля стало неизбежным на фоне обострения политической ситуации в стране.

13 мая 1975 г. Пак Чонхи издает «*Указ №9 о чрезвычайных мерах*», согласно которому полностью запрещались любые действия по отрицанию, критике, искажении, клевете, требованию пересмотра или отмены

---

[729] 장발단속 [Кампания по борьбе с длинными волосами у мужчин] // 대한뉴스 제 1042 호. 02.08.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10005&mediadtl=20040&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).

[730] *Jameson S.* Key Is Self-Reliance. Korea Launches ‘Purification’ Drive. In: *Los Angeles Times*. 20.07.1976. P. 12.

[731] План кампании по борьбе с длинными волосами у мужчин.

[732] 技能工 長髮이면 技術연마에 지장 [«Если у технического специалиста длинные волосы, то это помешает оттачиванию его профессиональных навыков»] // 경향신문. 27.10.1973. 2 면.

[733] *Пак Чонхи*. Путь возрождения нации. С. 177.

[734] 방송법중 개정법률 [Законопроект о внесении поправок в Закон о вещании] // 법제처. 16.02.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286759 (дата обращения: 16.05.2025).

[735] Закон о кинематографе 1973 г.

Конституции Юсин, а также любые призывы к таким действиям или сообщения о них в СМИ[736]. Вскоре после этого, 23 мая, было опубликовано «*Руководство по оздоровлению сферы вещания*», в котором содержались положения, касающиеся принципов, которым должны были соответствовать все развлекательные и музыкальные программы, а также перечень запрещенных для эфира тем. Согласно ним музыкальные программы должны были исключить «упаднические и нигилистические элементы», а также запрещалось «содержание, подрывающее общественную этику или оказывающее вредное влияние на воспитание молодежи»[737]. Усиливалась цензура всех видов искусства, а в сфере музыки предусматривалась повторная экспертиза как старых, так и новых песен с целью изъятия и уничтожения записей, если в них обнаруживались: 1) угроза национальной безопасности и «всеобщей гармонии», 2) бездумное заимствование и подражание иностранным влияниям, 3) пораженчество и пессимизм, 4) элементы эротики и упадничества[738]. На основании этих критериев были запрещены несколько сотен как корейских, так и зарубежных песен, и среди запрещенных песен было большое количество фолк- и рок-песен, включая, например, песни Ли Чжанхи, Син Чжунхёна и Ким Минги[739].

Как указывают Син Хёнчжун и Чхве Чжисон, эти запрещенные песни отличались от песен, запрещенных до этого момента: в прошлом такой запрет лишь ограничивал воспроизведение и исполнение песен в эфире радиопередач, но не запрещал продажу пластинок или концертные исполнения сами по себе[740]. Однако новая категория «запрещенных песен» делала песни запретными не только для трансляций, но и для производства, продажи и

---

[736] 국가안전과 공공질서의 수호를 위한 대통령 긴급조치 (대통령긴급조치 제 9 호) [Президентский указ № 9 о чрезвычайных мерах для защиты государственной безопасности и общественного порядка] // 총무처 법무담당관. 13.05.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?bsid=200301056948&dsid=000000000022&gubun=search (дата обращения: 16.05.2025).

[737] *Ким Хэнсон*. Указ. соч. С. 184.

[738] Там же. С. 193.

[739] Там же. С. 193–195. *Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен. С. 115–127; 134–135.

[740] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг. С. 253.

исполнения на сцене[741], по причине чего даже уже выпущенные альбомы подлежали изъятию и уничтожению. Более того, наличие даже одной запрещенной песни на альбоме делало его невозможным для продажи, и в условиях музыкального рынка Республики Кореи, где не существовало формата синглов, это крайне сильно ударило по музыке «молодежной культуры»[742].

Изменения коснулись и ведения концертной деятельности. Так «*Меры по "очищению" концертной деятельности*» уже были направлены на выступления, «без разбора заимствующие и подражающие иностранным веяниям, игнорируя национальную самобытность», распространяющие «пессимистические и пораженческие представления», «подрывающие боевой дух народа», а также «поощряющие потребительскую и мимолетную моду» и «возбуждающие нигилистическое стремление к наслаждению»[743]. Примечателен и другой пункт, согласно которому культурная продукция не должна была содержать «сюжеты, разжигающие конфликты между поколениями»[744].

В конце 1975 г. последовали институциональные преобразования: в рамках реформы Закона о публичных представлениях был создан Комитет по этике сценических выступлений, пришедший на смену Комитету по этике в искусстве. Он осуществлял двойную цензуру музыкальных альбомов: предварительную и после записи материала, и только те экземпляры, что

---

[741] См. документ, разосланный звукозаписывающим компаниям Министерством культуры в 1975 г.: 대중가요정화에 따른 협조 [Содействие в «очищении» популярных песен] // 경기도 의정부시 기획실 문화공보담당관. 04.07.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286875 (дата обращения: 16.05.2025).

[742] *Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг. С. 253.

[743] 공연활동정화계획 [План по «очищению» концертной деятельности] // 충청남도 아산군 문화공보실. 03.06.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286877 (дата обращения: 16.05.2025); 공연활동의 정화 [Меры по «очищению» концертной деятельности] // 경기도 의정부시 기획실 문화공보담당관. 14.06.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286873 (дата обращения: 16.05.2025).

[744] Там же.

прошли последнюю, могли быть легально распространены[745]. С этого времени была в несколько раз усилена предварительная цензура, что вылилось в кратном увеличении количество «правок», требуемых от музыкантов[746]. Одновременно усилилась и цензура в сфере кинематографа, что привело к тому, что в 1975 г. было снято рекордно малое количество кинокартин (всего 94)[747], а существующие фильмы стали подвергаться крайне жесткой цензуре, примером чего были знаковые для «молодежной культуры» фильмы «*Марш дураков*», из которого было вырезано практически 30 минут материала[748] и «*Дни расцвета Ёнчжа*»[749].

Наконец, главным ударом по «молодежной культуре» был «марихуановый скандал», начавшийся в конце 1975 г., в результате чего искусство, связанное с «молодежной культурой», начало стремительно исчезать из публичного поля. Кроме этого, некоторые не затронутые этим скандалом музыканты – в частности, Сон Чхансик – были насильно призваны в армию и вынужденно прекратили свою деятельность на определенный срок[750]. После 1975 г. усиливаются репрессии в отношении стиля «молодежной культуры» в реальной жизни: *чанбаль тансок* теперь становится *общенациональным* движением, проводящимся на заводах, школах и рабочих местах[751]. Уже в 1976 г. столичная прокуратура выпускает ведомственные

---

[745] *Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен. С. 136–137.

[746] *Мун Окпэ*. Исследование государственного контроля... С. 41. Одним из наиболее репрезентативных примеров вмешательства цензуры является песня Чон Тхэчхуна «*Деревня поэта*», подробный разбор правок к которой можно найти в: *Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен. С. 140–141.

[747] 製作 [Статистика по количеству произведенных фильмов] // 1979 年度版 韓國映画年鑑 [*Ежегодник южнокорейского кино за 1979 г.*]. 서울: 映画振興公社, 1980. 103 쪽.

[748] 조준형, 김영진, 정종화. 바보들의 행진 소책자 [*Чо Чжунхён, Ким Ёнчжин, Чон Чжонхва*. Брошюра фильма «Марш дураков»]. 서울: 한국영상자료원, 2014. 20 쪽.

[749] *Пак Юхи*. «Порнография» как категория цензуры… С. 181–185.

[750] 한상진. 송창식 [*Хан Санчжин*. Интервью с Сон Чхансиком] // 新東亞. 2010. 제 11 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://shindonga.donga.com/culture/article/all/13/109765/1 (дата обращения: 16.05.2025).

[751] План кампании по борьбе с длинными волосами у мужчин.

Хан Хонгу связывает ужесточение контроля за длинными волосами у мужчин с окончанием войны во Вьетнаме: после падения Сайгона «на время ослабленные» облавы на «длинноволосых» вновь резко усилились (*Хан Хонгу*. Юсин: эпоха одного человека. С. 269). Обратим внимание и на то, что в то же время происходит и понижение возраста, с которого гражданин должен был получать удостоверение личности – он был снижен до 17 лет. *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 3. С. 43.

указания по борьбе с длинными волосами у мужчин, которое реализовывалось в рамках «Движения за новую деревню»[752], а о начале этой кампании было заранее объявлено в СМИ[753]. Подобные кампании проводились на протяжении всей второй половины 1970-х гг.[754] Одновременно с этим власти ввели запрет на прием на работу сотрудников-мужчин с длинными волосами в учреждения общественного обслуживания (кинотеатры, рестораны, гостиницы и т. д.), принимая жесткие административные меры в отношении нарушивших это предписание мест[755].

Во второй половине 1970-х гг. молодые люди, направляющиеся на отдых в пригородных поездах, часто сталкивались с тем, что их гитары конфисковывала полиция[756]. Регулярными становятся и меры по «очищению» радиопередач. В особенности сильно пострадали ночные радиоэфиры, которые были «очищены от засилья иностранных песен»[757]. Велась борьба с ведущими, которые «в прямом эфире часто нарушали языковые нормы», были отменены заявки на воспроизведение музыки по телефону, и все ночные радиоэфиры стали записываться заранее, что «способствовало очищению

[752] *Ким Хэнсон*. Указ. соч. С. 208–209.

[753] 「공무원型 調髮」로 [Прически – как у госслужащих] // 조선일보. 11.06.1976. 7 면; 16 日부터 長髮 단속 [Начало рейдов, направленных против длинных волос у мужчин, с 16 числа] // 동아일보. 14.06.1976. 7 면; 大學生 장발단속 16 일까지는 계몽 [До 16-го числа будет осуществляться разъяснительная работа среди студентов с длинными волосами] // 매일경제. 11.06.1976. 7 면.

[754] Таблица 1 – Статистика кампаний, направленных против длинных волос у мужчин (по годам):

Год	1974	1975	1976	1977	1978	1979
Количество преступлений	120 343	151 158	1 120 712	265 550	1 104 072	234 675

Источники: Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 217; Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 228; Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 255; Белая книга по вопросам молодежи за 1980 г. С. 232. Столь высокие показатели были, вероятно, связаны и с тем, что большинство задержанных за ношение длинных волос получали «предупреждение после ареста за мелкое правонарушение» (кор. 훈방) и освобождались после принудительной стрижки.

[755] 장발정화지시 [Приказ об «очищении» общества от длинных причесок у мужчин] // 전라남도 장성군 환경보호과. 20.06.1976. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286874 (дата обращения: 16.05.2025).

[756] *Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры. С. 244.

[757] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 220–225; Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 241–252.

содержания [этих программ]»[758]. Проводились и кампании против «огульного» использования заимствованных из английского языка слов, а параллельно этому существовало движение за «локализацию» названий шоу, музыкальных исполнителей или даже спортивных терминов[759].

Тем не менее, несмотря на масштабные усилия властей, эти кампании не были полностью успешными. Как признавали сами власти, «*чанбаль тансок* не достигает своих целей из-за безразличия и непонимания общественности, включая некоторых общественных лидеров»[760], а облавы на места, связанные с «молодежной культурой», по данным «*Белой книги по вопросам молодежи*» за 1976 г., не приводили к уменьшению количества таких мест[761]. Более того, как отмечает Ким Сонхван, частные радиостанции сохранили определенную степень автономии[762], что позволило некоторым жанровым элементам «молодежной культуры» уцелеть даже после ужесточения цензуры в 1975 г.

Помимо конкретных репрессивных мер, направленных против «молодежной культуры», существовал и другой, структурный аспект ее подавления. Сами тотальные институты, через которые была обязана проходить молодежь, такие как армия (что отмечал еще Ли Орён[763]) и школа (на что обращал внимание Хан Вансан[764]) служили препятствием для развития полноценной молодежной субкультуры. Поскольку пространством, где она могла наиболее ярко проявиться, была сфера *свободного* времени, проводимого вне формальных институтов, государство, как подчеркивает Пэ Сонин, стремилось минимизировать его[765]. Во всех этих институтах наиболее сильно проявлялся дисциплинарный аспект управления современным обществом, и они налагали ограничения на внешний вид и поведение

---

[758] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 222–224.
[759] *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 3. С. 38–40.
[760] План кампании по борьбе с длинными волосами у мужчин.
[761] Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 224.
[762] *Ким Сонхван*. «Ну ты и телевизор…». С. 56.
[763] *Но Чжэбон, Ли Орён, Чхве Инхо, Хан Вансан, Хён Ёнхак, О Гапхван*. Указ. соч. С. 140.
[764] *Хан Вансан*. Проблемы современной молодежной культуры. С. 122–124.
[765] *Пэ Сонин*. Указ. соч. С. 236–237.

индивида, что напрямую препятствовало проявлениям стиля «молодежной культуры».

В этом контексте важно отметить и то, что главным отличием периода Юсин была *спаенность* массовой системы образования с другими массовым организациями 1970-х гг., как и сам их масштаб и идеологическая «насыщенность». Главный символ периода Юсин, «Движение за новую деревню», начавшись только с сельской местности, спустя короткое время охватило практически все сферы жизни южнокорейского общества: городское пространство, школы, университеты, заводы и даже армию, и тем самым крайне быстро стало, цитируя Вильяма Брандта, «широкомасштабной идеологической кампанией, направленной на психологическую мобилизацию всей страны в поддержку “национального строительства”»[766] – и именно молодежь, «более чувствительная к современному порядку и ценностям», должна была стать «основной движущей силой этого движения как процесса реализации таких ценностей»[767].

Параллельно с «Движением за новую деревню» существовало и другое, не менее важное массовое движение, направленное исключительно на молодежь: «Движение за новый дух», которое сосредотачивалось на проблемах ее воспитания и привития ей правильных ценностей. Главным лицом этого движения была дочь президента Пак Чонхи, Пак Кынхе, которая де-факто стала «первой леди» Республики Корея после убийства ее матери, Юк Ёнсу. Сама будучи представительницей поколения *хангыля*, Пак Кынхе стремилась соответствовать образу «почтительной дочери» и служила физическим воплощением ценностей, которые продвигал режим: в своих выступлениях она постоянно упоминала важность разных форм сыновьей почтительности и других традиционных корейских ценностей для молодежи, например соблюдение этикета/правил приличия, *е* (кор. 예 禮), а ее

[766] *Brandt V*. Op. cit. P. 199.
[767] *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение… С. 497–498.

деятельность была связана с наиболее важными для молодежной политики сферами: образованием и волонтерской деятельностью. Большинство ее выступлений проходило в школах и университетах, где она обращалась к молодежи с призывом следовать нормам традиционной корейской морали. В рамках этого движения в средних и старших школах создавались так называемые «Ассоциации нового духа» (кор. 새마음회) для «практического воплощения принципов верности государству, сыновней почтительности и этикета», а к 1979 г. в 2 757 начальных школах действовали «классы почтения к пожилым» (кор. 경로교실), призванные «воспитывать у учащихся уважение к старшим и одновременно способствовать улучшению условий жизни пожилых людей»[768]. В восприятии ряда современников это движение было своеобразным антиподом «молодежной культуры».[769].

Реализация идеологического аспекта образования периода Юсин сопровождалось и масштабной реформой содержания учебных программ: были пересмотрены учебники по таким дисциплинам, как история, общество, этика; в школах была создана новая «кафедра морали»; список антикоммунистических «просветительских мероприятий» был значительно расширен [770] . Новая стандартизация учебных материалов, начавшая происходить вслед за «уравниванием» школ, отражала и дискурс равенства, под которым власти, однако, прежде всего подразумевали *гомогенизацию*[771].

Изменения в содержании образовательного процесса можно обозначить двумя трендами. Во-первых, в рамках идеологии «всеобщей гармонии» учебники стали больше нацелены на подчеркивание важности национальной истории, традиционных ценностей сыновьей почтительности, коллективизма

[768] Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 95.
[769] 秦仁淑. 오늘의 青年文化 [*Чин Инсук*. Сегодняшняя «молодежная культура»] // 광장. 1977. 제 66 호. 18 쪽.
[770] 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [*Хан Мангиль*. Реалии антикоммунистического образования системы Юсин и его последствия] // 역사비평. 1997. 제 38 호. 341 쪽.
[771] *Хван Бёнчжу*. Политика по уравниванию школьного образования... С. 208–209.

и приоритета нации над личностью[772]. Этот процесс «восстановления» значения корейских традиционных ценностей имел и гендерный аспект: мужским идеалом стал адмирал Ли Сунсин, символизировавший готовность приложить все усилия ради достижения целей национального развития, а женским – Син Саимдан, символизировавшая материнство и женскую добродетель[773]. Во-вторых, не менее важным было введение в школьное образование обязательных коллективных практик, которые связывались с проявлениями патриотизма и которые можно обозначить как *патриотические практики*. Наиболее ярким примером этого были так называемые «патриотические утренние собрания» (кор. 애국 조회)[774].

Другим важным направлением политики властей была *милитаризация* школьного и университетского образования, главной целью которой было укрепление связи между идеей «защиты Отечества» (кор. 호국) и «любовью к Отечеству» (кор. 애국), что нашло свое отношение и в изменившемся содержании школьных учебников[775]. Внедрение милитаристских *практик* в большей степени касалось старшей школы и университетов (где, например, произошло существенное увеличение количества занятий по начальной военной подготовке (кор. 교련), которая касалась и юношей, и девушек), хотя следы такой милитаризации можно найти и в младшей и средней школах[776]. Милитаризация образования также имела гендерный аспект: девушкам

---

[772] Подробнее см.: 구경남. 1970 년대 국정 <국사> 교과서에 나타난 애국심 교육과 국가주의 [*Ку Гённам*. Воспитание патриотизма и национализм в государственных учебниках по истории 1970-х гг.] // 역사교육연구. 2014. 제 19 호. 347–383 쪽.

[773] 권인숙. 대한민국은 군대다 [*Квон Инсук*. Республика Корея – это армия]. 서울: 청년사, 2005. 163 쪽.

[774] См. подробное описание таких собраний в: *Пэ Сонин*. Указ. соч. С. 236–237.

[775] 김현선. 애국주의의 내용과 변화: 1960–90 년대 교과서 분석을 중심으로 [*Ким Хёнсон*. Сущность и изменения идеологии патриотизма: на примере анализа учебников 1960–90-х гг.] // 정신문화연구. 2002. 제 25 권. 제 2 호. 196 쪽; *Чан Ёнмин*. Указ. соч. С. 424–433.

[776] Подробнее см.: 허은. 유신시대 학교와 학생의 일상사 [*Хо Ын*. Школы в период Юсин и повседневная жизнь учащихся] // 한국현대 생활문화사 1970 년대: 새마을운동과 미니스커트 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период: 1970-е гг., «Движение за новую деревню» и мини-юбки*]. 서울: 창비, 2016. 35–59 쪽.

преподавали основы первой помощи и сестринского дела, в то время как юношей готовили к роли солдат[777].

Наивысшей точкой процесса милитаризации было воссоздание существовавших в период правления Ли Сынмана (1948–1960) «отрядов учащихся по защите Отечества»[778] в 1975 г. во всех старших школах и университетах страны ради «обновления атмосферы учебных заведений» и «развития духовной стойкости [обучающихся]» (п. 1), а также «привития учащимся духа защиты Отечества (кор. 호국정신) и реализации его на практике» (п. 15)[779]. Примечательно, что одной из функций таких отрядов было не только военное образование, местная оборона и поддержание порядка во время гипотетической войны, но и продвижение участия в разного рода волонтерской деятельности, в частности в «Движении за новую деревню» (п. 12)[780].

Со временем сфера деятельности этих отрядов расширилась: «*Белая книга по вопросам молодежи*» за 1978 г. указывает, что их цели уже включает в себя «создание атмосферы усердной учебы, с целью воспитания компетентных лидеров, способных внести вклад в развитие страны», «развитие организаторских способностей» и «активное содействие самостоятельной и “здоровой” деятельности (кор. 건전활동), сочетающей укрепление национального сознания и самореализацию»[781]. В рамках этих организаций власти проводили разные кампании против «молодежной культуры», например, кампанию против длинных волос[782], а более строгие

---

[777] *Квон Инсук*. Указ. соч. С. 163.

[778] Подробнее про использование молодежных организаций, в том числе студенческих корпусов, в период правления Ли Сынмана см.: *Ермолаева Е.М*. Республика Корея в авторитарный период... С. 38–49.

[779] 학도호국단설치령 [Приказ о создании отрядов учащихся по защите Отечества] // 법제처. 06.07.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=31935&ancYd=19750607&ancNo=07645&efYd=19750607&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).

[780] Там же.

[781] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 311–312.

[782] 김행선. 1970 년대 유신체제기 학교새마을운동의 조직과 활동 [*Ким Хэнсон*. Организация и деятельность «Движения за новую деревню» в образовательных учреждениях в период Юсин]. 서울: 선인, 2017. 132–133

ограничения в отношении внешнего вида студентов вводились в университетах в рамках «Движения за очищение кампуса»[783].

Стоит отметить и то, что в рамках «Движения за новую деревню» и «Движения за новый дух» в стране была создана целая сеть специализированных учреждений для получения более продвинутых форм идеологического образования по типу «образования *Сэмаыль*» или «духовного образования *хваранов*»: Институт лидеров *Сэмаыль*, Образовательный центр «*Хваран*», ориентированный на подростков, Образовательный центр им. Син Саимдан для женщин и т. д.[784] Все эти образовательные центры были подчеркнуто эгалитарными, то есть потенциально открытыми для большого количества молодых людей, причем отдельное внимание уделялось и участию девушек.

Образование в рамках таких институтов позиционировались как образование для всего населения без исключения: в таких учебных заведениях делались стажировки не только для учащихся, но и для преподавателей школ и даже директоров. По данным, приводимым Хван Бёнчжу, за период Юсин общее количество людей, прошедших через «образование *Сэмаыль»* в соответствующих центрах, составило практически 700 тыс. человек[785]. По его мнению, такое образование, ориентированное на «революцию сознания»,

---

쪽. Похожие кампании также проводились и в резервных войсках. 예비군머리깎기운동 [Кампания по стрижке среди резервистов] // 대한뉴스 제 108 호. 22.05.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10066&mediadtl=20316&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).

[783] *Ли Гёнсук*. Указ. соч. С. 129–132; *Ким Хэнсон*. Организация и деятельность «Движения за новую деревню»... С. 139.

[784] Приведем описание этих центров из «*Белой книги по вопросам молодежи*» за 1979 г.: образовательный центр «*Хваран*», расположенный в г. Кёнчжу, был основан 3 июля 1973 года с целью «возродить в современности славный дух *хваранов* – воинов и культурных деятелей, некогда объединивших три корейских государства и создавших блестящую национальную культуру». Образовательный центр «*Чхунму*» в г. Асан был создан 28 апреля 1974 г., чтобы, «унаследовав патриотический дух адмирала Ли Сунсина, пробудить у граждан любовь к родине и взрастить кадры, призванные содействовать национальному возрождению». Образовательный центр «*Саимдан*» был открыт 24 ноября 1977 года в Чумунчжине для «утверждения корейского женского идеала на основе добродетелей Син Саимдан: любви к родине, почитания родителей и умения проявлять заботу о ближних, то есть для воспитания женских добродетелей в духе национальных традиций». Белая книга по вопросам молодежи за 1979 г. С. 102.

[785] *Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение… С. 500–501.

следует скорее понимать как попытку сформировать массы в качестве нового субъекта модернизации, который был бы «эгалитарно интегрирован» в доминирующую идеологию[786]. Вне зависимости от возраста, полученное образование *Сэмаыль* должно было помочь продвинуть и государственные ценности в отношении молодежи[787] – и, прямо или косвенно, такое образование способствовало *гомогенизации* всей молодежи как одновременно субъектов модернизации и объектов воспитательной политики[788].

Подводя итог молодежной политике того времени, можно сказать, что в широком смысле слова ее становление было реакцией на развитие «молодежной культуры». Рубежным для молодежной политики был 1975 г., время создания «отрядов учащихся по защите Отечества» и пик полномасштабных репрессий против «молодежной культуры». В дальнейшем с созданием в 1977 г. Комитета по молодежной политике под председательством премьер-министра Чхве Гюха[789] и началом в том же году «Движения за новый дух» под руководством Пак Кынхе происходит ее институциализация.

Центральным элементом этой политики становится попытка идеологической мобилизации молодежи через усиление пропаганды традиционных конфуцианских ценностей, которые рассматривались как универсальное средство решения всех социальных проблем молодого

---

[786] Там же. С. 485.

[787] О содержании образования в Образовательном центре «*Хваран*», предназначенном для учащихся средней и старшей школы см.: *Чхве Гвансын*. Указ соч. С. 237–275.

[788] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 262–264.

[789] В ведении этого комитета были вопросы, которые касались: разработки базового плана и конкретных мер по руководству, воспитанию и защите молодежи; координации деятельности различных административных органов, связанных с молодежной политикой; создания и управления учреждениями, обеспечивающими защиту и благосостояние молодежи; нравственного воспитания и физического развития молодежи, а также поддержки негосударственных молодежных организаций; международного обмена в сфере молодежной деятельности. 청소년대책위원회규정 [Закон об учреждении Комитета по молодежной политике] // 법제처. 27.08.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=31155&ancYd=19770827&ancNo=08670&efYd=19770827&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).

поколения[790]. В этот период была подготовлена и институциональная база молодежной политики: принято несколько мер для улучшения условий труда молодых рабочих[791]; подготовлен (но не принят) Закон о социальном образовании; началось создание рекреационных зон для молодежи. Однако в историографии эти меры часто оцениваются критически как недостаточно эффективные и служащие скорее инструментами идеологического контроля, нежели реального улучшения положения молодежи[792].

5.3. Образы молодежи в период Юсин и политическое значение «молодежной культуры»

Как указывает Пэ Сонин, уже с момента принятия «*Устава национального образования*» началась активная работа государства по формированию нормативного образа молодежи, который основывался на идее лояльности государству и активного участия в проекте модернизации[793], что способствовало маргинализации и постепенному исчезновению альтернативных ролевых моделей. Молодежь должна была обладать такими качествами, как «самостоятельность» (кор. 자주성) и «открытость» (кор. 개척정신), стойким антикоммунистическим настроем, быть готовой к объединению Кореи и иметь «твердые моральные ориентиры» (кор. 확고한 윤리관), а создание образа нового молодого человека должно было стать «национальной задачей, ради которой все общество должно действовать сообща»[794]. Молодежь в официальной пропаганде изображалась как

[790] Например, см.: 崔總理 주재, 對策委: 青少年 선도 汎國民 氣風 조성 [Комитет по молодежной политике под председательством премьер-министра Чхве Гюха: создание национальной атмосферы, в которой будет возможно руководство над молодежью] // 경향신문 31.03.1978.1 면.

[791] Подробный обзор таких мер приведен в: Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 120–150.

[792] *Ли Саннок*. Сфера культуры: в поисках обходного пути для сопротивления единообразию. С. 142.

[793] *Пэ Сонин*. Указ. соч. С. 233.

[794] Белая книга по вопросам молодежи за 1978 г. С. 230.

трудолюбивые рабочие[795], преданные солдаты[796], волонтеры и прилежные студенты[797], и эти образы активно транслировались в пропагандистском кинематографе, в частности, в фильме «*Герои завтрашнего дня*» 1976 г., где они противопоставлялись «заблудшей молодежи», сбившейся с пути[798].

Такое противопоставление заметно и в другом произведенном при поддержке государства документальном кино: например, в фильме «*Письмо одного солдата*» 1971 г., где брат выражает разочарование поведением своей сестры, которая ведет расточительный образ жизни, посещая ателье модной одежды, салоны красоты, гоу-гоу клубы, или в фильме «*Семья Сэмыль, Ч. 5*» 1975 г., где студентки, проводящие время за покупкой одежды и посещением кафе, противопоставляются студенткам, проходящим стрелковую подготовку. В художественном фильме «*Дневник в картинках*» 1976 г. демонстрируется образ младшей сестры, оставленной без внимания со стороны старших братьев и сестер, увлеченных западной музыкой, гоу-гоу танцами и другими символами «молодежной культуры». Пропагандистское кино использовалось и для закрепления ассоциации «молодежной культуры» с преступлениями: например, фильм Хан Санхуна «*Вред марихуаны*» 1976 г. изображает молодежь, втянутую в «эпидемию» потребления наркотиков, и почти все

---

[795] *Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория. С. 373–409; 황병주. 기능올림픽, 패자 부활의 잔혹사 [*Хван Бёнчжу*. Олимпиада профессиональных навыков: жестокая история второго шанса для проигравших] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 73–85 쪽.

[796] К примеру, см.: 祖國愛에 불사른 花郎魂 30 년 [30 лет духу хваранов, пылавших любовью к Родине] // 조선일보. 01.05.1976. 3 면.

[797] Например, см.: 영하 추위에도 열중하는 학생들 [Студенты, увлеченно учащиеся даже в холодную погоду] // 대한뉴스 제 1119 호. 31.01.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10126&mediadtl=20584 (дата обращения: 16.05.2025).

[798] В пропагандистских фильмах того времени также активно использовались образы членов «отрядов учащихся по защите Отечества», которые сочетали в себе все качества идеальной молодежи: они усердно учились, готовились к гипотетической войне и участвовали в волонтерской деятельности. Такие образы хорошо показаны в документальных фильмах «*Отряды учащихся по защите Отечества*» и «*Отряды учащихся по защите Отечества, которые обретают новые знания и защищают родную страну*», произведенных в 1977 г., а также в художественном фильме «*Добровольческий отряд студентов*» того же года.

герои этого фильма – мужчины с длинными волосами и в джинсах, воплощающих внешние атрибуты «молодежной культуры».

Образы, наиболее важные для системы Юсин, можно найти в художественных фильмах, снятых при поддержке государства: молодые мужчины часто изображались войнами, безоговорочно жертвующими жизнью ради государства («*Свидетельство*», «*Цвели дикие хризантемы*» 1974 г.)[799], а молодые женщины – активно участвующими в проекте модернизации в сельской местности и при этом заботящимися о своей семье («*Марш жен*» 1974 г.). На этом фоне «молодежная культура» действительно формировала собственные, отличные от официальных, образы молодежи.

Прежде всего, сам стиль «молодежной культуры» не вписывался в пропагандируемые государством образы и вступал в заметное противоречие с жесткими гендерными представлениями в рамках системы Юсин[800]. Такие элементы «молодежной культуры», как длинные волосы у мужчин входили в противоречие с доминирующим образом милитаризованной маскулинности, а джинсы у студенток, нарушали традиционные нормы гендерной репрезентации, предлагая своего рода «унисекс-стиль», который можно рассматривать как «скрытую попытку преодолеть существующие границы»[801]. Как чрезмерная «сексуальность», ассоциируемая с мини-юбками, так и «андрогинность» унисекс-стиля вызывали негативную реакцию со стороны властей и значительной части консервативно настроенного общества[802]. Несмотря на разную семантику, все эти формы внешнего выражения объединяло то, что они выходили за рамки нормативного представления о

---

[799] Отметим, что обязательные показы этих и других военных кинолент, а также фильмов, созданных Киностудией вооруженных сил, проводились для мужчин, проходящих обязательную военную службу, а также студентов и школьников. С распространением телевидения часть художественных и документальных военных фильмов демонстрировалась и там, в том числе и в прайм-тайм.

[800] Подробнее про гендерный аспект политики государства см.: *Moon S*. Militarized Modernity and Gendered Citizenship in South Korea. P. 44–94.

[801] *Чхве Инхо*. Декларация «молодежной культуры». Это же указывается и рядом исследователей, см.: *Ли Чжондок*. Указ. соч. С. 102–103; *Сон Ынъён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры… С. 430–432.

[802] *Park J. & Thanommongkol P*. Op. cit. P. 90–96.

молодежи, формируемого государством, и, тем самым, символически противопоставляли себя доминирующей культуре.

Важным пространством выражения молодежной субъектности стало и искусство, связанное с «молодежной культурой». «Молодежные фильмы», которые Кан Ёнхи характеризует как «социальные мелодрамы» [803], зачастую критически рефлексировали процессы авторитарной модернизации. Молодежь в этих картинах изображалась как уязвимая категория, страдающая от последствий неравномерной модернизации, будь то девушки, покинувшие деревню ради работы в городе («*Родина звезд*», «*Дни расцвета Ёнчжа*»), или молодые люди, отчужденные и от старшего поколения, и от общественных институтов («*Марш дураков*», «*Вчерашний дождь*») [804]. Эти образы контрастировали с героизированными фигурами официального кинематографа, создавая альтернативную оптику восприятия молодежи, что рефлексировалось и некоторыми зрителями в 1970-е гг.[805] Контраст между фильмами, созданными при поддержке государства, и произведениями «молодежного кинематографа» проявлялся и в способах репрезентации маскулинности. Тогда как в первых доминировали формы милитаризованной маскулинности (а те мужчины, которым такой маскулинности не доставало, должны были обрести ее по ходу боевых действий), последние предлагали более «мягкие» модели маскулинности и более широкий спектр эмоций, которые могут испытывать главные герои-мужчины.

Внимание заслуживают и эмоциональные аспекты «молодежной культуры». «Чувственность» нового поколения, отмеченная еще Ким Бёнъиком [806] и находившая свое отражение как в музыке, связанной с

---

[803] *Кан Ёнхи*. Указ. соч. С. 223–248.

[804] К примеру, анализируя троп «смерти» в «молодежных фильмах», Хан Ёнхён приходит к выводу о его политическом значении, поскольку способы его репрезентации противопоставляли обреченных главных героев пропагандируемым государством «нормальным субъектам» 1970-х гг. Подробнее см.: *Хан Ёнхён*. Указ. соч. С. 158–167.

[805] 김용택. 촌놈 김용택 극장에 가다 [*Ким Ёнтхэк*. Деревенщина Ким Ёнтхэк идет в кино]. 서울: 이룸, 2000. 90–91 쪽.

[806] *Ким Бёнъик*. Сегодняшние «молодые идолы».

«молодежной культурой», так и в кинематографе, входила в противоречие с эмоциональными установками системы Юсин. Как подчеркивает Ю Сонъён, проект южнокорейской модернизации включал в себя и политику по «формированию доминирующих эмоциональных структур» и «культуры чувств» в рамках этой системы[807], и основной эмоцией была так называемая «здоровая жизнерадостность» (кор. 건전 명랑성). Развивая эту мысль, Пак Юхи пишет о том, что такая «жизнерадостность» находилась в связке с доминирующим дискурсом антикоммунизма, а цензура поощряла именно такие эмоции и одновременно подавляла те, что им противоречили[808]. Однако «молодежные фильмы» 1970-х гг. часто маскировали социальную тревогу под внешним оптимизмом или, напротив, использовали элементы черной комедии как форму критики такой «жизнерадостности» [809]. В этом смысле и физические и психические заболевания главных героев «молодежного кино» 1970-х гг. могут быть поняты и как «аллегория политической и социальной системы ценностей, основанной на дисциплине» [810].

С другой стороны, калейдоскоп эмоций «молодежной культуры» не ограничивался только мрачными или протестными настроениями, и молодые люди, показываемые в «молодежном кинематографе», нередко демонстрировали и «жизнерадостное» поведение. Так, одной из сквозных тем фильма «*Марш дураков*» как раз и становится «глупое и неуместное поведение», проявляемое как по отношению к государству (например, полицейским), так и к обществу (в рамках семьи), которое на фоне общего настроя картины может выглядеть неестественным. Однако, как отмечает Квон Хёнчжон, подобное поведение отличалось от официальной «жизнерадостности», пропагандируемых режимом Юсин, и через эти нарочито «здоровые» и гротескные действия молодежь переприсваивала

[807] *Ю Сонъён*. Проект «сверхнационализации» и фильмы про хостесс. С. 357–362.
[808] *Пак Юхи*. Динамика киноцензуры и эмоциональной репрезентации... С. 46.
[809] Там же.
[810] 정현경. 1970 년대 혼성적 도시 표상으로서의 도시인의 우울 [*Чон Хёнгён*. «Уныние» горожан как символ гибридного города 1970-х гг.] // 한국극예술연구. 2013. 제 41 호. 278 쪽.

политические лозунги власти и «переписывала [их], создавая новое значение»[811].

Кроме того, хотя «молодежная культура» не представляла из себя сопротивления политического, ее элементы могли быть использованы в качестве символов такого сопротивления. Не только песни Ким Минги и прочих фолк-исполнителей первой волны использовались на митингах, но и на них, как вспоминает Чхве Инхо, пели песни Сон Чхансика[812], а также Син Чжунхёна[813], иногда изменяя текст песен. Практика изменения текстов популярных песен позднее была важна и для развития рабочего движения, и некоторые из таких измененных песен были фолк-музыкой второй половины 1970-х гг.[814] Некоторые элементы «молодежной культуры» также могли обладать более ярко выраженным политическим значением: Юн Чжэголь указывает, что значительную часть студенческого движения составляли именно «длинноволосые»[815]. Несмотря на то, что большинство деятелей искусства, связанных с «молодежной культурой» не были политически активны, некоторые из них, например режиссер Ли Чжанхо и писатель Чо Хэиль, публично выступали против практик по контролю за длиной волос у мужчин[816]. Более того, писатели Чо Сончжак и Чо Хэиль подписывали

---

[811] 권현정. 청년 행위의 정치성과 그 저항 (불)가능성에 대하여 [*Квон Хёнчжон*. Политическая природа молодежной активности и (не)возможность сопротивления] // 코기토. 2017. 제 81 호. 597 쪽.

[812] *Хван Хотхэк*. Указ. соч; *Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры. С. 223.

[813] *Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен. С. 114.

[814] *Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория. С. 778–784.

[815] 윤재걸. 人口에 膾炙된 유행어로 살피는 시대의 흐름 [*Юн Чжэголь*. Ход эпохи, отраженный в популярных выражениях] // 월간중앙. 1995. 통권 제 228 호. 177 쪽. Цит. по: *Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 2. С. 116. Судя по всему, феномен придания длинным волосам политического значения встречался не только в рядах активистов студенческого движения, но и среди части рабочего движения. Приведем фрагмент из воспоминаний Мин Чжондока, бывшего главы Профсоюза работников в сфере текстильной промышленности «*Чхонге*» (события 1974 г.): «Когда я пошел навестить [мать Чон Тхэиля] Ли Сосон, я надел берет. Причина, по которой я в то время носил его, заключалась в том, что меня поймали в ходе облавы на длинноволосых мужчин и отрезали часть волос с одной стороны головы. Тогда *из чувства бунта* я не стриг голову и носил берет, чтобы прикрыть только отрезанные части волос на голове» (выделение наше. — *А.С.*). 민종덕. 전태일과 이소선어머니 그리고 나 [*Мин Чжондок*. Чон Тхэиль, его мать Ли Сосон и я] // 원주시민연대. 01.12.2017. URL: http://wjngo.or.kr/wordpress/?page_id=26&vid=98 (дата обращения: 16.05.2025).

[816] *Чо Хэиль*. Указ. соч.; *Ли Чжанхо*. История моего младшего брата.

декларации, осуждающие политическое ужесточение в период Юсин и репрессии в отношении писателей[817].

«Молодежная культура» также вступала в конфликт с другими ключевыми установками модернизационного проекта. Как подчеркивает Ким Ынсиль, ориентированная на экспорт модель индустриализации Южной Кореи отодвигала потребление на периферию, делая акцент на производстве[818]. В этом контексте *непроизводительная* «молодежная культура», связанная с потреблением, воспринималась как отклонение[819]. Как уже отмечалось выше, пропаганда того времени критиковала «широко распространившиеся тенденция потребительского поведения, совершаемые под лозунгом “потребление – это добродетель”», потому как такие установки «оказывали негативное влияние и на структуру сознания молодежи, внедрив в нее элементы упадничества»[820]. В рамках идеологии «Движения за новую душу» всячески подчеркивались экономность и бережливость, которые связывались с традиционными корейскими ценностями и достижением «всеобщей гармонии». К примеру, Пак Кынхе так описывала «образцовую молодежь», ставшую победителями одного из проводимых государством конкурсов:

> «Победители, признанные сегодня образцовыми работниками, проявили *чхун*, изучая, как экономно использовать каждый материал и при этом с полной отдачей создавая качественную продукцию. Они также проявили *хё*, живя скромно, несмотря на небольшую зарплату, делая сбережения и принося радость своим родителям»[821].

Однако сфера «нерационального» потребления и массовая культура, даже в условиях жесткого контроля со стороны государства, открывала

---

817 어려운 時機 맞아 沈默만 할수없다 [«В такое трудное время мы не можем просто молчать»] // 조선일보. 08.01.1974. 7 면.

818 김은실. 한국 근대화 프로젝트의 문화 논리와 가부장성 [*Ким Ынсиль*. Культурная логика южнокорейского проекта модернизации и его патриархальные черты] // 당대비평. 1999. 제 8 호. 89 쪽.

819 *Сон Чжиён*. Указ. соч. С. 307.

820 Белая книга по вопросам молодежи за 1976 г. С. 1.

821 박근혜. 기업인과 종사원은 한 가족 [*Пак Кынхе*. Предприниматель и работник – одна семья.] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 77 쪽.

пространство для выражения альтернативной идентичности молодежи. Как пишет Ким Вон, формы самовыражения, связанные с «молодежной культурой», «временно приостанавливали» действие доминирующего порядка[822], навязываемого властями, тем самым обеспечивая дистанцирование от идеологии системы Юсин. Это состояние «демобилизации» (кор. 탈동원)[823], о котором говорит Чхон Чжонхван, превращалось в важную черту культурного сопротивления: «молодежная культура», будучи не связанной с мобилизацией общества и не встроенной в государственные институты, становилась связанной с *автономностью*. Осознание этой проблемы находило отражение и в официальной риторике. Описывая городскую молодежь, выезжавшую в сельскую местность, как людей, «которые не могут прийти в себя», Пак Чонхи отмечал:

> «Я хочу подчеркнуть: не надо мешать сельским жителям, занятым в “Движении за новую деревню”. Пока они трудятся в поте лица, часть городской молодежи выезжают на природу, танцуют гоу-гоу, пьют, шумят, громко поют – разве подобное поведение допустимо?
>
> […] С одной стороны, сельские жители – мужчины, женщины, старики и дети – трудятся с утра до ночи, чтобы сделать свою деревню лучшими местом для жизни. Даже девушки, недавно окончившие школу, в возрасте, когда они могли бы наряжаться и заботиться о своей внешности, тоже берут в руки лопату и кайло, переносят камни на головах, с энтузиазмом участвуя в строительстве. А рядом приезжие из города ведут себя так, *будто они не граждане Республики Корея, будто они вообще не часть нашего народа*. Хотелось бы, чтобы хотя бы своим поведением они не мешали рвению сельских жителей и “Движению за новую деревню” в целом»[824] (выделение наше. — *А.С.*).

---

[822] *Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»… С. 214.

[823] *Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи… С. 427.

[824] 박정희. 새마을 소득증대 촉진대회 치사 [*Пак Чонхи*. Речь на конференции по стимулированию роста доходов в рамках «Движения за новую деревню»] // 대통령기록관. 18.05.1972. [Электронный ресурс]. URL:

Помимо такой «демобилизации» горизонтальные практики «молодежной культуры» входили в противоречие с самой дисциплинарной техникой власти. Если дисциплина, устанавливаемая *сверху*, стремилась путем «раскидывания плотных иерархических сетей» [825] взять под контроль все явления, в рамках которых устанавливались горизонтальные связи, то «молодежная культура» была построена на взаимодействии людей не только вне официальных институтов, устроенных иерархически, но и вне существующих иерархий в принципе. Сам факт любой деятельности молодежи вне государственного контроля не мог не восприниматься как опасное явление, и именно поэтому власти с переменным успехом предпринимали попытки создание альтернатив местам неформального общения молодежи[826].

Вместе с этим, как отмечает Чха Инсок, «молодежная культура» не являлась в полном смысле слова контркультурой: возникшая в результате модернизации, она, в отличие от молодежных субкультур западных стран, не отвергала ее ценностей[827], но, тем не менее, предлагала альтернативные пути культурного развития. Одним из ключевых механизмов функционирования молодежной культуры стало «магическое разрешение» внутреннего противоречия между экономической отсталостью и «культурной

---

https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306332 (дата обращения: 16.05.2025).

[825] *Фуко М*. Указ. соч. С. 268.

[826] 내년 青少年 對策 마련: 올바른 國家·倫理觀 확립 [Выработка молодежной политики на следующий год: формирование правильного представления о государстве и нравственности] // 경향신문. 04.12.1978. 1 면; 政府의 「青少年 종합대책」기본방향: 청소년善導 범국민적 氣風 조성 [Основные направления «Комплексной молодежной политики»: воспитание молодежи и формирование всенародной атмосферы наставничества] // 경향신문. 05.12.1978. 6 면.

[827] 차인석. 청년문화 [*Чха Инсок*. Молодежная культура] // 현대 철학과 정치 [*Современная философия и политика*] / 차인석. 서울: 평민사, 1978. 59–70 쪽. Для сравнения, американское движение хиппи по большей части было нацелено на обращение не к современности, а к «примитивности» и «природе», и именно этим можно объяснить большую роль культуры индейцев, мистицизма и восточных религий в среде этой субкультуры (*Hall S*. The Hippies: An American ‘Moment’. In: *CCCS Selected Working Papers. Vol II*. New York: Routledge, 2007. P. 150–151). По наблюдению Стюарта Холла, в основе движения хиппи лежало «стремление воссоздать в условиях индустриальной и урбанизированной Америки атмосферу мира и спокойной сплоченности, характерную для первобытного, племенного сообщества». Ibid. P. 152.

развитостью»: Республика Корея могла оставаться развивающейся страной в экономическом плане, но в культурном отношении молодое поколение стремилось к творческой переработке западной культуры, тем самым «локализовывая» ее и создавая оригинальные формы самовыражения, такие как южнокорейская фолк-музыка. Этот процесс, завершившийся к середине 1970-х гг., стал важным культурным наследием эпохи и сам по себе был свидетельством глубокой трансформации южнокорейского общества. Таким образом, возникновение «молодежной культуры» отражало неоднородность темпов социокультурных изменений и наличие сложных отношений между модернизацией, вестернизацией, идентичностью молодого поколения и политической властью в период правления Пак Чонхи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение и развитие «молодежной культуры» в Республике Корея было закономерным следствием ускоренной модернизации под руководством государства в период правления Пак Чонхи. Осуществляя модернизационную политику, правящий режим руководствовался прагматичными мотивами: пытался добиться собственной легитимации и повысить управляемость общества, интегрируя население в проект национального развития. Однако именно внутри таких возникших в процессе модернизации феноменов, как информационное пространство новых СМИ или первые зачатки массовой потребительской экономики, новое поколение городской молодежи обнаружило возможности для формирования собственной уникальной культуры.

Развитие «молодежной культуры» в Южной Корее следует, однако, рассматривать не только как простое следствие социально-экономических трансформаций, сопровождавших модернизацию, но и как результат воздействия противоречий внутри идеологической рамки самого модернизационного проекта. Центральное место в нем занимала бинарная оппозиция «развитых» и «отстающих» стран, которая служила основой для восприятия мира в целом и места Республики Корея в этом мире. Упор на сферу экономики и стремление, преодолев «отсталость», приблизиться к статусу «развитого» государства, коими в глазах государства и интеллектуалов являлись страны Запада – прежде всего США – обусловило и включение определенных элементов вестернизации в политику государства. Даже в период Юсин, когда модель модернизации приобрела более ярко выраженное националистическое измерение, подчеркивающее важность корейской традиции, логика иерархического мышления сохранялась, и именно она способствовала формированию у молодого поколения интереса к западным молодежным культурам.

Являясь «побочным продуктом» модернизационной политики, «молодежная культура» служила подтверждением того, что сами процессы модернизации – как и следующей за ней вестернизации, какой бы частичной и ограниченной она ни была – не только с трудом поддавались контролю со стороны государства, но и происходили неравномерно в южнокорейском обществе. Одним из ключевых факторов восприимчивости к этим изменениям была поколенческая принадлежность: представители послевоенного поколения бэби-бумеров были более чувствительны к социальным и культурным трансформациям, что обусловило возникновение межпоколенческих конфликтов. В этом смысле «молодежную культуру» можно рассматривать как выражение ценностного сдвига внутри молодого поколения, вызванного стремительными социальными изменениями в ходе модернизации. Она, таким образом, была средством формирования и утверждения новой идентичности, которая конструировалась как на индивидуальном, так и на групповом уровне, проявляясь прежде всего в повседневных практиках – например, выборе одежды, музыкальных предпочтениях, способах организации досуга и форм общения.

В отличие от некоторых западных контркультурных движений, развитие южнокорейской «молодежной культуры» происходило не вне или в оппозиции к популярной культуре, а, напротив, внутри нее. Кульминацией ее эволюции стал период 1973–1975 гг., когда она подверглась коммерциализации и интегрировалась в структуру массовой культуры. Коммерциализация способствовала распространению форм самовыражения и потребления, ранее ограниченных кругом студенческой молодежи, среди более широкой аудитории, при этом сохранялась поколенческая специфика этого феномена. Вопреки распространенному мнению о размывании критического потенциала культуры в результате этих процессов, они не привели к «обезвреживанию» «молодежной культуры»: напротив, именно в этот период она становится объектом как общественного осуждения и жесткой

критики со стороны интеллектуалов и студенческих активистов, так и нарастающих репрессий со стороны государства. Подчеркнем, что именно на этом этапе «молодежная культура», что было наиболее заметно в искусстве, связанном с ней, окончательно перестает быть простым копированием форм западных молодежных культур, но становится их творческим переосмыслением, в котором нашли отражение южнокорейские реалии того времени.

Государство периода Юсин рассматривало этот феномен как угрозу общественному порядку и идеологической целостности режима, поскольку образы, практики и ценности, транслируемые «молодежной культурой», вступали в противоречие с официальными установками режима, особенно в контексте усиленного идеологического контроля 1970-х гг. В ответ на распространение «молодежной культуры» государство инициировало масштабную кампанию по ее искоренению, включавшую в себя цензуру СМИ и художественных произведений, нагнетание моральной паники, репрессивные меры против отдельных представителей молодежной сцены и т. д. Параллельно с репрессиями против «молодежной культуры» режим Пак Чонхи стал выстраивать полноценную молодежную политику, ориентированную на мобилизацию молодежи в рамках продвигаемого властями проекта модернизации. Такая политика рассматривала молодежь не как субъект, обладающий культурной автономией, а как объект воспитания и контроля. В этом контексте «молодежная культура» представляла собой «демобилизирующий» фактор – спонтанное, децентрализованное явление, не подчиненное идеологии «всеобщей гармонии» и культурно альтернативное ей.

В противовес авторитарной логике вертикальной власти в рамках «молодежной культуры» выстраивались горизонтальные способы социального и культурного взаимодействия. На фоне строгих гендерных норм и образов молодежи, пропагандируемых государством в 1970-е гг., «молодежная культура» предлагала отличные от них стили и способы

самовыражения, которые были связаны с меняющейся сексуальностью и новыми формами социального взаимодействия. В художественном творчестве, связанном с «молодежной культурой», мы можем найти как критику проекта модернизации, так и эмоциональные структуры, которые не вписывались в рамки господствующих представлений. В этом смысле «молодежная культура» представляла собой форму культурного сопротивления специфической модели модернизации, продвигаемой государством, что в данный исторический период несомненно имело *политическое* значение.

В результате репрессивной политики государства в середине 1970-х гг. «молодежная культура» вошла в фазу кризиса, однако ее элементы не исчезли бесследно: некоторые формы самовыражения, связанные с ней, стали частью повседневности и перешли в массовую культуру 1980-х гг. Искусство, связанное с «молодежной культурой», оказало большое влияние в следующее десятилетие: так, утопическое воображение и жанровые особенности фолк-музыки сыграли важную роль в движении *минчжун*, в частности в становлении жанра «*минчжун гаё*» (кор. 민중가요, «народных песен», часто исполнявшихся во время протестных акций), а режиссеры, снимавшие «молодежные фильмы», затем встанут у истоков формирования жанра социально-критического кино. Люди, которые были молодежью в 1970-е гг., позднее займут стабильные позиции в обществе, став частью «зрелого поколения», но будут продолжать быть активными участниками культурного поля как потребители и критики в 1990-е гг.[828]

Феномен «молодежной культуры» 1970-х гг. сохраняет свое значение до сих пор: он продолжает являться важным символом независимой творческой деятельности [829], про него продолжают выходить публицистические

[828] *Ли Херим*. Указ. соч. С. 35.

[829] Например, в 2023 г. была учреждена «Премия им. Чхве Инхо в области молодежной культуры», первым лауреатом которой стала писательница Ким Эран. 제 1 회 최인호청년문화상 수상자 김애란 작가 [Писательница Ким Эран – лауреат 1-й премии им. Чхве Инхо в области молодежной культуры] // 쿨투라. 2023. 제 9 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cultura.co.kr/news/articleView.html?idxno=3510 (дата обращения: 16.05.2025).

материалы в СМИ[830], а непрекращающаяся интеллектуальная рефлексия о судьбе «молодежной культуры» показывает, что даже по прошествии нескольких десятилетий она может являться ресурсом для дальнейшего культурного развития. Таким образом, «молодежная культура» 1970-х гг. обладает не только сугубо историческим значением, выразив внутренние противоречия проекта модернизации с опорой на государство, но и даже спустя время сохраняет актуальность для южнокорейского общества.

[830] К примеру, см.: 권경률. 권경률의 노래하는 한국사 27 통기타·청바지·생맥주… 자유와 낭만 꿈꾼 70 년대 청년문화 [*Квон Гённюль*. Музыкальная история Кореи, рассказанная Квон Гённюлем, ч. 27: Акустическая гитара, джинсы и разливное пиво… «Молодежная культура» 1970-х гг., мечтавшая о свободе и романтике] // 월간중앙. 2024. 제 6 월호. 264–269 쪽.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Нормативно-правовые документы

1. 경범죄처벌법중 개정법률 [Законопроект о внесении поправок в Закон о наказании за мелкие правонарушения] // 법제처. 08.02.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286758 (дата обращения: 16.05.2025).
2. 공연활동의 정화 [Меры по «очищению» концертной деятельности] // 경기도 의정부시 기획실 문화공보담당관. 14.06.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286873 (дата обращения: 16.05.2025).
3. 공연활동정화계획 [План по «очищению» концертных выступлений] // 충청남도 아산군 문화공보실. 03.06.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286877 (дата обращения: 16.05.2025).
4. 국가비상사태에 따른 퇴폐풍조 정화실천 강화 지시 [Приказ об усилении борьбы с упадочническими тенденциями в условиях чрезвычайного положения] // 충청북도 제천시 기획담당관. 12.01.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286869 (дата обращения: 16.05.2025).
5. 국가안전과 공공질서의 수호를 위한 대통령 긴급조치 (대통령긴급조치 제 9 호) [Президентский указ № 9 о чрезвычайных мерах для защиты государственной безопасности и общественного порядка] // 총무처

법무담당관. 13.05.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?bsid=200301056948&dsid=000000000022&gubun=search (дата обращения: 16.05.2025).

6. 대중가요정화에 따른 협조 [Содействие в «очищении» популярных песен] // 경기도 의정부시 기획실 문화공보담당관. 04.07.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286875 (дата обращения: 16.05.2025).
7. 대학생풍기단속에 따른 지시 [Приказ о надзоре за нравственностью студентов] // 전라남도 환경보건국 위생과. 17.07.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286870 (дата обращения: 16.05.2025).
8. 반시민적 직분사조사범 추방 계획 [План по борьбе с преступлениями, нарушающими гражданский долг и нравственные нормы] // 대통령비서실. 05.06.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0000003110 (дата обращения: 16.05.2025).
9. 방송법중 개정법률 [Законопроект о внесении поправок в Закон о вещании] // 법제처. 16.02.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286759 (дата обращения: 16.05.2025).
10. 청소년대책위원회규정 [Закон об учреждении Комитета по молодежной политике] // 법제처. 27.08.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=31155&ancYd=19770827&ancNo=08670&efYd=19770827&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).

11. 영화법 [Закон о кинематографе] // 법제처. 16.02.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?lsiSeq=5215&ancYd=19730216&ancNo=02536&efYd=19730216&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).
12. 장발단속 계획보고 [План кампании по борьбе с длинными волосами у мужчин] // 총무처. 20.05.1976. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286881 (дата обращения: 16.05.2025).
13. 장발정화지시 [Приказ об «очищении» общества от длинных причесок] // 전라남도 장성군 환경보호과. 20.06.1976. [Электронный ресурс]. URL: https://theme.archives.go.kr/viewer/common/archWebViewer.do?singleData=Y&archiveEventId=0049286874 (дата обращения: 16.05.2025).
14. 학도호국단설치령 [Приказ о создании отрядов учащихся по защите Отечества] // 법제처. 06.07.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.go.kr/LSW//lsInfoP.do?lsiSeq=31935&ancYd=19750607&ancNo=07645&efYd=19750607&nwJoYnInfo=N&efGubun=Y&chrClsCd=010202&ancYnChk=0#0000 (дата обращения: 16.05.2025).

Материалы, доклады и отчеты национальных правительственных и неправительственных организаций

На корейском языке

15. <대교연 통계> 학생 수(재적생) [<Статистика Исследовательского центра проблем образования> Количество студентов (зачисленных в учебные заведения)] // 대학교육연구소. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://khei.re.kr/post/512# (дата обращения: 16.05.2025).
16. 이길성, 이호걸, 이우석. 1970 년대 서울 의 극장 산업 및 극장 문화 연구 [*Ли Гильсон, Ли Хоголь, Ли Усо*к. Исследование кинотеатральной

индустрии и культуры кинотеатров в Сеуле в 1970-е гг.]. 서울: 영화 진흥 위원회, 2004. 139 쪽.

17. 통계로 본 대한민국 60 년 경제·사회 변화 [Изменения в экономике и обществе Южной Кореи за последние 60 лет, рассмотренные через призму статистики] // 통계청. 2008. [Электронный ресурс] URL: https://www.korea.kr/news/pressReleaseView.do?newsId=156014161 (дата обращения: 16.05.2025).
18. 製作 [Статистика по количеству произведенных фильмов] // 1979 年度版 韓國映画年鑑 [*Ежегодник южнокорейского кино за 1979 г.*]. 서울: 映画振興公社, 1980. 103–105 쪽.
19. 鄭用琢. 配給 興行: '77 年度의 映画配給 興行 [*Чон Ёнтхак*. Прокат и кассовые сборы в 1977 г.] // 1977 年度版 韓國映画年鑑 [*Ежегодник южнокорейского кино за 1977 г.*]. 서울: 映画振興公社, 1978. 53–58 쪽.
20. 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи] / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 서울青少年會館出版部, 1976. 404 쪽.
21. 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи]. / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1978. 375 쪽.
22. 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи]. / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1979. 437 쪽.
23. 青少年白書 [Белая книга по вопросам молодежи]. / 中央青少年保護對策委員會 編. 서울: 國務總理企劃調整室, 1980. 461 쪽.

Официальные заявления и произведения политических деятелей

На корейском языке

24. 박근혜. 기업인과 종사원은 한 가족 [*Пак Кынхе*. Предприниматель и работник – одна семья] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 73–78 쪽.
25. 박근혜. 올바른 가치관의 정립 [*Пак Кынхе*. Создание правильных ценностей] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 123–130 쪽.
26. 박근혜. 한 나라의 문명 정도와 그 나라의 도덕성 [*Пак Кынхе*. Степень цивилизованности страны и ее нравственные идеалы] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 35–43 쪽.
27. 박근혜. 효(孝)에 대하여 [*Пак Кынхе*. О сыновней почтительности] // 새마음의 길 [*Путь новой души*] / 박근혜 지음. 서울: 사단법인 구국여성봉사단, 1979. 15–24 쪽.
28. 박정희. 1973 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1973 г.] // 대통령기록관. 12.01.1973. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306372 (дата обращения: 16.05.2025)
29. 박정희. 1977 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1977 г.] // 대통령기록관. 12.01.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306539 (дата обращения: 16.05.2025).
30. 박정희. 1978 년 연두 기자회견 [*Пак Чонхи*. Ежегодная пресс-конференция по случаю нового 1978 г.] // 대통령기록관. 18.01.1978.

[Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306570 (дата обращения: 16.05.2025).

31. 박정희. 민족중흥의 길 [*Пак Чонхи*. Путь возрождения нации]. 서울: 기파랑, 2017. 228 쪽.
32. 박정희. 새마을 소득증대 촉진대회 치사 [*Пак Чонхи*. Речь на конференции по стимулированию роста доходов в рамках «Движения за новую деревню»] // 대통령기록관. 18.05.1972. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306332 (дата обращения: 16.05.2025).
33. 박정희. 우리 민족의 나갈 길 [*Пак Чонхи*. Путь нашей нации]. 서울: 기파랑, 2017. 204 쪽.
34. 박정희. 제 26 주년 광복절 경축사 [*Пак Чонхи*. Речь на праздновании 26-й годовщины Дня освобождения] // 대통령기록관. 15.08.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&catid=c_pa02062&artid=1306283 (дата обращения: 16.05.2025).

Интервью, мемуары и прочие источники личного происхождения

На корейском языке

35. (7080 그때 그시절엔) <20> 황미나의 '만화방 추억' [(Тогда, в ту эпоху 70-80-х гг.) <20> Воспоминания Хван Мина о манхвабанах] // 동아일보. 19.12.2004. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donga.com/news/Culture/article/all/20041219/8140645/1 (дата обращения: 16.05.2025).
36. (7080 그때 그시절엔) <3> 송승환씨와 라디오 심야프로 [(Тогда, в ту эпоху 70-80-х гг.) Сон Сынхван и ночные радиопрограммы] // 동아 일보. 08.08.2004. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donga.com/news/Culture/article/all/20040808/8092457/1 (дата обращения: 16.05.2025).

37.71 학번, 우리도 그때는 신세대였다 [Выпуск 71 г.: мы тоже были «новым поколением» в те времена] / 강호수 외. 서울: 소화, 1994. 312 쪽.

38.강헌. 길은 다시 다른 봉우리로…… [*Кан Хон*. Дорога снова ведет к другой горной вершине… (интервью с Ким Минги)] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 508–523 쪽.

39.김용택. 촌놈 김용택 극장에 가다 [*Ким Ёнтхэк*. Деревенщина Ким Ёнтхэк идет в кино]. 서울: 이룸, 2000. 199 쪽.

40.박준흠. 이정선 인터뷰 [*Пак Чунхым*. Интервью с Ли Чжонсоном]. // 한국 음악창작자의 역사 1: 1970~1980 년대 [*История корейских творцов музыки. Т. 1: 1970–1980-е гг.*] / 박준흠 저. 서울: 한울, 2008. 115–123 쪽.

41.박준흠. 한대수 인터뷰 (1999 년) [*Пак Чунхым*. Интервью с Хан Дэсу (1999 г.)] // 사운드네트워크. 09.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://ksoundlab.com/xe/youthculture/64478?ckattempt=1 (дата обращения: 16.05.2025).

42.신중현. 내 기타는 잠들지 않는다 [*Син Чжунхён*. Моя гитара никогда не спит]. 서울: 해토, 2006. 237 쪽.

43.신현준, 이용우, 김형찬. 지구인(地球人), 지역인 시기의 창의성에 대한 기억: 이장희 [*Син Хёнчжун, Ли Ёну, Ким Хёнчхан*. Память о креативности в эпоху глобального и локального самосознания: интервью с Ли Чжанхи] // 한국 팝의 고고학 1960 [*Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг.*] / 신현준, 최지선. 서울: 을유문화사, 2022. 455–464 쪽.

44.양희은. 이루어 질 수 없는 사랑 [*Ян Хиын*. Недостижимая любовь]. 서울: 우석, 1993. 310 쪽

45.윤형주. 나의 노래, 우리들의 이야기 [*Юн Хёнчжу*. Моя песня, наша история]. 서울: 삼인, 2023. 311 쪽.

46. 이백천. 이연실에서 전인권까지… 노래를 위해 삶을 벗다 [*Ли Бэкчхон*. От Ли Ёнсиль до Чон Ингвона… Пожертвовать жизнью ради музыки] // 新東亞. 2003. 제 5 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://shindonga.donga.com/culture/article/all/13/102441/1 (дата обращения: 16.05.2025).

47. 이성욱. 쇼쇼쇼: 김추자, 선데이서울 게다가 긴급조치 [*Ли Сонук*. «Шоу-шоу-шоу»: Ким Чхучжа, «Воскресный Сеул», а также «чрезвычайные меры»]. 서울: 생각의나무, 2004. 299 쪽.

48. 이장호. 바보처럼 나그네처럼 [*Ли Чжанхо*. Будто дурак, будто странник]. 서울: 산하, 1987. 352 쪽.

49. 주철환. 결벽증과 완벽주의 사이 [*Чу Чхольхван*. Между обсессивно-компульсивным расстройством и перфекционизмом (интервью с Ким Минги)] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 524–557 쪽.

50. 한대수. 나는 행복의 나라로 갈테야: 나의 삶, 사랑, 음악 이야기 [*Хан Дэсу*. Я отправлюсь в страну счастья: история моей жизни, любви и музыки.]. 서울: 아침이슬, 2005. 278 쪽.

51. 한상진. 송창식 [*Хан Санчжин*. Интервью с Сон Чхансиком] // 新東亞. 2010. 제 11 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://shindonga.donga.com/culture/article/all/13/109765/1 (дата обращения: 16.05.2025).

52. 현역 유일 '음악다방 DJ' 장민욱: 외롭고, 높고, 쓸쓸한 50 년 음악 인생 [Единственный действующий «DJ музыкального кафе» Чан Минук: его 50-летняя музыкальная карьера, полная периодов одиночества, взлетов и моментов грусти] // 네이버 블로그. 13.08.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.naver.com/1kgcoffee/222468131838 (дата обращения: 16.05.2025).

53. 황호택. 최인호 당대 유명작가들을 평하다 [*Хван Хотхэк*. Писатель Чхве Инхо оценивает популярных писателей-современников (интервью с

Чхве Инхо)] // 新東亞. 2002. 제 4 호. URL: https://shindonga.donga.com/3/all/13/101620/11 (дата обращения: 16.05.2025).

Аудиовизуальные источники

54.«Автомобиль на воде» (맹물로 가는 자동차, 1974).

55.«Вред марихуаны» (대마초의 해독, 1976).

56.«Вчерашний дождь» (어제 내린 비, 1975).

57.«Герои завтрашнего дня» (내일의 주인공들, 1976).

58.«Дневник в картинках» (그림 일기, 1976).

59.«Дни расцвета Ёнчжа» (영자의 전성시대, 1975).

60.«Добровольческий отряд студентов» (학도의 용군, 1977).

61.«Лето, когда никого не было рядом» (아무도 없었던 여름, 1974).

62.«Марш дураков» (바보들의 행진, 1975).

63.«Марш жен» (아내들의 행진, 1974).

64.«Отряды учащихся по защите Отечества, которые обретают знания и защищают родную страну» (배우면서 지키는 학도호국단, 1977).

65.«Отряды учащихся по защите Отечества» (학도호국단, 1977).

66.«Первая любовь на Мёндоне» (명동에서 첫사랑을, 1974).

67.«Письмо одного солдата» (어느 병사의 편지, 1971).

68.«Родина звезд» (별들의 고향, 1974).

69.«Свидетельство» (증언, 1974).

70.«Семья Сэмыль, Ч. 5» (새마을 가족 제 5 집, 1975).

71.«Студенческая пора» (대학시절, 1973).

72.«Цвели дикие хризантемы» (들국화는 피었는데, 1974).

73.«Я не буду плакать» (울지 않으리, 1974).

74. 버스 안내양에게 방한복 하사 [Торжественное вручение зимней униформы кондукторкам] // 대한뉴스 제 1166 호. 12.30.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10137&mediadtl=20767&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).
75. 영하 추위에도 열중하는 학생들 [Студенты, увлеченно учащиеся даже в холодную погоду] // 대한뉴스 제 1119 호. 31.01.1977. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10126&mediadtl=20584 (дата обращения: 16.05.2025).
76. 예비군 머리깎기 운동 [Кампания по стрижке среди резервистов] // 대한뉴스 제 1083 호. 22.05.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10066&mediadtl=20316&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).
77. 우리 모두 손잡고 [Давайте все вместе возьмемся за руки] // 대한뉴스 제 858 호. 18.12.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=748&mediadtl=6313&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).
78. 장발단속 [Кампания по борьбе с длинными волосами у мужчин] // 대한뉴스 제 1042 호. 02.08.1975. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=10005&mediadtl=20040&mediagbn=DH (дата обращения: 16.05.2025).
79. 퇴폐풍조를 몰아내자 [«Давайте изгоним упаднические тенденции!»] // 대한뉴스 제 846 호. 25.09.1971. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ehistory.go.kr/view/movie?mediasrcgbn=KV&mediaid=731&mediadtl=5683 (дата обращения: 16.05.2025).

Учебные материалы

На корейском языке

80.10 월 유신 스터디 북 <중고교 전학년용> [Единый учебник по системе Юсин для средней и старшей школы]. 서울: 민중서관, 1972. 93 쪽.

81.維新의 理念 [Идеи системы Юсин]. 서울: 國際科學文化研究所, 1973. 185 쪽.

82.자유 수호의 길 [Путь защиты свободы]. 문교부, 1976. 236 쪽.

83.維新政治의 指導理念 [Руководящие принципы политики в рамках системы Юсин]. 서울: 光明出版社, 1976. 202 쪽.

Периодические издания: ежедневные и еженедельные газеты (1961–1979)

На корейском языке

84.«Воскресный Сеул».

85.«Кёнхян синмун».

86.«Тона ильбо».

87.«Хангук ильбо».

88.«Чосон ильбо».

89.«Чунан ильбо».

Литература

На русском языке

90.*Алаев Л.Б.* Модернизация культуры в Восточной Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) // *История Востока: в 6 т. Т. IV. Восток в Новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 2* / отв. ред. Р. Б. Алаев и др. М., 2005. С. 503–517.

91.*Алаев Л.Б.* Проблематика истории Востока. Москва: Ленанд, 2019. 504 с.

92. *Асмолов К.В*. Корейская политическая культура: традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с.

93. *Беккер Г.* Аутсайдеры: исследование по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 171 с.

94. *Бурдье П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // *Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125–166.

95. *Бурдье П*. Различение: социальная критика суждения // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. №. 3. С. 25–48.

96. *Бучкин А.А*. Социальная эволюция современной Южной Кореи: капиталистическая модернизация и средние городские слои. М.: Наука, 1987. 219 с.

97. *Гофман И*. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.

98. *Давыдов О.В*. «Капиталистическая модернизация» и некоторые аспекты политического развития Южной Кореи // *Проблемы Дальнего Востока*. 1988. № 1. С. 93–106.

99. *Дмитриев Т.А*. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис, 2011. С. 7–106.

100. *Ермолаева Е.М*. Государственная идеология Республики Корея: от истоков к современности // *КНДР и РК-70 лет: Коллективная монография*. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 252–262

101. *Ермолаева Е.М*. Истоки южнокорейского национализма. Власть и идеология в Республике Корея // *Известия Восточного института*. 2016. № 3 (31). С. 55–66.

102. *Ермолаева Е.М*. Протестная идеология авторитарного периода в Республике Корея // *Актуальные проблемы востоковедения: Сборник*

научных трудов по итогам работы VIII Международной научно-практической конференции по востоковедению, Хабаровск, 10 декабря 2018 года. Выпуск 8 / под ред. И.Н. Гущиной. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 67–81.

103. *Ермолаева Е.М*. Республика Корея в авторитарный период: идеология, власть и общество. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2021. 212 с.

104. *Ермолаева Е.М*. Роль идеологии в политических режимах Ли Сынмана и Пак Чонхи (Республика Корея в 1948–1979 гг.) // *Россия и АТР*. 2009. № 1(63). С. 150–157.

105. *Иванов Д.В*. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. № 4. С. 63–89.

106. *Ильин В.И*. Модернизация повседневности в Корее // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. №4. С. 90–106

107. *Каплун В*. Перестать мыслить «власть» через «государство»: gouvernementalité, governmentality studies и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2019. Vol. 29. № 2. С. 179–220.

108. *Ким Н.Н., Хохлова Е.А*. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2017. № 3. С. 106–122.

109. *Ким Н.Н*. Гендер, класс и этничность: перипетии истории женского рабочего движения в Корее // *Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: от традиционного общества к современному*. Москва: Наука, 2019. С. 118–160.

110. *Ким Н.Н*. Эволюция женского общественного движения в Республике Корея // *КНДР и РК-70 лет: Коллективная монография*. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 263–276.

111. *Коэн С*. Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.

112. *Кукла М. П*. Трансформация экономической стратегии Республики Корея в конце 1970-х гг.: переход к дерегулированию в последние годы президентства Пак Чонхи // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2023. №3. С. 147–160.

113. *Курбанов С. О*. История Кореи: с древности до начала XXI века. 4-е изд., испр. ред. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2022. 742 с.

114. *Куренной В*. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2012. №1 (85). С. 14–79.

115. *Куренной В*. Карл Манхейм // *Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 232–233.

116. *Курмызов А.А*. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2023. № 4. С. 374–392.

117. *Курмызов А.А*. Движение за новую деревню (Сэмаыль ундон): социально-экономический и идеологический аспекты // *Вестник российского корееведения*. 2011. №3. С. 97–106.

118. *Курмызов А.А*. К вопросу об идейных истоках общественно-политических взглядов Пак Чон Хи (1961–1979) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 116–127.

119. *Мазуров В.М*. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литератур РАН. 1996. 197 с.

120. *Мазуров В.М*. Южная Корея и США (1950–1970 гг.). Москва: Наука, 1971. 268 с.

121. *Мангейм К*. Проблема поколений // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2 (30). С. 7–47.

122. *Манхейм К*. О специфике культурно-социологического познания // Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. С. 322–325.

123. *Пак М.Н*. Очерки по историографии Кореи. К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков. М.: Наука, 1987. 148 с.

124. *Пак Х.С., Толстокулаков И.А*. Образование в общественно-политической системе государств Корейского полуострова. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 254 с.

125. *Прозоровский А.С*. «Догоняющее» развитие и модернизаторский алгоритм в Южной Корее // *Общественные науки и современность*. 2020. № 3. С. 72–83.

126. *Прозоровский А.С*. Модернизаторский авторитаризм в Индонезии и Южной Корее // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 7. С. 83–92.

127. *Прошин А.А., Тимонин А.А*. Неоколониализм США и Южная Корея. М.: Наука, 1985. 189 с.

128. *Самсонов Д.А*. Государственное устройство Республики Корея по конституции «Юсин» (1971–1979) // *Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 8*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. С. 160–174

129. *Самсонов Д.А*. Основные идеологические установки системы «Юсин» (1972–1979) (по материалам исследований корейских авторов) // *Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар 2001*. СПб.: Фонд Восточных культур, 2002. С. 125–136

130. *Синицын Б.В*. Очерки экономики Южной Кореи (1953–1964). М.: Наука, 1967. 172 с.

131. *Синицын Б.В*. Стратегия социально-экономической модернизации Республики Корея (60–80-е годы) // *Республика Корея. Опыт модернизации* / отв. ред. *В.М. Мазуров*. М.: Восточная литература РАН, 1996. С. 74–106.

132. *Тертицкий Ф.К*. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2012. № 20. С. 290–302.

133. *Толстокулаков И.А*. Очерки истории корейской культуры. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2002. 240 с.

134. *Толстокулаков И.А*. Политическая модернизация Южной Кореи. Часть 1. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2007. 365 с.

135. *Толстокулаков И.А*. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2003. 444 с.

136. *Торкунов А.В. и др*. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.

137. *Фуко М*. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2022. 416 с.

138. *Хебдидж Д*. Субкультура: значение стиля // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2009. № 10. С. 131–175.

139. *Шапинская Е.Н*. Очерки популярной культуры. М.: Академический проект, 2008. 191 с.

На английском языке:

140. *Abercrombie N., Hill S., & Turner B.* The Dominant Ideology Thesis. London: George Allen & Unwin, 1980. 212 p.

141. *Aboim S. & Vasconcelos P*. From Political to Social Generations: A Critical Reappraisal of Mannheim's Classical Approach. In: *European Journal of Social Theory*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 165–183.

142. *Bark D. & Lee C*. Bureaucratic Elite and Developmental Orientation. In: *Political Leadership in Korea*. Seattle and London: University of Washington Press, 1976. P. 91–133.

143. *Barringer H*. Increasing Scale and Changing Social Character in Korea. In: *The New Urbanization* / ed. by Scott Greer. New York: St. Martin's Press, 1968. P. 53–71.

144. *Baudrillard J*. Modernity. In: *Canadian Journal of Political and Social Theory/Revue canadienne de théorie politique et sociale*. 1987. Vol. 11 № 3. P. 63–72.

145. *Bengtson V. L., Furlong M. J. & Laufer R. S*. Time, Aging, and the Continuity of Social Structure: Themes and Issues in Generational Analysis. In: *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30. № 2. P. 45–71.

146. *Bennett A. & Kahn-Harris K*. Introduction. In: *After Subculture. Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. London: Palgrave, Macmillan, 2004. P. 1–19.

147. *Bennett T*. The Politics of 'the Popular' and Popular Culture. In: *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1986. P. 6–21.

148. *Brandt V*. The New Community Movement. Planned and Unplanned Change in Rural Korea. In: *Journal of Asian and African Studies*. 1978. Vol. 13. № 3–4. P. 196–211.

149. *Brazinsky G*. Nation Building in South Korea: Koreans, Americans, and the Making of a Democracy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. 328 p.

150. *Bryman A*. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2008. 423 p.

151. *Bulmer M*. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 285 p.

152. *Cha J*. Aspects of Individualism and Collectivism in Korea. In: *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Applications*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994. P. 157–174.

153. *Chang K*. The Second Modern Condition? Compressed Modernity as Internalized Reflexive Cosmopolitization. In: *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. № 3. P. 444–464.

154. *Cho E*. Making the 'Modern' Family: The Discourse of Sexuality in the Family Planning Program in South Korea. In: *Sexualities*. 2016. Vol. 19. №. 7. P. 802–818.

155. *Cho H*. [De]popularizing a Confucian Master: Yushin and the Birth of T'oegye Studies. In: *Cultures of Yusin: South Korea in the 1970s*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2018. P. 59–88.

156. *Clarke J*. Style. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 147–161.

157. *Clarke J., Hall S., Jefferson T., Roberts B*. Subcultures, Cultures and Class. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 3–59.

158. *Clarke M*. On the Concept of Sub-Culture. In: *British Journal of Sociology*. 1974. № 25. P. 428–441.

159. *Cohen P*. Subcultural Conflict and Working-Class Community. In: *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972-79*. London: Hutchinson, 1980. P. 66–75.

160. *Cohen S*. Symbols of Trouble: Introduction to the Second Edition. In: *Cohen S. Folk Devils and Moral Panics*. 2nd edition. Oxford: Martin Robertson, 1980. P. I–XXXIV.

161. *Coleman J.* The Adolescent Society: The Social Life of the Teenager and Its Impact on Education. New York: Free Press of Glencoe, 1961. 368 p.

162. *Corning A. & Schuman H.* Generations and Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 272 p.

163. *Coward R.* Class, "Culture" and the Social Formation. In: *Screen*. 1977. Vol. 18. № 1. P. 75–105.

164. *DiMoia J.* Providing Reassurance and Affirmation: Masculinity, Militarization, and Refashioning a Male Role in South Korean Family Planning, 1962 to the late 1980s. In: *Gender, Health, and History in Modern East Asia*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2018. P. 244–270.

165. *Eckert C.* The South Korean Bourgeoisie: A Class in Search of Hegemony. In: *State and Society in Contemporary Korea*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994. P. 95–130.

166. *Edmunds J. & Turner B.* Global Generations: Social Change in the Twentieth Century. In: *The British Journal of Sociology*. 2005. № 56. P. 559–577.

167. *Eisenstadt S. & Giesen B.* The Construction of Collective Identity. In: *European Journal of Sociology*. 1995. Vol. 36. № 1. P. 72–102.

168. *Eisenstadt S.* Archetypal Patterns of Youth. In: *Daedalus*. 1962. Vol. 91. № 1. P. 28–46.

169. *Eisenstadt S.* From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Chicago: Free Press of Glencoe. 1956. 260 p.

170. *Eisenstadt S.* Modernization and Changing Conceptions of Youth and Generations. In: *Prospects*. 1995. Vol. 25. P. 341–352.

171. *Frank T.* The Conquest of Cool: Business Culture, Counterculture, and the Rise of Hip Consumerism. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 322 p.

172. *Giddens A. & Pierson C.* Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1998. 233 p.

173. *Giddens A*. The Nation-State and Violence. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. 399 p.

174. *Hahm P*. The Affective Society. Values and Law in Korea. In: *Values and Development: Appraising Asian Experience*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1976. P. 190–232.

175. *Hall S*. Cultural Studies and the Centre. In: *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972-79*. London: Hutchinson, 1980. P. 2–35.

176. *Hall S*. Notes on Deconstructing "the Popular". In: *People's History and Socialist Theory*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. P. 227–239.

177. *Hall S*. Popular Culture and the State. In: *Popular Culture and Social Relations*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1986. P. 22–49.

178. *Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B*. Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order. London; Basingstoke: Macmillan, 1978. 425 p.

179. *Han S*. The New Community Movement: Park Chung Hee and the Making of State Populism in Korea. In: *Pacific Affairs*. 2004. Vol. 77. № 1. P. 69–93.

180. *Hart D*. From Tradition to Consumption: Construction of a Capitalist Culture in South Korea. Seoul: Jimoondang Publishing Company, 2001. 222 p.

181. *Hebdige D*. Subculture: The Meaning of Style. London; New York: Routledge, 1979. 208 p.

182. *Hong S*. Values and Economic Development. In: *Economic Development and Social Change in Korea*. Frankfurt: Campus Verlag, 1980. P. 288–300.

183. *Huer J*. Marching Orders: The Role of the Military in South. Korea's "Economic Miracle," 1961–1971. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1989. 219 p.

184. *Im H*. The Origins of the Yushin Regime: Machiavelli Unveiled. In: *The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2013. P. 233–261.

185. *Im H*. The Rise of Bureaucratic Authoritarianism in South Korea. In: *World Politics*. 1987. Vol. 39. № 2. P. 231–257.

186. *Jaeger H*. Generations in History: Reflections on a Controversial Concept. In: *History and Theory*. 1985. Vol. 24. № 3. P. 273–292.

187. *Janelli R. & Yim D*. The Transformation of Filial Piety in Contemporary South Korea. In: *Filial Piety: Practice and Discourse in Contemporary East Asia*. Redwood City: Stanford University Press, 2004. P. 128–152.

188. *Jowett G*. Introduction to the Transaction Edition. In: *Mass Media in Modern Society*. New York: Routledge, 1992. P. 1–24.

189. *Kang M*. Compressed Modernization and the Formation of a Developmentalist Mentalité. In: *Reassessing the Park Chung Hee Era, 1961-1979: Development, Political Thought, Democracy, & Cultural Influence*. Seattle: University of Washington Press, 2011. P. 166–186.

190. *Kasza G*. The Conscription Society: Administered Mass Organizations. New Haven, CT: Yale University Press, 1995. 217 p.

191. *Keim W*. The Korean Peasant at the Crossroads: A Study of Attitudes. Bellingham: Western Washington University, 1979. 172 p.

192. *Kendall L*. Getting Married in Korea: Of Gender, Morality, and Modernity. Oakland, CA: University of California Press, 1996. 276 p.

193. *Kim D. & Sloboda J*. Migration and Korean Development. In: *Economic Development, Population Policy, and Demographic Transition in the Republic of Korea*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center Publications Program, 1981. P. 36–138.

194. *Kim D*. Renovation of Ethical Views in Korea. In: *Korea Journal*. 1973. Vol. 13. № 2. P. 4–9.

195. *Kim E*. The South Korean Military Coup of May, 1961: Its Causes and the Social Characteristics of Its Leaders. In: *Armed Forces and Society*. The Hague: Mouton, 1968. P. 298–316.

196. *Kim H*. State Building: The Military Junta's Path to Modernity through Administrative Reforms. In: *The Park Chung Hee Era: The Transformation of South Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 2013. P. 85–112.

197. *Kim J*. The Origins of Korea's Eurocentrism: A Study of Discourses on Gaehwa and Munmyeong. In: *Seoul Journal of Korean Studies*. 2012. Vol. 25. P. 31–54.

198. *Kim K*. Ideology and Political Development in South Korea. In: *Pacific Affairs*. 1965. Vol. 38. № 2. P. 164–76.

199. *Kim K*. Modernity and Tradition in Everyday Life of the 1950s. In: *Seoul Journal of Korean Studies*. 2001. Vol. 14. P. 263–297.

200. *Kim K*. Social Discontinuities and Korean Politics: Reflections of a Theorist. In: *The Journal of Asiatic Studies*. 1972. Vol. 15. № 2. P. 153–163.

201. *Kim K*. Studies on the Middle Class in Korea: Some Theoretical and Methodological Considerations. In: *Discovery of the Middle Classes in East Asia*. Taipei: Academia Sinica, 1993. P. 23–54

202. *Kim K*. The Development of Modern South Korea: State Formation, Capitalist Development and National Identity. Routledge, 2006. 252 p.

203. *Kim P*. The Soldier as Civil Bureaucrat. In: *Soldiers in Politics*. Los Altos: Geron-X, 1974. P. 128–142.

204. *Koo H*. Korean Workers: The Culture and Politics of Class Formation. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. 240 p.

205. *Koo H*. Privilege and Anxiety: The Korean Middle Class in the Global Era. Ithaka: Cornell University Press, 2022. 162 p.

206. *Kwon B*. The Paradoxical Structure of Modern “Love” in Korea: *Yeonae* and Its Possibilities. In: *Korea Journal*. 2005. Vol. 45. № 3. P. 185–208.

207. *Kwon B*. The World in a Love Letter. In: *The Korean Popular Culture Reader*. Durham; London: Duke University Press, 2014. P. 19–33.

208. *Kwon T*. The Historical Background to Korea’s Demographic Transition. In: *Economic Development, Population Policy, and Demographic Transition in the Republic of Korea*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center Publications Program, 1981. P. 10–35.

209. *Lee C*. Modernity, Legality, and Power in Korea Under Japanese Rule. In: *Colonial Modernity in Korea*. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Asia Center, 1999. P. 21–51.

210. *Lee H*. Urbanization in Korea: Its Socio-Political Aspects. In: 韓國社會學. 1977. 제 11 호. P. 49–75.

211. *Lee Y*. Modernization as a Goal Value in Korean Society. In: *Korea Journal*. 1972. Vol. 12. № 4. P. 15–25.

212. *Lee Y*. You Call That Music: Korean Popular Music Through the Generations. London: Routledge, 2022. 142 p.

213. *Lie J*. Han Unbound: The Political Economy of South Korea. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1998. 278 p.

214. *Maliangkay R*. Konjon Kayo: South Korea's Propaganda Pop. In: *Korea: The Past and the Present: Selected Papers from the British Association for Korean Studies BAKS Papers Series, 1991–2005. Vol. I*. Kent: Global Oriental, 2008. P. 171–182.

215. *Mannheim K*. Competition as a Cultural Phenomenon. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*. New York: Routledge & Kegan Paul, 1952. P. 191–229.

216. *Martin B*. A Sociology of Contemporary Cultural Change. Oxford: B. Blackwell, 1981. 272 p.

217. *McGinn N., Snodgrass D., Kim Y., Kim S., & Kim, Q*. Education and Development in Korea. Leiden: Harvard University Asia Center, 1980. 290 p.

218. *McRobbie A. & Garber J*. Girls and Subcultures. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 177–188.

219. *Min K*. Urban Industrial Structure in Relation to Urban Growth, Migration, and Labor Utilization in Korea. In: *Korean Observer*. 1984. Vol 15. № 1. P. 55–86.

220. *Moon S*. Begetting the Nation: The Androcentric Discourse of National History and Tradition in South Korea. In: *Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism*. New York: Routledge; 1997. P. 33–66.

221. *Moon S*. Militarized Modernity and Gendered Citizenship in South Korea. Durham; London: Duke University Press, 2005. 268 p.

222. *Muggleton D*. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style. Oxford: Berg, 2000. 224 p.

223. *Muggleton D*. The Post-Subculturalist. In: *The Clubcultures Reader: Readings in Popular Cultural Studies*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1998. P. 167–185.

224. *Murdock G. & McCron R*. Consciousness of Class and Consciousness of Generation. In: *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. 2nd ed. London: Routledge, 2006. P. 162–176.

225. *Oh J*. Korea: Democracy on Trial. Ithaca: Cornell University Press, 1968. 240 p.

226. *Oh J*. Korean Politics: The Quest for Democratization and Economic Development. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 272 p.

227. *Park J. & Thanommongkol P*. “Shock of Daughters”: Fashion, Unisex Style, and Gender Politics in South Korean Media (1970s-1980s). In: *Acta Koreana*. 2020. Vol. 23. № 2. P. 79–104.

228. *Park Y*. The Reconstruction of Educational Theory: Confucianism, Practicalism, and. Pragmatism (1945–1965). PhD Diss. Loyola University, 1996. 400 p.

229. *Parsons T*. Youth in the Context of American Society. In: *Daedalus*. 1962. Vol. 91. № 1. P. 97–123.

230. *Pierson C*. The Modern State. London: Routledge, 2011. 3rd Edition. 224 p.

231. *Roberts K*. Youth and Leisure. Boston, MA: Allen & Unwin, 1983. 240 p.

232. *Seth M*. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2002. 320 p.

233. *Shin G*. Neither 'Sprouts' nor 'Offspring': The Agrarian Roots of Korean Capitalism. In: *Transformations in Twentieth Century Korea*. New York: Routledge, 2006. P. 33–63.

234. *Shin J*. Changing Patterns of South Korean Social Movements, 1960s-2010s: Testimony, Firebombs, Lawsuit and Candlelight. In: *Civil Society and the State in Democratic East Asia: Between Entanglement and Contention in Post High Growth*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. P. 239–268.

235. *Wallace C. & Alt R*. Youth Cultures under Authoritarian Regimes: The Case of the Swings Against the Nazis. In: *Youth & Society*. 2001. Vol. 32. № 3. P. 275–302.

236. *Willis P*. Profane Culture. London: Routledge & Kegan Paul, 1978. 212 p.

237. *Yang M*. The Making of the Urban Middle Class in South Korea (1961–1979): Nation-Building, Discipline, and the Birth of the Ideal National Subjects. In: *Sociological Inquiry*. 2012. № 82. P. 424–445.

238. *Yecies B. & Shim A*. The Changing Face of Korean Cinema, 1960 to 2015. New York; London: Routledge, 2016. 282 p.

239. *Yoo T*. The Koreas: The Birth of Two Nations Divided. Oakland: University of California Press, 2020. 360 p.

На корейском языке:

240. 1970 년대 산업화 초기 한국노동사 연구 [История рабочего класса в Республике Корее на раннем этапе индустриализации в 1970-е гг.]. 서울: 성공회대학교사회문화연구소, 2002. 400 쪽

241. 강경표, 김진숙, 김은진. 청바지: 세계의 물질문화 조사 보고서 [*Кан Гёнпхё, Ким Чжинсук, Ким Ынчжин*. Джинсы: исследование материальной культуры мира]. 서울: 국립민속박물관, 2014. 443 쪽.

242. 강영희. 10 월유신, 청년문화, 사회성 멜로드라마 [*Кан Ёнхи*. Система Юсин, «молодежная культура» и жанр «социальной мелодрамы»] // 여성과 사회. 1992. 제 3 호. 223–248 쪽.

243. 강정인, 정승현. 한국 현대정치의 근본 언어: 망국·개조·선진국의 담론 [*Кан Чжонъин, Чон Сынхён*. Фундаментальный язык современной южнокорейской политики: *мангук*, *кэчжо* и *сончжингук*] // 한국정치연구. 2011. 제 20 집. 제 3 호. 1–28 쪽.

244. 강준만. 한국 현대사 산책 1970 년대 1–3 [*Кан Чжунман*. Прогулка по современной южнокорейской истории: 1970-е гг. Т 1–3]. 서울: 인물과사상사, 2002. 929 쪽.

245. 고원. 가정 의례의 재편과 균열 [*Ко Вон*. Реформа семейных ритуалов и ее противоречия] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 226–256 쪽.

246. 공제욱. '혼분식 장려운동'과 식생활의 변화 [*Кон Чжеук*. «Движение за смешанное питание» и изменение пищевых привычек] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в*

период правления Пак Чонхи] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 141–189 쪽.

247. 공제욱. 서론: 박정희 시대 일상생활 연구의 의미 [*Кон Чжеук*. Введение: Значение исследования повседневности в эпоху Пак Чонхи] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 11–24 쪽.

248. 구경남. 1970 년대 국정 <국사> 교과서에 나타난 애국심 교육과 국가주의 [*Ку Гённам*. Воспитание патриотизма и национализм в государственных учебниках по истории 1970-х гг.] // 역사교육연구. 2014. 제 19 호. 347–383 쪽.

249. 권보드래. 4·19 와 5·16, 자유와 빵의 토포스 [*Квон Бодырэ*. Апрельская революция и военный переворот 16 мая: топосы свободы и хлеба] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 27–62 쪽.

250. 권보드래. 아프레걸 변심담 혹은 신사임당 탄생설화. 1950~1960 년대, 성과 세대의 표상정치학 [*Квон Бодырэ*. История перемены чувств у «послевоенной девушки» или рождение новой Син Саимдан: политика репрезентации пола и поколения в 1950–1960-е гг.] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 27–62 쪽.

251. 권인숙. 대한민국은 군대다 [*Квон Инсук*. Республика Корея – это армия]. 서울: 청년사, 2005. 306 쪽.

252. 권현정. 청년 행위의 정치성과 그 저항 (불)가능성에 대하여 [*Квон Хёнчжон*. О политической природе действий молодежи и (не)возможности молодежного сопротивления] // 코기토. 2017. 제 81 호. 586–611 쪽.

253. 김건우. 1964 년의 담론 지형: 반공주의, 민족주의, 민주주의, 자유주의, 성장주의 [*Ким Гону*. Дискурсивный ландшафт 1964 г.: антикоммунизм, национализм, демократия, либерализм, идеология постоянного экономического роста] // 대중서사연구. 2009. 제 22 호. 71–90 쪽.

254. 김덕호. 가전제품, 소비혁명, 그리고 한국의 대량소비사회 형성 [*Ким Докхо*. Бытовая техника, революция в сфере потребления и формирование общества массового потребления в Республике Корея] // 역사비평. 2021. 제 137 호. 269–300 쪽.

255. 김덕호. 한국에서의 일상생활과 소비의 미국화 문제 [*Ким Докхо*. Проблема американизации повседневности и потребления в Республике Корея] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [*«Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 122–158 쪽.

256. 김명숙. 국가동원과 '가족계획' [*Ким Мёнсук*. Государственная мобилизация и «планирование семьи»] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 257–331 쪽.

257. 金命祚. 餘暇善用과 靑少年善導策. Recreation 問題의 提起 [*Ким Мёнчжо*. К постановке проблемы отдыха: правильное использование свободного времени и воспитательная политика в отношении молодежи] // 한국체육학회. 1975. 11 권. 147–157 쪽.

258. 김명환, 김중식. 서울의 밤문화: 낮과 다른 새로운 밤 서울로의 산책 [*Ким Мёнхван, Ким Чжунсик*. Ночная культура Сеула: прогулка по ночной столице, открывающейся с новой стороны]. 서울: 생각의 나무, 2006. 257 쪽.

259. 金炳翼. 「青年」의 認識과 「文化」의 理解: 李重漠編「青年文化論」 [*Ким Бёнъик*. Сознание молодежи и понимание культуры: «Теории молодежной культуры» под ред. Ли Чжунхана] // 관훈저널. 1975. 제 21 호. 103–105 쪽.

260. 김복수. 1960 년대 대중매체와 일상생활 – 라디오 전성시대와 일상생활의 변화를 중심으로 [*Ким Боксу*. Масс-медиа и повседневная жизнь в 1960-е гг.: эпоха расцвета радио и изменения в повседневности] // 1960 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1960-е гг.*] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 173–219 쪽.

261. 김복수. 1970 년대 대중매체와 일상생활 – 텔레비전 시대의 도래와 일상생활의 변화를 중심으로 [*Ким Боксу*. Масс-медиа и повседневная жизнь в 1970-е гг.: наступление эпохи телевидения и изменения в повседневной жизни] // 1970 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1970-е гг.*] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 167–213 쪽.

262. 김성환. “너, 참 텔레비전이로구나” [*Ким Сонхван*. «Ну ты и телевизор…»] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 45–59 쪽.

263. 김성환. 『선데이서울』과 유신 시대의 대중 [*Ким Сонхван*. «Воскресный Сеул» и общественные массы в период Юсин] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 245–259 쪽.

264. 김성환. 1970 년대 대중문학의 욕망과 대중서사의 변주 [*Ким Сонхван*. Чаяния массовой литературы и вариации популярного нарратива в 1970-е гг.]. 서울: 소명출판, 2019. 533 쪽.

265. 김성환. 청년문화를 제압한 '대마초 파동' [*Ким Сонхван*. «Марихуановый скандал», подавивший «молодежную культуру»] // 1970, 박정희 모더니즘 [1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 282–296 쪽.

266. 김소현, 염혜정. 서울의 의생활 변천 [*Ким Сохён, Ём Хечжон*. Изменения в сеульской моде] // 서울 20 세기 생활 문화변천사 [*Изменения в повседневной культуре Сеула в XX в.*]. 서울 : 서울시정개발연구원, 2001. 279–377 쪽.

267. 김수경. 무주공산(無主空山)의 시대: 대마초 파동 이후 트로트 고고의 유행 [*Ким Сугён*. Период «никем не занятой пустоты»: популярность жанра «трот гоу-гоу» после «марихуанового скандала»] // 대중음악. 2011. 제 8 호. 126–154 쪽.

268. 김신일, 강대근. 한국의 청년과 청년문화에 관한 연구경향과 방향 [*Ким Синиль, Кан Дэгын*. Тенденции и направления исследований молодежи и молодежной культуры в Республике Корея] // 청년연구. 1983. 제 6 집. 15–28 쪽.

269. 김신일. 청소년문화의 의미와 성격 [*Ким Синиль*. Значение и особенности молодежной культуры] // 청소년문화론 [*Молодежная культура*] / 최윤진 외(편). 서울: 한국청소년연구원, 1992. 1–16 쪽.

270. 김영명. 고쳐 쓴 한국 현대 정치사 [*Ким Ёнмён*. Современная политическая история Кореи: новое прочтение]. 서울: 을유문화사, 1999. 358 쪽.

271. 김용근. 서울시민의 여가생활 변천 [*Ким Ёнгын*. Изменения в досуговой жизни сеульцев] // 서울 20 세기 생활 문화변천사 [*Изменения в повседневной культуре Сеула в XX в.*]. 서울 : 서울시정개발연구원, 2001. 743–842 쪽.

272. 김용하, 임성은. 베이비붐 세대의 규모, 노동시장 충격, 세대간 이전에 대한 고찰 [*Ким Ёнха, Им Сонын*. Анализ численности поколения бэби-бумеров, его влияния на рынок труда и межпоколенческого перераспределения доходов] // 보건사회연구. 2011. 제 31 권. 제 2 호. 36–59 쪽.

273. 김원. '유신의 금기'를 넘어선 청년문화 [*Ким Вон*. «Молодежная культура», преодолевшая «юсиновские запреты»] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.: Модернизм Пак Чонхи*] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 270–281 쪽.

274. 김원. '한국적인 것'의 전유를 둘러싼 경쟁: 민족중흥, 내재적 발전 그리고 대중문화의 흔적 [*Ким Вон*. Конкуренция за присвоение «корейскости»: дискурс национального возрождения, теория «внутреннего развития» и следы массовой культуры] // 사회와역사. 2012. 제 93 호. 185–235 쪽.

275. 김원. 냉전문화와 미군기지에 대한 한국사회의 시선 – 1960 년대 대중매체에 드러난 재현 양상을 중심으로 [*Ким Вон*. Культура Холодной войны и взгляд южнокорейского общества на военные базы США: на примере их репрезентации в масс-медиа в 1960-е гг.] // 1960 년대 사회 변동과 자기 재현 [*Социальные изменения и саморепрезентация южнокорейцев в 1960-е гг.*] / 김경일 외. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2018. 77–127 쪽.

276. 김원. 여공 1970, 그녀들의 反역사 [*Ким Вон*. Женщины-рабочие в 1970-е гг.: их контристория]. 서울: 이매진, 2005. 860 쪽.

277. 김은실. 한국 근대화 프로젝트의 문화 논리와 가부장성 [*Ким Ынсиль*. Культурная логика южнокорейского проекта модернизации и его патриархальные черты] // 당대비평. 1999. 제 8 호. 79–100 쪽.

278. 김은영. 1960-1970 년대 음악정치: 박정희체제의 음악정책과 노래운동을 중심으로 [*Ким Ынъён*. Политика музыки в 1960–70 гг.: музыкальная политика Пак Чонхи и *Норэ ундон*] // 음악과 현실, 2020. 제 60 호. 87–118 쪽.

279. 김종태. 박정희 정부 시기 선진국 담론의 부상과 발전주의적 국가정체성의 형성: ‘대통령 연설문’과 ‘조선일보’를 중심으로 [*Ким Чжонтхэ*. Развитие дискурса *сончжингук* и формирование девелопменталистской национальной идентичности во время правления Пак Чонхи на примере президентских речей и газеты «*Чосон ильбо*»] // 한국사회학. 2013. 제 47 집. 1 호. 71–106 쪽.

280. 김종태. 이승만 정부 시기 문명 담론과 선진국 담론에 나타난 국가정체성과 서구관: '대통령 연설문'과 '조선일보'를 중심으로 [*Ким Чжонтхэ*. Национальная идентичность и взгляды на Запад: дискурсы *мунмён* и *сончжингук* во время правления Ли Сынмана на примере президентских речей и газеты «*Чосон ильбо*»] // 한국사회학. 2012. 제 46 집. 2 호. 150–175 쪽.

281. 김주현. 1960 년대 '한국적인 것'의 담론 지형과 신세대 의식 [*Ким Чжухён*. Топография дискурса «корейскости» в 1960-е гг. и самосознание нового поколения] // 상허학보. 2006. 제 16 호. 379–410 쪽.

282. 김지평. 한국 가요 정신사 [*Ким Чжипхён*. Интеллектуальная история корейских популярных песен]. 서울: 아름출판사, 2000. 488 쪽.

283. 金晋均. 한국의 교육문화에 대한 사회학적 접근 [*Ким Чжингюн*. Корейская образовательная культура: социологический подход] // 韓國社會 變動 硏究 (I) [*Исследование социальных изменений в Республике Корея, Ч. 1*]. 서울 : 民衆社, 1984. 185–252 쪽.

284. 김창남. 1970 년대 한국 청년문화의 문화적 정체성: 통기타음악을 중심으로 [*Ким Чханнам*. Культурная идентичность «молодежной

культуры» 1970-х гг. на примере фолк-музыки] // 대중음악. 2008. 제 2 호. 144–165 쪽.

285. 김창남. 김민기, 그리고 새로운 청년문화의 구상 [*Ким Чханнам*. Ким Минги и формирование новой молодежной культуры] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 9–26 쪽.

286. 김창남. 대중문화의 이해 [*Ким Чханнам*. Понимание популярной культуры]. 서울: 한울아카데미, 2022. 352 쪽.

287. 김창남. 한국 대중문화사 [*Ким Чханнам*. История корейской популярной культуры]. 서울: 한울아카데미, 2021. 432 쪽.

288. 김한상. 조국근대화를 유람하기 [*Ким Хансан*. Путешествие по «модернизации Родины»]. 서울: 한국영상자료원, 2008. 152 쪽.

289. 김행선. 1970 년대 박정희 정권의 문화정책과 문화통제 [*Ким Хэнсон*. Культурная политика и управление культурой режимом Пак Чонхи в 1970-е гг.]. 서울: 선인, 2012. 245 쪽.

290. 김행선. 1970 년대 유신체제기 학교새마을운동의 조직과 활동 [*Ким Хэнсон*. Организация и деятельность «Движения за новую деревню» в образовательных учреждениях в период Юсин]. 서울: 선인, 2017. 222 쪽.

291. 김현선. 애국주의의 내용과 변화: 1960–90 년대 교과서 분석을 중심으로 [*Ким Хёнсон*. Сущность и изменения идеологии патриотизма: на примере анализа учебников 1960–90-х гг.] // 정신문화연구. 2002. 제 25 권. 제 2 호. 177–205 쪽.

292. 김형찬. 1970 년대 통기타 음악과 청년문화의 인프라 [*Ким Хёнчхан*. Инфраструктура акустической гитарной музыки и «молодежной культуры» в 1970-е гг.] // 노래 5: 대중음악과 노래운동, 그리고 청년문화

[*Песни, Ч. 5: Популярная музыка, норэ ундон и молодежная культура*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 159–192 쪽.

293. 김형찬. 김민기 – 한국 대중음악사 최초의 얼터너티브 [*Ким Хёнчхан*. Ким Минги: первая альтернатива в истории южнокорейской популярной музыки] // 김민기 [*Ким Минги*] / 김창남 편. 서울: 한울, 2004. 478–486 쪽.

294. 노지승. 영화 영자의 전성시대에 나타난 하층민 여성의 쾌락 [*Но Чжисын*. Удовольствие женщины из низших слоев общества в фильме «Дни расцвета Ёнчжа»] // 한국현대문학연구. 2008. 제 24 호. 413–444 쪽.

295. 문만용. 박정희시대의 과학기술정책 [*Мун Манъён*. Политика в области науки и техники в период правления Пак Чонхи] // 박정희시대와 한국현대사: 연구자와 체험자의 대화 [*Эпоха Пак Чонхи и новейшая история Республики Корея: диалоги исследователей и очевидцев*] / 정성화, 강규형 엮음. 서울: 선인, 2007. 359–403 쪽.

296. 문옥배. 한국 금지곡의 사회사 [*Мун Окпэ*. Социальная история корейских запрещенных песен]. 서울: 예솔, 2004. 260 쪽.

297. 문옥배. 해방 이후 정부의 음악통제 연구 [*Мун Окпэ*. Исследование государственного контроля за сферой музыки после Освобождения] // 음악논단. 2008. 제 22 호. 25–64 쪽.

298. 문옥표. '전통'의 생산과 소비: 한복을 중심으로 [*Мун Окпхё*. Производство и потребление «традиционного» на примере ханбока] // 한국인의 소비와 여가생활 [*Потребление и досуг корейцев*]. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2012. 17–80 쪽.

299. 박길성. 1960 년대 인구사회학적 변화와 도시화 [*Пак Кильсон*. Социально-демографические изменения и урбанизация в 1960-е гг.] // 1960 년대의 사회변화연구 (1963–1970) [*Исследование социальных изменений в 1960-е гг. (1963–1970)*]. 백산서당, 1999. 11–54 쪽.

300. 박애경. 한국 포크의 도시민요적 가능성 탐색 [*Пак Эгён*. Южнокорейская фолк-музыка как городские «народные песни»] // 한국민요학. 2014. 제 41 호. 53–77 쪽.

301. 박용규. 1970 년대의 텔레비전과 대중음악: 청소년 대상 대중음악 프로그램을 중심으로 [*Пак Ёнгю*. Телевидение и популярная музыка в 1970-е гг. на примере музыкальных программ для молодежи] // 한국언론학보. 2007. 제 51 권. 제 2 호. 5–29 쪽.

302. 박용규. 라디오 디스크자키 프로그램의 등장과 변화: 1960 년대의 팝송프로그램을 중심으로 [*Пак Ёнгю*. Появление и эволюция диджейских радиопрограмм на примере программ 1960-х гг., транслирующих поп-музыку] // 언론정보연구. 2020. 제 57 권. 제 3 호. 239–285 쪽.

303. 박유희. ‘검열’이라는 포르노그래피 − <춘몽>에서 <애마부인>까지 ‘외설’ 검열과 재현의 역학 [*Пак Юхи*. «Порнография» как категория цензуры: динамика цензуры и репрезентации «непристойного» от «*Пустого сна*» до «*Мадам Эма*»] // 한국영화역사 속 검열제도 [*Система цензуры в истории корейского кинематографа*]. 서울: 한국영상자료원, 2016. 153–209 쪽.

304. 박유희. 박정희 정권기 영화 검열과 감성 재현의 역학 [*Пак Юхи*. Динамика киноцензуры и эмоциональной репрезентации в период правления Пак Чонхи] // 역사비평. 2012. 제 46 호. 42–90 쪽.

305. 박재흥. 세대 계승과 갈등: 사회문화적 변동의 맥락에서 [*Пак Чэхын*. Поколенческая преемственность и конфликты в контексте социально-культурных изменений] // 대한민국 60 년의 사회변동: 성찰과 성과, 그리고 과제 [*Социальные перемены в Республике Корея за последние 60 лет: критика, достижения и задачи*] / 한국사회학회 편. 서울: 인간사랑, 2009. 359–394 쪽.

306. 박재흥. 한국사회의 세대갈등 [*Пак Чэхын*. Конфликт поколений в южнокорейском обществе] // 한국인구학. 2010. 제 33 권. 제 3 호. 75–99 쪽.

307. 박진도, 한도현. 새마을운동과 유신체제 [*Пак Чиндо, Хан Дохён*. «Движение за новую деревню» и система Юсин] // 역사비평. 1999. 통권 47 호. 37–80 쪽.

308. 박태균. 1960 년대 중반 안보 위기와 제 2 경제론 [*Пак Тхэгюн*. Кризис национальной безопасности середины 1960-х гг. и «теория второй экономики»] // 역사비평. 2005. 제 72 호. 250–276 쪽.

309. 박태균. 연예인 대마초 사건 논쟁 [*Пак Тхэгюн*. Дискуссии вокруг знаменитостей, попавших в «марихуановый скандал»] // 논쟁으로 읽는 한국 현대사 [*Новейшая история Республики Корея, рассмотренная сквозь призму споров и дебатов*] / 김호기, 박태균 지음. 서울: 메디치미디어, 2019. 175–181 쪽.

310. 반재영. 후진국민의 정신분석: 1960 년대 냉전 행동과학(behavioral science)의 수용과 민족개조론의 변전 [*Пан Чжэён*. Психоанализ «граждан неразвитой страны»: рецепция бихевиористики времен Холодной войны и трансформация дискурса национальных реформ в 1960-е гг.] // 상허학보. 2020. 제 59 호. 155–201 쪽.

311. 배성인. 유신체제의 지배이데올로기와 대중 통제 [*Пэ Сонин*. Доминирующая идеология системы Юсин и контроль за общественными массами] // 유신을 말하다 [*О периоде Юсин*]. 서울: 나름북스, 2013. 206–252 쪽.

312. 배은경. 가족계획 사업과 여성의 몸: 1960-70 년대 출산조절 보급 과정을 통해 본 여성과 '근대' [*Пэ Ынгён*. Планирование семьи и женское тело: женщины и «модерность», рассмотренные через призму

распространения технологий контроля над рождаемостью в 1960–70-е гг.] // 사회와 역사. 2005. 제 67 권. 260–299 쪽.

313. 백미숙. 라디오의 사회문화사 [*Пэк Мисук*. Социокультурная история радио] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 307–380 쪽.

314. 손인수. 유교서에 나타난 청소년 교육 [*Сон Инсу*. Образование молодежи в конфуцианских текстах] // 청년연구. 1979. 제 2 집. 1–44 쪽.

315. 송은영. 1960~1970 년대 한국 대중사회논쟁의 전개 과정과 특성 – 1971 년 대중사회 논쟁을 중심으로 [*Сон Ынъён*. Ход и особенности южнокорейских дискуссий о массовом обществе в 1960-х и 1970-е гг. на примере дебатов о применимости категории «массового общества» к Республике Корея в 1971 г.] // 사이間. 2013. 제 14 호. 149–177 쪽.

316. 송은영. 1960~70 년대 한국의 대중사회화와 대중문화의 정치적 의미 [*Сон Ынъён*. Превращение общества Республики Корея в массовое общество и политическое значение южнокорейской популярной культуры в 1960–70-е гг.] // 상허학보. 2011. 제 32 호. 187–226 쪽.

317. 송은영. 1970 년대 여가문화와 대중소비의 정치 [*Сон Ынъён*. Политика культуры досуга и массового потребления в 1970-е гг.] // 현대문학의 연구. 2013. 제 50 호. 39–72 쪽.

318. 송은영. 대중문화 현상으로서의 최인호 소설: 1970 년대 청년문화/문학의 스타일과 소비풍속 [*Сон Ынъён*. Романы Чхве Инхо как феномен массовой культуры: стиль «молодежной культуры»/«молодежной литературы» 1970-х гг. и связанные с ними потребительские практики] // 상허학보. 2005. 제 15 호. 419–445 쪽.

319. 송은영. 사이키델릭 문학, 그리고 변방 히피들의 뒤틀린 성 — 68 정신의 문화적 영향과 1970 년대 문학의 대항문화적 실천 [*Сон Ынъён*. Психоделическая литература и искаженная сексуальность

«периферийных хиппи»: культурное влияние духа движения 1968 г. и контркультурные практики литературы 1970-х гг.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 140–170 쪽.

320. 송효정. 감각의 전변, 1970 년대 중반 청년 음악영화의 전개 [*Сон Хёчжон*. Преобразование чувств: развитие молодежных музыкальных фильмов середины 1970-х гг.] // 어문논집. 2023. 제 98 호. 131–166 쪽.

321. 신병식. 징병제의 강화와 '조국 군대화' [*Син Бёнсик*. Укрепление системы призыва на военную службу и «милитаризация Родины»] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 226–256 쪽.

322. 신원철. 1960~1970 년대 기계산업 노동자의 여가 및 소비생활, 그리고 노동자 정체성 [*Син Вончхоль*. Досуг, потребительская жизнь и идентичность рабочих машиностроительной промышленности в 1960–1970-е гг.] // 경제와 사회. 2005. 제 68 호. 44–70 쪽.

323. 신현준, 뷔리야 사왕초트. 음악적 공공 공간과 ‘순수/퇴폐’의 문화정치(학): 1970 년대 냉전기 한국과 태국에서 청년문화의 출현과 종언 [*Син Хёнчжун, Вирия Саванчот*. Публичное пространство музыки и культурная политика «чистоты/упадка»: появление и упадок молодежных культур в Южной Корее и Таиланде в период Холодной войны 1970-х гг.] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 225–249 쪽.

324. 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1960 [*Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1960-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 488 쪽.

325. 신현준, 최지선. 한국 팝의 고고학 1970 [*Син Хёнчжун, Чхве Чжисон*. Археология южнокорейской популярной музыки: 1970-е гг.]. 서울: 을유문화사, 2022. 596 쪽.

326. 신현준. 소리 미디어의 사회문화사 [*Син Хёнчжун*. Социокультурная история звуковых медиа] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 381–436 쪽.

327. 신현준. 이장희와 1970 년대: 실종된 1970 년대, 퇴폐 혹은 불온? [*Син Хёнчжун*. Ли Чжанхи и 1970-е гг.: были ли «исчезнувшие 1970-е» временем упадка или временем бунта?] // 당대비평. 2004. 제 28 호. 49–68 쪽.

328. 沈允宗. 產業構造와 靑年文化 [*Сим Юнчжон*. Индустриализация и молодежная культура] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 靑年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 57–80 쪽.

329. 안승택. 두 마을 이야기: 1960~70 년대 농촌의 일상생활 속 자연적 사회적 사건 [*Ан Сынтхэк*. История двух деревень: природные явления и социальные события в повседневной жизни сельских жителей в 1960–1970-е гг.] // 작은 사람들의 일상사 [*История повседневности «маленьких людей»*]. 서울: 푸른역사, 2025. 209–247 쪽.

330. 梁璿. 靑年文化와 階層構造 [*Ян Сон*. Молодежная культура и классовая структура] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 靑年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 81–105 쪽.

331. 오명석. 1960-70 년대의 문화정책과 민족문화담론 [*О Мёнсок*. Культурная политика и дискурс национальной культуры в 1960-е и 1970-е гг.] // 비교문화연구. 1998. 제 4 호. 121–152 쪽.

332. 오영숙. 1970 년대 한국영화의 청년표상과 정동정치 [*О Ёнсук*. Образ молодежи и политика аффекта в южнокорейском кино 1970-х гг.] // 한국극예술연구. 2021. 제 71 권. 103–138 쪽.

333. 오제연. 1970 년 전후 한국 학생운동의 새로운 양상과 68 운동의 '스튜던트 파워' [*О Чжеён*. Новые черты южнокорейского студенческого движения после 1970 г. и «студенческая сила» движения 1968 г.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 102–139 쪽.

334. 오제연. 1970 년대 대학문화의 형성과 학생운동 – '청년문화'와 '민속'을 중심으로 [*О Чжеён*. Формирование университетской культуры и студенческого движения в 1970-е гг.: на примере «молодежной культуры» и «народной культуры»] // 역사문제연구. 2012. 제 16 권. 제 2 호. 81–117 쪽.

335. 원용진. 1970 년대 대중음악과 방송 권력 [*Вон Ёнчжин*. Популярная музыка 1970-х гг. и власть радио и телевидения] // 대중서사연구. 2025. 제 31 권. 제 1 호. 427–470 쪽.

336. 원용진. 한국 대중문화, 미국과 함께 혹은 따로 [*Вон Ёнчжин*. Популярная культура Республики Корея: вместе/порознь с США] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [*«Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 160–217 쪽.

337. 유선영. 과민족화 프로젝트와 호스티스영화 [*Ю Сонъён*. Проект «сверхнационализации» и фильмы про хостесс] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 332–396 쪽.

338. 유선영. 대한제국 그리고 일제 식민지배 시기 미국화 [*Ю Сонъён*. Американизация в период Корейской империи и японского колониального господства] // 아메리카나이제이션: 해방 이후 한국에서의 미국화 [*«Америкханаичжеисён»: американизация Республики Корея после Освобождения*] / 김덕호, 원용진 등저. 서울: 푸른역사, 2008. 49–84 쪽

339. 유선영. 영화의 사회문화사 [*Ю Сонъён*. Социокультурная история кинематографа] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 227–303 쪽.

340. 윤영도. 냉전기 국민화 프로젝트와 '전통문화' 담론: 한국·타이완의 사례를 중심으로 [*Юн Ёндо*. Проект по «созданию граждан» и дискурс «традиционной культуры» во время Холодной войны: на примере Южной Кореи и Тайваня] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 225–249 쪽.

341. 윤정화. 1970 년대 최인호 소설에 나타난 '미국문화' [*Юн Чжонхва*. Образ «американской культуры» в романах Чхве Инхо 1970-х гг.] // 비평문학. 2012. 제 53 호. 155–182 쪽.

342. 은정태. 박정희시대 성역화사업의 추이와 성격 [*Ын Чжонтхэ*. Динамика и особенности политики по созданию «сакральных мест» в эпоху Пак Чонхи] // 역사문제연구. 2005. 제 15 권. 241–277 쪽.

343. 이경숙. 유신과 대학 [*Ли Гёнсук*. Система Юсин и высшие учебные заведения]. 서울: 역락, 2022. 196 쪽.

344. 이기훈. 청년아 청년아 우리 청년아 [*Ли Гихун*. Молодежь, молодежь, наша молодежь]. 서울: 돌베개, 2014. 332 쪽.

345. 이민정. 4.19 혁명과 5.16 군사정변기의 이데올로기와 복식 [*Ли Минчжон*. Идеология и одежда в период Апрельской революции и Военного переворота 16 мая] // 한국의류산업학회지. 2014. 제 16 권. 제 5 호. 706–718 쪽.

346. 이봉범. 1950 년대 문화정책과 영화 검열 [*Ли Бонбом*. Культурная политика и киноцензура в 1950-е гг.] // 한국문학연구. 2009. 제 37 호. 409–467 쪽.

347. 이상록. 1970 년대 소비억제정책과 소비문화의 일상정치학 [*Ли Саннок*. Меры по ограничению потребления и повседневная политика потребительской культуры в 1970-е гг.] // 역사문제연구. 2013. 제 17 집. 제 1 호. 137–182 쪽.

348. 이상록. 문화계, 획일주의에 맞선 저항의 우회로 [*Ли Саннок*. Сфера культуры: в поисках обходного пути для сопротивления единообразию] // 한국현대 생활문화사 1970 년대: 새마을운동과 미니스커트 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период: 1970-е гг., «Движение за новую деревню» и мини-юбки*] / 김경일 등저. 서울: 창비, 2016. 121–144 쪽.

349. 이상록. 박정희 체제의 '사회정화' 담론과 청년문화 [*Ли Саннок*. Дискурс «очищения общества» режима Пак Чонхи и «молодежная культура»] // 근대의 경계에서 독재를 읽다: 대중독재와 박정희 체제 [*Прочтение диктатуры на полях модерности: массовые диктатуры и режим Пак Чонхи*] / 장문석, 이상록 엮음. 서울: 그린비, 2006. 335–376 쪽.

350. 李相回. 韓國 大衆音樂의 藝術社會學的 硏究 [*Ли Санхве*. Исследование корейской популярной музыки через призму социологии искусства] // 정신문화연구. 1984. 제 23 호. 127–155 쪽.

351. 李相禧. 韓國의 社會的 狀況과 그 文化의 特性 [*Ли Санхи*. Социальная ситуация в Республике Корея и особенности южнокорейской культуры] // 관훈저널. 1977. 제 25 호. 130–149 쪽.

352. 이승원. 박정희의 리더십과 퍼스낼러티. 정치 주역의 출현, 기원, 신화에 관한 시론: '혁명공약'을 중심으로 [*Ли Сынвон*. Лидерские качества и личность Пак Чонхи: эссе о возникновении, истоках и закреплении мифа о его «лидирующей роли в политическом процессе» на примере «революционных обещаний»] // 유신을 말하다 [*О периоде Юсин*] / 배성인 외 공저. 서울: 나름북스, 2013. 55–79 쪽.

353. 이영미. 광화문 연가 [*Ли Ёнми*. Песня о любви к Кванхвамуну]. 서울: 예담, 2008. 316 쪽.

354. 이영미. 대마초사건, 그 1975 년의 의미 [*Ли Ёнми*. Значение “марихуанового скандала” 1975 г.] // 역사비평. 2015. 제 112 호. 206–231 쪽.

355. 이영미. 유신 말기의 나비 효과 [*Ли Ёнми*. «Эффект бабочки» конца периода Юсин] // 인물과사상. 2016. 제 8 월호. 141–155 쪽.

356. 이영미. 청년문화는 왜 하필 1970 년대였을까? [*Ли Ёнми*. Почему «молодежная культура» возникла именно в 1970-е гг.?] // 인물과사상. 2016. 제 2 월호. 168–181 쪽.

357. 이영미. 청년문화에 여성의 자리는 있는가? [*Ли Ёнми*. Какова была роль женщин в «молодежной культуре»?] // 인물과사상. 2016. 제 6 월호. 151–164 쪽.

358. 이영미. 청년문화와 정치적 진보성은 어떤 관계였는가? [*Ли Ёнми*. Какова была взаимосвязь между «молодежной культурой» и политической прогрессивностью?] // 인물과사상. 2016. 제 3 월호. 168–181 쪽.

359. 이영미. 포크, 순수와 오염의 이분법 [*Ли Ёнми*. Фолк-музыка: дихотомия «чистоты» и «загрязненности»] // 인물과사상. 2008. 제 6 월호. 113–123 쪽.

360. 이영미. 한국 대중가요사 [*Ли Ёнми*. История корейской популярной музыки]. 서울: 시공사, 1998. 324 쪽.

361. 이정덕. 외국문화요소의 수용과 소비의 문화정치학: 청바지의 사례 [*Ли Чжондок*. Принятие элементов зарубежной культуры и культурная политика потребления: случай джинсов] // 한국인의 소비와 여가생활 [*Потребление и досуг корейцев*]. 서울: 한국학중앙연구원출판부, 2012. 81–127 쪽.

362. 이정은. 재벌의 탄생, 부정축재자의 비상 [*Ли Чжонын*. Рождение чэболей и проблема незаконного обогащения] // 한국현대생활문화사 1960 년대: 근대화와 군대화 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период: 1960-е гг., модернизация и милитаризация*] / 오제연 등저. 서울: 창비, 2016. 141–164 쪽.

363. 이종님. 1960~70 년대 텔레비전 드라마를 통한 '공공'이데올로기 형성에 관한 연구: 한국·일본을 중심으로 [*Ли Чжонним*. Исследование процесса формирования «публичной» идеологии через телевизионные драмы 1960–70-х гг. на примере Южной Кореи и Японии] // 냉전 아시아의 문화풍경 2: 1960~1970 년대 [*Культурный ландшафт Азии периода Холодной войны, Ч. 2: 1960-1970-е гг.*] / 성공회대 동아시아연구소 편. 서울: 현실문화연구, 2009. 371–398 쪽.

364. 이종현. 1970 년대 정부의 반(反)소비 정책과 소비자 행동에 대한 연구 [*Ли Чжонхён*. Государственная политика, направленная на

сдерживание потребления, и поведение потребителей в 1970-е гг.] // 역사문제연구. 2012. 제 28 권. 327–364 쪽.

365. 이진경. 한국 '가족계획사업'의 생체정치학 [*Ли Чжингён*. Биополитика южнокорейской кампании по «планированию семьи»] // 문화과학. 2003. 제 33 호. 181–206 쪽.

366. 이현복. 한국 청소년의 언어생활 [*Ли Хёнбок*. Языковые практики южнокорейской молодежи] // 청년연구. 1980. 제 3 집. 87–122 쪽.

367. 이혜림. 1970 년대 청년문화구성체의 역사적 형성과정 – 대중음악의 소비양상을 중심으로 [*Ли Херим*. Исторический процесс формирования «молодежной культуры» в 1970-е гг.: на примере паттернов потребления популярной музыки] // 사회연구. 2005. 제 6 권. 제 2 호. 7–40 쪽.

368. 이호걸. 1970 년대 한국영화 [*Ли Хоголь*. Южнокорейский кинематограф 1970-х гг.] // 한국영화사 공부 1960~1979 [*Исследование истории южнокорейского кинематографа (1960–1979)*] / 이효인 외. 서울: 한국영상자료원, 2004. 87–142 쪽.

369. 임종수. 텔레비전의 사회문화사 [*Им Чжонсу*. Социокультурная история телевидения] // 한국의 미디어 사회문화사 [*Социокультурная история корейских СМИ*]. 서울: 한국언론진흥재단, 2008. 437–486 쪽.

370. 임희섭. 한국의 사회변동과 가치관 [*Им Хисоп*. Социальные изменения и ценности в Корее]. 서울: 나남출판, 1995. 403 쪽.

371. 장영민. 국사교육의 강화와 국가주의 [*Чан Ёнмин*. Укрепление образования в сфере национальной истории и государственный национализм] // 국가와 일상: 박정희세대 [*Государство и повседневная жизнь в период правления Пак Чонхи*] / 공제욱 엮음. 서울: 한울아카데미, 2008. 399–469 쪽.

372. 정수복. 한완상과 비판사회학의 형성 [*Чон Субок*. Хан Вансан и формирование критической социологии в Республике Корея] // 한국사회학. 2017. 제 51 권. 제 1 호. 359–398 쪽.

373. 정원식. 한국청년의 심리적 발달특징 [*Чон Вонсик*. Особенности психологического развития южнокорейских подростков] // 청년연구. 1978. 제 1 집. 7–28 쪽.

374. 정찬일. 삼순이. 식모, 버스안내양, 여공: 시대가 만들고 역사가 잊은 이름 [*Чон Чханиль*. Самсуни: домработницы, кондукторки, женщины-рабочие – имена, созданные эпохой и забытые историей]. 서울: 책과함께, 2019. 433 쪽.

375. 정현경. 1970 년대 혼성적 도시 표상으로서의 도시인의 우울 [*Чон Хёнгён*. «Уныние» горожан как символ «гибридного города» 1970-х гг.] // 한국극예술연구. 2013. 제 41 호. 253–283 쪽.

376. 조긍호. 현대 한국 청년의 정체의식 [*Чо Гынхо*. Идентичность современной южнокорейской молодежи] // 청년연구. 1979. 제 2 집. 71–107 쪽.

377. 조태성. 연대의 노래, 공감장의 형성. 1970 년대 이후 민중가요를 중심으로 [*Чо Тхэсон*. Песни солидарности и формирование пространства сопереживания: на примере *минчжун гаё* после 1970-х гг.] // 인간.환경.미래. 2017. 제 19 호. 29–51 쪽.

378. 조희연. 박정희와 개발독재시대 [*Чо Хиён*. Пак Чонхи и эпоха диктатуры развития]. 서울: 역사비평사, 2007. 252 쪽.

379. 주창윤. 1970 년대 청년문화 세대담론의 정치학 [*Чу Чханъюн*. Политика поколенческого дискурса «молодежной культуры» 1970-х гг.] // 언론과 사회. 2006. 제 14 권. 제 3 호. 73–105 쪽.

380. 주창윤. 1975 년 전후 한국 당대문화의 지형과 형성과정 [*Чу Чханъюн*. Структура и процесс формирования современной

южнокорейской культуры до и после 1975 г.] // 한국언론학회. 2007. 제 51 호. 5–31 쪽.

381. 차인석. 청년문화 [*Чха Инсок*. «Молодежная культура»] // 현대 철학과 정치 [*Современная философия и политика*] / 차인석. 서울: 평민사, 1978. 59–70 쪽.

382. 車載浩. 70 年代末에서의 價值,態度 및 信念으로 본 한국인의 世代差 [*Чха Чжэхо*. Поколенческие различия поколений у корейцев в конце 1970-х гг.: их ценности, установки и убеждения] // 社會心理學研究. 1985. 제 2 집. 제 2 호. 129–168 쪽.

383. 천정환. ‘1960’은 왜 일본문화를 좋아했을까? 일본문화에 대한 한국사회의 분열증 [*Чхон Чжонхван*. Почему южнокорейцы любили японскую культуру в 1960-е гг.? Двойственное отношение южнокорейского общества к японской культуре] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 508–549 쪽.

384. 천정환. 민족 혹은 소명의 나르시시즘. 1960 년대식 지성과 민족본질론 그리고 ‘한국학’의 풍경 [*Чхон Чжонхван*. Нарциссизм нации/нарциссизм призвания: интеллектуальная сфера 1960-х гг., теория «сущности нации» и топография «кореееведения»] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 275–328 쪽.

385. 천정환. 박정희 군사독재시대의 ‘교양’과 자유교양운동. 교양의 재구성, 대중성의 재구성 [*Чхон Чжонхван*. «Просвещение» в период военной диктатуры Пак Чонхи и «Движение за образование в духе свободы»: реорганизация категорий «просвещения» и «популярности»] // 1960 년을 묻다 [*Проблематизируя 1960-е гг.*] / 권보드래, 천정환. 서울: 천년의상상, 2012. 423–462 쪽.

386. 최경호. ‘미신타파’ 이후의 洞祭와 마을의 정체성: 경북 영덕 老勿里의 사례를 중심으로 [*Чхве Гёнхо*. Ритуалы *тончже* и деревенская идентичность после «ниспровержения суеверий»: на примере деревни Номулли в уезде Ёндок, провинция Северная Кёнсан] // 종교연구. 1997. 제 13 집. 67–87 쪽.

387. 최광승. 유신체제기 박정희 정권의 애국적 국민 생산 프로젝트: 화랑도와 화랑교육원을 중심으로 [*Чхве Гвансын*. Проект по созданию «патриотических граждан» в период Юсин: на примере «Хварандо» и Образовательного центра «Хваран»] // 한국학연구. 2014. 제 33 집. 237–275 쪽.

388. 최신덕. 미혼여성의 결혼관 및 직업관 [*Чхве Синдок*. Взгляды незамужних женщин на брак и карьеру] // 청년연구. 1980. 제 3 집. 123–168 쪽.

389. 한만길. 유신체제 반공교육의 실상과 영향 [*Хан Мангиль*. Реалии антикоммунистического образования системы Юсин и его последствия] // 역사비평. 1997. 제 38 호. 333–347 쪽.

390. 韓聖悦. 青年期와 青年文化의 特徵 [*Хан Сонъёль*. Период юности и особенности молодежной культуры] // 社會變動期에 있어서의 傳統文化와 青年文化 [*Традиционная культура и молодежная культура в контексте социальных изменений*]. 서울: 高麗大學校民族文化硏究所, 1989. 219–240 쪽.

391. 韓完相. 現代社會와 青年文化 [*Хан Вансан*. Современное общество и молодежная культура]. 서울: 法文社, 1973. 341 쪽.

392. 한홍구. 유신 오직 한 사람을 위한 시대 [*Хан Хонгу*. Юсин: эпоха одного человека]. 서울: 한겨레출판, 2014. 422 쪽.

393. 한홍구. 한홍구의 청소년 역사 특강 [*Хан Хонгу*. Специальный курс лекций по истории молодежи]. 서울: 철수와영희, 2016. 272 쪽.

394. 허은. 유신시대 학교와 학생의 일상사 [*Хо Ын*. Школы в период Юсин и повседневная жизнь учащихся] // 한국현대 생활문화사 1970 년대: 새마을운동과 미니스커트 [*История повседневной культуры Республики Корея в новейший период: 1970-е гг., «Движение за новую деревню» и мини-юбки*]. 서울: 창비, 2016. 35–59 쪽.

395. 홍석률. 1960 년대 지성계의 동향: 산업화와 근대화론의 대두와 지식인사회의 변동 [*Хон Соннюль*. Интеллигенция в 1960-е гг: возникновение теорий индустриализации и модернизации и трансформации интеллектуального сообщества] // 1960 년대의 사회변화연구 (1963–1970) [*Исследование социальных изменений в 1960-е гг. (1963–1970)*]. 백산서당, 1999. 191–256 쪽.

396. 황병주. 1960 년대 지식인의 68 운동 담론 [*Хван Бёнчжу*. Дискурс движения 1968 г. у южнокорейских интеллектуалов в 1960-е гг.] // 역사비평. 2018. 제 123 호. 35–71 쪽.

397. 황병주. 고교 평준화, 불평등을 위한 평등한 경쟁 [*Хван Бёнчжу*. Политика по уравниванию школьного образования: равная конкуренция ради неравенства] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е: Модернизм Пак Чонхи*]. 서울: 천년의상상, 2015. 202–215 쪽.

398. 황병주. 국민교육헌장과 박정희 체제의 지배담론 [*Хван Бёнчжу*. Устав народного образования и доминирующий дискурс режима Пак Чонхи] // 역사문제연구. 2005. 15 권. 129–175 쪽.

399. 황병주. 기능올림픽, 패자 부활의 잔혹사 [*Хван Бёнчжу*. Олимпиада профессиональных навыков: жестокая история второго шанса для проигравших] // 1970, 박정희 모더니즘 [*1970-е гг.:*

Модернизм Пак Чонхи] / 권보드래 등저. 서울: 천년의상상, 2015. 73–85 쪽.

400. 황병주. 박정희 체제의 지배담론: 근대화 담론을 중심으로 [*Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи: на примере дискурса модернизации]. 한양대학교 대학원, 2008. 330 쪽.

401. 황병주. 박정희 체제의 지배담론과 대중의 국민화 [*Хван Бёнчжу*. Доминирующий дискурс режима Пак Чонхи и превращение общественных масс в «граждан»] // 대중독재: 강제와 동의 사이에서 [*Массовая диктатура: между принуждением и согласием*] / 임지현, 김용우 편. 서울: 책세상, 2004. 475–516 쪽.

Публицистика (до 1979 г.)

На корейском языке

402. 高永復. 國民 總和와 社會 淨化 [*Ко Ёнбок*. «Всеобщая гармония» и «очищение общества»] // 世代. 1976. 제 4 호. 114–119 쪽.

403. 高永復. 國民總和論 [*Ко Ёнбок*. Теория «всеобщей гармонии»] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 252–260 쪽.

404. 金景來, 洪志英. 總和와 維新 [*Ким Гённэ, Хон Чжиён*. «Всеобщая гармония» и система Юсин]. 서울: 금란출판사, 1975. 385 쪽.

405. 金大煥. 새마을運動: 그 本質과 課題 [*Ким Дэхван*. «Движение за новую деревню»: его сущность и задачи] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 35–42 쪽.

406. 김동길. 한국 청년에게 고함 [*Ким Донгиль*. Взывая к южнокорейской молодежи]. 서울: 한빛문화, 1979. 290 쪽.

407. 金東旭. 維新敎育의 方向과 實際 [*Ким Донук*. Направления образования в рамках системы Юсин и его реалии] // 維新政友. 1974. 第 2 卷. 第 1 號. 112–123 쪽.

408. 김병렬. 青年文化와 青年映畵 [*Ким Бённёль*. «Молодежная культура» и «молодежное кино»] // 영화. 1974. 2 권. 7 호. 67–68 쪽.

409. 金炳翼. 青年文化와 매스컴 [*Ким Бёньик*. «Молодежная культура» и масс-медиа] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 敎育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и образование*]. 서울: 青藍文化社, 1976. 226–234 쪽.

410. 김용권. 주한 미군과 한국 문화 [*Ким Ёнгвон*. Войска США, дислоцированные в Республике Корея, и корейская культура] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 157–166 쪽.

411. 김우창. 산업 시대의 미학과 안간 [*Ким Учхан*. Эстетика индустриальной эпохи и ее человек] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 10–20 쪽.

412. 金鍾斌. 영 파워 [*Ким Чжонбин*. Young Power]. 서울: 新現實社, 1971. 361 쪽.

413. 金鍾彬.南載熙.李御寧.李英鎬. 韓國의 青年文化 [*Ким Чжонбин, Нам Чжэхи, Ли Орён, Ли Ёнхо*. Южнокорейская «молодежная культура»] // 世代. 1971. 제 9 호. 118–131 쪽.

414. 金鎭萬. 영국의 부흥을 이룩한 영국 여성의 힘 [*Ким Чжинман*. Сила английских женщин, благодаря которой в Великобритании был достигнут экономический подъем] // 새 마음. 1979. 제 3 호. 86–88 쪽.

415. 金憲奎. 방황하는 再修生 [*Ким Хонгю*. Блуждающие *чэсусэны*] // 世代. 1978. 제 5 호. 64–65 쪽.

416. 南載熙. 三層피라밋型의 學生運動 [*Нам Чжэхи*. Трехуровневая пирамида студенческого движения] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 28–32 쪽.

417. 南載熙. 青春文化論 一 젊은 世代의 文化形成考 [*Нам Чжэхи*. Теория молодежной культуры: культурное развитие молодого поколения] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 敎育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и сфера образования*]. 서울: 靑藍文化社, 1976. 190–198 쪽.

418. 박동환. 전통과 시대 정신 [*Пак Тонхван*. Традиция и дух эпохи] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 219–228 쪽.

419. 밤을 새워가며 춤추는 고고클럽 [Гоу-гоу клуб, где танцуют всю ночь напролет] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 12–14 쪽.

420. 손세일. 성경과 추잉검 [*Сон Сеиль*. Библия и жевательная резинка] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 147–156 쪽.

421. 宋志英. 頹廢風潮, 모두의 責任이다 [*Сон Чжиён*. Упаднические тенденции – это наша общая вина] // 世代. 1976. 제 3 호. 304–309 쪽.

422. 스튜던트 파우어 [Student Power] / 曺街京 外著. 서울: 培英社, 1969. 230 쪽.

423. 심현숙. 청소년의 성문제 [*Сим Хёнсук*. Проблема сексуальности среди молодежи] // 새가정. 1974. 제 8·9 월호. 40–43 쪽.

424. 우리들뿐이라는 생각의 땅 [Территория, где мы думаем только о нас самих] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 240–244 쪽.

425. 柳達永. 民族主體論 [*Ю Дарён*. Теория «национального субъекта»] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 60–74 쪽.

426. 유석종. 북리뷰: 젊은이 젊은 놈들 [*Ю Сокчон*. Обзор на книгу «*Молодежь, молодые парни*»] // 한국 YWCA. 1971. 제 19 권. 제 4 호. 29 쪽.

427. 이경아. 미팅 [*Ли Гёна*. Митхин] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 15–17 쪽.

428. 李明遠. TV 시대의 映畵가 가는 길 [*Ли Мёнвон*. Путь кино в эпоху телевидения] // 世代. 1978. 제 5 호. 252–256 쪽.

429. 李聖根. 國民總和論 [*Ли Сонгын*. «Всеобщая гармония»] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 261–280 쪽.

430. 이주혁. 탈선 관광・고고춤이 몰고온 문제들 [*Ли Чжухёк*. Проблемы, вызванные девиантным туризмом и гоу-гоу танцами] // 새가정. 1974. 제 12 월호. 67–69 쪽.

431. 李恒寧. 精神革命論 [*Ли Ханъён*. Теория духовной революции] // 維新의 참뜻 [*Истинный смысл системы Юсин*]. 서울: 韓國維新學術院, 1977. 1–11 쪽.

432. 自由意志 찾는 祝祭의 主人公들 [Главные герои праздника в поисках свободы воли] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의

思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 191–198 쪽.

433. 全東植. 長髮 퀴즈 [*Чон Донсик*. Викторина на тему длинных волос у мужчин] // 기독교사상. 1973. 제 6 월호. 124–126 쪽.

434. 田賀和. 大衆媒體의 影響과 生活指導 [*Чон Хахва*. Влияние масс-медиа и наставничество молодежи] // 社會變化에 對應하는 生活指導 [*Наставничество, реагирующее на социальные изменения*]. 서울: 特別市教育委員會, 1975. 91–105 쪽.

435. 젊은이 젊은놈들 [Молодежь, молодые парни] / 崔禎鎬 編. 現代文明과 韓國. 서울: 現代思想社, 1970. 342 쪽

436. 지금은 眞正한 목소리가 들려야 할 때다 [Настал момент услышать истинные голоса студентов] // 韓國論爭史 IV: 社會 · 教育篇 [*История дебатов в Республике Корея, Ч. 4: Общество и сфера образования*]. 서울: 青藍文化社, 1976. 223–225 쪽.

437. 秦仁淑. 오늘의 青年文化 [*Чин Инсук*. Сегодняшняя «молодежная культура»] // 광장. 1977. 제 66 호. 15–18 쪽.

438. 청개구리집에 모이는 前衛들 [Авангардисты, собирающиеся в «Доме древесной лягушки»] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 199–206 쪽.

439. 청년문화와 퇴폐 풍조 [«Молодежная культура» и упаднические тенденции (пересказ лекции Хан Вансана)] // 한국 YWCA. 1973. 제 21 권. 제 5 호.18–21 쪽.

440. 崔敬植. 大衆의 生活과 大衆音樂 [*Чхве Гёнсик*. Жизнь масс и популярная музыка] // 世代. 1978. 제 5 호. 257–261 쪽.

441. 표재명. 머리 속의 퇴폐 [*Пхё Чжэмён*. «Упадок» – в головах] // 새물결. 1972. 제 4–5 월호. 14 쪽.

442. 韓泰淵. 維新의 참뜻 [*Хан Тхэён*. Истинный смысл системы Юсин] // 국민 문고. 1977. 제 5 집. 5–15 쪽.

443. 韓東世. 青年文化의 妥當性 [*Хан Донсе*. Обоснованность «молодежной культуры»] // 世界의 젊은 世代: 오늘을 사는 젊은이들의 思考와 生態 [*Молодое поколение мира: мысли и образ жизни сегодняшней молодежи*]. 서울: 讀書出版社, 1972. 54–57 쪽.

444. 韓完相. 娛樂과 再創造의 사이: 共樂文化의 형성을 위하여 [*Хан Вансан*. Между развлечением и обновлением: к формированию культуры совместного наслаждения] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 39–55 쪽.

445. 韓完相. 젊은, 그 힘찬 멋 [*Хан Вансан*. Молодость и ее очарование] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 156–167.쪽.

446. 韓完相. 創造的인 大學文化 [*Хан Вансан*. Творческая университетская культура] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 128–134.쪽.

447. 韓完相. 青年文化와 教育風土 [*Хан Вансан*. Молодежная культура и образовательная среда] // 社會變化에 對應하는 生活指導 [*Наставничество, реагирующее на социальные изменения*]. 서울: 서울特別市教育委員會, 1975. 74–90 쪽

448. 韓完相. 清富文化創造를 [*Хан Вансан*. О создании правильной культуры богатства] // 證人없는 社會 [*Общество, где нет людей, изобличающих его*] / 韓完相. 서울: 民音社, 1976. 97–100.쪽.

449. 韓完相. 現代 青年文化의 種問題 [*Хан Вансан*. Проблемы современной «молодежной культуры»] // 新東亞. 1974. 제 7 호. 112–128 쪽.

450. 홍승면. “충”과 “효”와 “우” [*Хон Сынмён*. «Чхун», «хё» и «у»] // 칠십년대의 마지막 말 [*Постскриптум к 1970-м гг.*] / 김우창 외. 서울: 뿌리깊은나무, 1979. 211–218 쪽.

Современные публицистические материалы и интернет-ресурсы

451. 공영민. 1970 년대 대중음악과 대중문화의 변화: 음악인 강근식 [*Кон Ёнмин*. Эволюция популярной музыки и популярной культуры в 1970-е гг.: музыкант Кан Гынсик] // *KMDB*. 20.02.2019. URL: https://www.kmdb.or.kr/history/contents/2604 (дата обращения: 16.05.2025).

452. 권경률. 권경률의 노래하는 한국사 27 통기타·청바지·생맥주… 자유와 낭만 꿈꾼 70 년대 청년문화 [*Квон Гённюль*. Музыкальная история Кореи, рассказанная Квон Гённюлем, ч. 27: Акустическая гитара, джинсы и разливное пиво… «Молодежная культура» 1970-х гг., мечтавшая о свободе и романтике] // 월간중앙. 2024. 제 6 월호. 264–269 쪽.

453. 신현준. 김의철 | 김의철 노래모음 [*Син Хёнчжун*. Ким Ыйчхоль: Альбом «Собрание песен Ким Ыйчхоля»] // *weiv*. 22.12.2002. [Электронный ресурс]. URL: https://www.weiv.co.kr/archives/10892 (дата обращения: 16.05.2025).

454. 이근미. 初老에 접어든 30 년 전 靑年文化의 騎手들을 찾아서 [*Ли Гынми*. В поисках постаревших деятелей «молодежной культуры», которые 30 лет назад были ее ведущей силой] // 월간 조선. 1997. 제 7 호. [Электронный ресурс]. URL: https://monthly.chosun.com/client/news/viw.asp?ctcd=&nNewsNumb=199907100036 (дата обращения: 16.05.2025).

455. 이영미. 뭔가에 미쳤었는데 그건 자유였더라 [*Ли Ёнми*. Они были без ума от чего-то, и то была свобода] // 한겨레. 14.10.2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.hani.co.kr/arti/PRINT/814487.html (дата обращения: 16.05.2025).

456. 제 1 회 최인호청년문화상 수상자 김애란 작가 [Писательница Ким Эран – лауреат 1-й премии им. Чхве Инхо в области молодежной культуры] // 쿨투라. 2023. 제 9 월호. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cultura.co.kr/news/articleView.html?idxno=3510 (дата обращения: 16.05.2025).

Справочные материалы

На английском языке

457. *Vreeland N., Just P., Martindale K, Moeller P., Shinn R*. Area Handbook for South Korea. 2nd ed. Washington: U.S. Government Printing Office, 1975. 416 p.

На корейском языке

458. 박원웅. Discshow at Midnight: 박원웅과 함께 밤의 디스크쇼 [*Пак Вонун*. Discshow at Midnight: Ночное диджей-шоу вместе с Пак Вонуном]. 서울: 보문각, 1974. 322 쪽.

459. 김언순. 교복·두발 자율화 조치 [*Ким Онсун*. Меры по либерализации школьной одежды и причесок] // 한국민족문화대백과사전. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0076165 (дата обращения: 16.05.2025).

460. 김창남. 청년문화 [*Ким Чханнам*. Молодежная культура] // 한국민족문화대백과사전. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0056306 (дата обращения: 16.05.2025).

461. 최신덕. 중매 [*Чхве Синдок*. Договорной брак] // 한국민족문화대백과사전. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0053746 (дата обращения: 16.05.2025).

462. 임동권. 도깨비 [*Им Донгвон*. Токкэби] // 한국민족문화대백과사전. URL: https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0015527 (дата обращения: 16.05.2025).